

Кирилл Кудряшов

Моно логи

Том 6

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Кудряшов

Моно логи. Том 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66459900

SelfPub; 2021

Аннотация

В каких случаях "скорая" советует страдать и как страдать правильно? Какие анекдоты лучше рассказывать врачам, лежа на операционном столе? Что показать в окно снайперу, и чем помахать мечтательной даме? Сколько Стенек Разиных плыло на расписных челнах? Как создать очередь к гробу? Об этом и многом другом вы узнаете из сборника рассказов.

Содержит нецензурную брань.

Кирилл Кудряшов

Моно логи. Том 6

Предисловие

Изначально эта серия юморесков называлась "Мемуары ебалая". Потому что все они (за очень редким исключением) автобиографичны, а ситуации, в которые мне доводится попадать зачастую иначе как ебалайскими не назовешь. Но "ЛитРес" категорически запрещает выносить нецензурщину в заголовок, поэтому я использовал "концертную" версию названия "Моно логи".

Почему логи?

На моей первой работе бригадир предупреждал меня: "С рабочего компа в "нехорошие места Интернета" не лазь. Логи пишутся, шеф палит." Логи – это следы твоего пребывания в Интернете... Мои мемуары – мои следы пребывания в жизни.

Так и получились ебалайские "Моно логи".

Хорошего вам настроения при их прочтении!

1. Ужин в "Залатанном барабане"

Вообще-то я хотел на МАКС. Но, просчитывая дорогу в Москву, обнаружил, что дешевле лететь не прямым рейсом, а через Баку, с пересадкой, на которую отводилось что-то

около 16 часов. Я стал собирать информацию об этом городе, прикидывая, чем бы заняться в Баку в это время, кроме как сидеть в аэропорту на чемоданах, и чем больше я читал, тем больше понимал, что в Баку я хочу не на несколько часов, а на несколько дней.

Пока я думал, дешевый билет через Баку пропал, но меня уже было не остановить. И итоговый план поездки выглядел так: пять дней в Москве, пара дней на МАКСе, и пара дней в Баку.

Во многом из-за Баку ко мне присоединилась и Юля, решившая, что если уж начинать путешествия по загранице, то по алфавиту. "А" – Азербайджан!

И мы полетели.

Восторги начались еще в "Домодедово". Нет, сначала, конечно, был цирк, а уже потом – восторги. Сначала мы, с провожавшим нас Геной, заблудились в аэропорту. Больше в шутку, конечно, чем всерьез, но мы ушли совершенно в другой конец терминала, и бегали по нему в поисках нужного выхода, обвиняя друг друга в косоглазии и косожопии. У Гены поводов было больше: самой частой фразой за время прогулок по Москве было мое: "Так, стоять, кажется, мы не туда идем!" На фоне двух переругивающихся балбесов, стояла Юля, задумчиво изрекая: "Надо же... А я думала, когда путешествуешь с женщиной, можно вообще ни о чем не волноваться..."

Услышав эту историю дома, моя Света от души расхохо-

талась. "Наивная! – сказала она, – Вот как раз когда путешествуешь с женщиной, особенно с такой, которая или со страуса упадет, или в аэропорту заблудится, волноваться и нужно!"

Разобравшись с нумерацией выходов, мы попрощались с Геной и двинулись на посадку. И вот тут-то меня накрыло восторгом. Второй раз за время пребывания в Москве.

Первый раз я от восторга заорал на всю столицу, от чего Гена чуть с перепугу не сиганул с балкона 24-го этажа, а потом вцепился в меня, думая, что сейчас сигану я. Так меня впечатлил вид с нашего балкона на Новом Арбате. Орать, идя по телескопическому трапу на борт самолета я постеснялся, логически рассудив, что если заору я – заорут все, и никуда мы уже не полетим. Поэтому я просто схватил Юлю за руку и восторженно зашептал: "Ты посмотри, на чем мы летим!"

Когда я покупал билеты, на рейсе Москва – Баку стоял В767. Я потому их и купил. Но в самом билете числился А320, и я расстроился. Да, я безумно люблю летать, и одной из целей путешествия было покататься на определенных типах воздушных судов. В частности из Новосибирска в Москву мы летели "Победой". Не потому, что дешево, а потому, что на этом рейсе стоял В737-800, а я очень хотел полететь именно на этом самолете. Больше не хочу. Самолет отличный, но "Победа" нивелировала все удовольствие от полета на нем.

Когда в Москве мы зарегистрировались на рейс, компоновка салона была явно не А320, а скорее В767, и я снова обрадовался. А на посадке мне достаточно было одного взгляда в окно, чтобы понять, что это нифига не "Боинг" и нифига не 767. 4 двигателя и очертания фюзеляжа не оставляли сомнений в том, на чем нам предстояло лететь.

– Это же А340! – воскликнул я, дрожа от нетерпения, как юнец, впервые увидевший голую женщину на расстоянии вытянутой руки.

Юля летать не любит. Юля самолетов опасается. Поэтому мою нервную дрожь она восприняла по-своему и на всякий случай побледнела.

– Это конец, да? – спросила она. – Мы не долетим?

– Да брось ты! Еще ни один самолет в воздухе не остался. Это же А340!

В общем, до самого взлета я возбужденно и радостно рассказывал Юле об истории создания этого уникального борта, его нелегкой судьбе, и, конечно же, о знаменитой катастрофе в Тулузе, в результате которой машина, стоимостью 240 миллионов долларов сломалась пополам и была порезана на металлолом.

Думаю, вы представляете, в каком настроении я, не чаявший полетать на этом самолете, прибыл в Баку. Я был настроен на новые сюрпризы и новые чудеса. Я жаждал восточной сказки, и ступил в нее сразу же по прилету. Вы видели терминал аэропорта Гейдара Алиева? Зона прилета выстла-

на коврами! Шикарными азербайджанскими коврами! С самолета хочется сходить босиком, да так и идти до самого выхода.

В общем, оказавшись в Баку, я напоминал Рона из первого фильма "Поттерианы". Широко распахнутыми глазами я озирался по сторонам, и через каждые две минуты восклицал: "Вау!"

Юля же, напротив, была предельно собрана и осторожна. Ее пугали здоровенные азербайджанцы, провожавшие взглядом ее белокурые волосы и стройную фигуру. Оказавшись в чужой, незнакомой стране, да еще и стране восточной, она вспоминала заставку к "Аладдину".

"Здесь яд и булат погибель сулят! Смотри, не зевай!"

А может, вспоминала "Черный город" Акунина? Ведь неспроста Фандорин, прошедший русско-турецкую войну, и бывавший в десятках переделок, погиб именно в Баку?

Мы сели в автобус. Мы доехали до центра.

На город пали сумерки, разом превратив атмосферу восточной сказки в атмосферу какого-нибудь боевика. Повсюду сновали азербайджанцы (что в общем-то было логично, Азербайджан все-таки), слышались взрывы смеха, незнакомая речь и громкие голоса. Ну а я к концу дороги устал говорить "Вау!" и стал все чаще философски изрекать "Пожрать бы..."

Наш отель располагался на другом конце города. Доехать до него в наступающей ночи на автобусе, не зная города, не

могло быть и речи. То есть можно было, наверное, но мы порядком устали таскать на себе сумки, и остро нуждались в солидном ужине. Поэтому в отель было решено ехать на такси. Сесть в первое попавшееся – тоже не вариант. Такси обошлось бы как перелет. Нужен был UBER, а для того, чтобы вызвать его, нужен был wi-fi.

Где найти wi-fi посреди Баку, когда даже вывески прочесть не можешь, потому что все на азербайджанском? Вот и мы не знали.

Мы искали какую-нибудь кафешку, чтобы и подкрепиться, и вызвать такси.

Юля мрачнела с каждой минутой, а я... Я все еще не замечал опускающейся на город тьмы, все еще не чувствовал, как сгущается атмосфера вокруг. Я был подобен знаменитому Двацветку, который даже в "Залатанном барабане" не понимал, что убить его хотят абсолютно все посетители таверны. Я прилетел в восточную сказку, я был в восторге, и я хотел приключений.

А еще я хотел пожрать и wi-fi!

– Эх, пожрать бы! – в очередной раз изрек я, обращаясь к небесам, и как это часто бывает, мироздание меня услышало.

Вот готов поклясться, что секунду назад рядом со мной никого не было. Но как только я это сказал, справа от меня раздался грубый голос с сильным акцентом.

– Пожрат? Захади, дарагой!

Пузатый азербайджанец сделал гостеприимный жест в

сторону неприметной лестницы в подвал.

– Пожрат у меня всегда есть!

– А wi-fi у вас есть?

– А то, дарагой! Какой пожрат без wi-fi, а? Захадите, дарагие!

Юлю перспектива спускаться в этот подвал особо не радовала, но я уже топал по лестнице.

– Вау! – сказал я, спустившись вниз и войдя в кафе.

В нос мне ударил аромат табачного дыма, и на меня обернулись штук пять мужских лиц с характерными кавказскими чертами, а также одно женское, тоже не менее кавказское.

– Вы дальше прахадить! – говорил в это время материалizовавшийся за нашими спинами хозяин заведения. – Тут свои сидят, к жара привычный. Там дальше кондиционэр есть!

– Вау! – сказал я. – А wi-fi? А то мы русские, туристы, только с самолета, такси хотим вызвать, чтобы в отель добраться.

За моей спиной Юля хлопнула себя ладонью по лбу и обреченно вздохнула. Ей уже не казалось, что путешествуя с мужчиной она может ни о чем не беспокоиться. Она уже думала о том, что путешествуя со мной она в десятки раз уменьшает вероятность вернуться домой целой и невредимой. Ей уже казалось даже, что путешествие в одиночку по горным районам Афганистана не так опасно, как поездка куда-либо в моем обществе.

– Wi-fi, есть, правда, только тут ловит, там не ловит. Но вы сначала пожрат, потом wi-fi! Проходите в кабинка! Нурай, проводи гостей!

Нурай проводила нас в дальний угол кафе. Там и в самом деле было не так жарко, а где-то под потолком надсадно хрипел и кашлял кондиционер, выплевывая из себя чуточку менее горячий воздух.

Кабинка представляла из себя деревянный загон. Я сел, закинув в угол сумки, а Юлия почему-то задержалась у дверцы, что-то на ней рассматривая.

– Ты чего? – спросил я.

– Проверяю, есть ли замок снаружи.

– Нафига?

– Ну, вдруг нас здесь запрут?

Я от души рассмеялся.

– Юленька... Даже если на этой двери есть замок, я ее вышибу даже не плечом, а кулаком. Вся эта кабинка хлипкая, как вооруженные силы Уругвая. Вот только если эти люди задумали по отношению к нам что-то дурное... Я даже не уверен, что вырублю в случае чего хозяина, хотя против него у меня шанс еще есть. А вот против остальных пятерых, прости, ни малейшего. Так что если нас хотят убить, запирать нас у них нет никакой необходимости, поверь. Так что просто наслаждайся.

– Наслаждайся, блин... Ты вообще зачем ему с порога выложил, что мы не местные?

– Юля... Как бы так тебе сказать... Мы с тобой с сумками и в куртках, посреди жаркого Баку. И морды у нас с тобой вот ни разу не кавказские! Ты думаешь, если бы я ему не сказал, он бы не догадался? Садись! Ждем официантку.

Нурай вернулась минут через пять и встала перед нами в позе "ученик шаолиньского монастыря ожидает указаний от Великого Мастера Дракона". Она явно ждала от нас заказа, но какой нафиг заказ, если мы здесь впервые в жизни и местной кухни не знаем вообще?

– А можно нам меню? – попросил я.

– Меню? Зачем меню? Я – меню!

– Хм... Эм... Ы.... М-да... Ладно. Что бы вы посоветовали заказать? Что-нибудь мясное.

– Кебаб!

Кебаб – это хорошо. Мы с Юлей переглянулись, и синхронно кивнули. Начинать знакомство с бакинской кухней с кебаба – это правильно.

– Да, кебаб.

– Адын?

– Почему адын? Два. Каждому по кебабу.

Меню посмотрела нас с уважением. Особенно уважительным был взгляд, которым она окинула изящную Юлину фигуру.

– Хорошо. Кебаб – два. Попить? Чай?

– Да, чай – это хорошо. Зеленый у вас есть?

– Вы в Баку! Здесь нет зеленый чай! – меню гордо вскину-

ла голову. Думаю, таким же тоном советские партизаны отвечали нацистам: "Здесь нет предателей!"

– Понял. Тогда черный.

Нурай собралось уже удалиться, когда я вспомнил, что не задал ей один очень важный вопрос.

– Простите, а где у вас тут можно... ну... руки помыть?

– Руки помыть, или... как это по-русски... отлить?

– Эм... И то и другое хотелось бы.

– Если руки помыть, то вот туда и налево. А если отлить, то вот туда и направо.

– Понял вас.

Юля осталась ждать кебабы, а я отправился искать, где тут, как это по-русски, руки помыть. Туалет обнаружился довольно быстро, вот только... Да, я снова сказал: "Вау!"

Сначала я открыл дверь. Потом двумя руками я раздвинул висевшую в воздухе пелену из мух. Их количество в туалете исчислялось сотнями, и создавалось ощущение, что это особый вид бакинских сторожевых мух. Они не вылетали из туалета. Вообще. Это был их дом, и открытая дверь не воспринималась, как путь на свободу. Мухам было хорошо и тут, в замкнутом и ароматном пространстве, и они милостиво согласились ненадолго впустить меня на свою территорию.

После посещения этого места хотелось мыть не только руки. Хотелось мыть все...

Я вернулся за стол, к напряженно оглядывающейся по сторонам Юле.

– Нашел? – спросила она меня.

Я представил Юлю, тщательно протиравшую стол перед едой в нашей съемной квартире, входящей в это обиталище бакинских мух... Представил выражение ее лица, и понял, что оно будет нецензурным. Да и мухам Юлин визит наверняка не понравится, а мы все-таки гости в их стране.

– Нашел, – ответил я, – но ты это... Не ходи туда, пожалуй. Не стоит, правда. Это опасно. Там мухи.

– Много?

Я уточнил, сколько. В этой короткой реплике я не использовал числительные. Я обошелся предлогом "до" и упоминанием мужского полового органа. Названное мной число примерно соответствовало количеству шпал на Транссибирской магистрали.

– Поняла! Потерплю. А руки тут помыть можно?

– Руки помыть – да. Вроде безопасно.

Минут через 10 нам принесли два кебаба и чай... И вот тогда я понял, почему меня с таким уважением смотрела на Юлю! Будь этот кебаб еще чуть больше, последние его кусочки пришлось бы утрамбовывать мне за щеку, потому что желудок и пищевод были забиты до отказа. Но остановиться мы не могли! Это был самый вкусный кебаб на свете! Выбирая между лобстером на гриле и кебабом в бакинский забегаловке я бы не колеблясь выбрал второе.

Наевшись до отвала, Юля перестала даже с опаской коситься на проходивших мимо азербайджанцев. Пора было

откланяться и вызывать-таки такси, и мы подозвали проходившую мимо официантку.

– Счет, пожалуйста! – попросил я.

– Счет? Сейчас... Так... Я в России немного жила, русский язык еще помню. Как там это... Сейчас... Десят, одиннадцат...

– Так десять, или одиннадцать?

– Да не. После десят же идет одиннадцат, да?

– Да, так с нас сколько?

– Десят манат.

– Десять манат???

Мы съели два самых вкусных на свете кебаба со свежими помидорками, и запили их невероятно вкусным азербайджанским чаем, к которому нам дали по "Сникерсу", и все это примерно за 350 рублей???. Да я жить останусь в этой стране!

Мы расплатились, вызвали такси, поболтали немного с гостеприимным хозяином, и сердечно распрощались. Оттаяла даже Юля, переставшая ощущать себя Ринсвиндом, зашедшим в "Залатанный барабан" в компании Двацветка.

На собственном примере мы опробовали заповедь, известную всем матерым туристам: есть нужно в тех местах, где едят местные, а не там, где вам рекомендуют отельные гиды.

Мы погрузились в такси, мы помчались к отелю. Могучий бакинский ветер хлестал с гор в открытое окно машины. Я

улыбался Баку, улыбался горам и ветру, улыбался Юле, а та улыбалась мне в ответ.

– Чудесный город! – сказал я водителю. – Мы к вам ненадолго, всего на пару дней. Мы из России. Туристы. Вот, только с самолета сошли...

Вы верите в телепатию? Я вот иногда отчетливо слышу мысли. В тот момент я четко и внятно услышал, как Юля подумала: "Мля..."

2. "Покатай меня, "Бибигон"!"

– А хотите я вообще яхту боком поставлю? – спросила Настя.

– Да! – воскликнул я.

– НЕТ!!! – возмутилась жена.

– Конечно! – сказал ребенок.

– Блин... – обреченно согласилась жена.

И "Бибигон" тут же лег на бок, уверенно скользя по волнам Обского моря, едва не черпая воду бортом.

Нет, не с того начал.

– А знаешь, оказывается я могу держаться за борт попой, – сообщила мне жена, руками и ногами держа сына, который, когда яхта давала крен, порывался вывалиться за борт.

Нет, лучше начну с другого.

– Муть твою, Обь! – возмутился, потирая ушибленный лоб, по которому меня отоварил гик – поперечная перекла-

дина косоного паруса. Я на всякий случай залег на дно яхты, чтобы меня не долбануло что-нибудь еще. Например жена, за то, что я втянул ее в это приключение.

– Да, кстати, – сказала Настя, – забыла предупредить. Это гик. Эта штука постоянно будет пытаться вас убить.

Нет, снова не с того...

– Настя! Мы тебя на пирсе ждали, а ты куда-то уплыла! – сказал я в телефон.

– Я не уплыла, меня унесло, – объяснила мне трубка настинным голосом, – Ветер сильный, я не смогла к пирсу причалить. Слишком опасно. Знаешь, что-то перебор с ветром, сильно раздуло. Давай поездку перенесем? Были бы вы со Светой вдвоем, я бы вас покатила без проблем. Но вы еще и с ребенком...

– Ну е-мое...

– Понимаешь, когда мы в открытое море выйдем – проблем не будет, но вот как вас на борт посадить... Качка сильная!

– Ну в рот мне мачту...

– Хотя знаешь... Наш девиз же "Слабоумие и отвага"?

– ДА!

– Ждите! Щас вас заберут на моторке!

Нет, пожалуй и не с этого начну...

Начну с самого начала.

Я очень хотел покататься на яхте. Настолько хотел, что

кинулся участвовать в конкурсе репостов в "ВКонтакте". Я готов был потерять толику уважения своих друзей, но только выиграть этот приз. Впрочем, моя репутация и так опустилась ниже плинтуса после 256 постов перед новым годом с текстом "Я хочу в подарок от 2ГИС..."

Но выиграла приз моя хорошая знакомая Марина.

Я слегка расстроился, но искренне пожелал Марине получить море удовольствия. И тут, вдруг, Марина подумала и решила, что раз уж я так хотел, и раз уж у нас с женой намечается годовщина свадьбы... В общем, вы поняли! Пользуясь случаем хочу сказать: "Марина, ты чудо! С меня мороженко! Естественно не из киоска "Инмарко", и даже не от "Купино".

Договорились мы с Настей, хозяйкой "Бибигона" и преподавателем кайтинга в "Ветру да!", собрались и помчались на "Звезду", дабы покататься наконец-то на яхте.

Покуда Настя боролась с встречным ветром, пытаясь подойти к берегу, я открыл купальный сезон, влюбился в питона, висевшего на шее у очаровательной девушки, и получил строгий выговор от жены, поскольку мое "Какая ж прелесть", как ей показалось, было обращено к девушке, а не к питону, которому на меня было сугубо фиолетово.

Как и девушке, к сожалению...

Дальнейшее вы уже поняли из моего сбивчивого повествованию. К берегу "Бибигон" подойти не может, осадка полтора метра. К пирсу – тоже, потому что при сильном ветре

его наматает на этот самый пирс. Но слабоумие и отвага же! И вот мы уже сидим в резиновой моторке, а плечистый и спортивный парень по имени Костя заводит мотор. Тут же выговор получила от меня жена, потому что нефиг с таким интересом наблюдать, как заводится мотор...

Наивный я думал, что мы сейчас плавно поплывем к яхте. Костя и "плавно" в одном предложении сочетаются плохо. Мотор взревел, резиновая лодочка резво рванула вперед, Света вцепилась в ребенка, а не умеющий плавать я – вцепился в лодку всеми конечностями. Я только раз успел моргнуть (хотя может я просто закрыл от страха глаза, не знаю), и вот уже перед нами покачивается борт "Бибигона", и как на него взбираться – я понятия не имею.

" – Я плавать не умею.

– Что, вообще нисколько не проплывешь?

Ринсвинд помешкал с ответом, осторожно теребя звезду на своей шляпе.

– Как ты думаешь, какая здесь глубина? Примерно?

– По-моему, около дюжины фатомов.

– Тогда, наверное, проплыву около дюжины фатомов."

Вспомнилось мне, вдруг.

Но назвался груздем – лечись дальше. Вызвался кататься на яхте – полезай на борт.

– Принимаю! – сказала Настя, и пока я раздумывал, какая здесь глубина, Света уже метнула на борт сына.

Следующим полез я. Со всей грацией молодого бегемо-

та, возомнившего себя матерым яхтсменом, я скакнул с моторки на яхту из позиции "на карачках" в позицию "мордой об гик", после чего залег на дно яхты и решил, что вообще больше вставать отсюда не буду! Надо мной громко хлопал парус, а небо было высоким и пронзительно синим.

Лодочка отчалила, Настя вытянула якорь, и "Бибигон", тут же почуввав свободу, резво понесся по волнам.

– Можно вставать! – сообщила наша очаровательная капитан, – Гик теперь будет четко в одном положении. До поворота.

– Я, пожалуй, еще тут полежу! – заявил я, решив, что проведу на дне яхты всю поездку.

Но попробуйте просто лежать, когда вокруг плещут волны, над тобой гудит наполненный ветром парус, а капитан весело комментирует происходящее вокруг... Естественно я не вылежал и двух минут, и уселся на борт, опасливо косясь на гик.

– Вон, смотрите, такая же яхта, как у нас. Только они трусы, идут под одним парусом, причем передним. А мы... Мы круты! Мы сразу под двумя! Потому так хорошо и идем.

– А опрокинуть яхту можно? – задала Света единственный волнующий ее вопрос.

– Совершенно нереально. Она – как неваляшка, всегда стремится вернуться в исходное положение.

Мы лихо неслись по волнам, иногда весело подсакивая на них, иногда – слегка зарываясь носом, от чего всех пасса-

жиров обдавало дождем из холодных брызг. Поэтому вскоре меня, как самого толстожо... широкоспинного, усадили вперед, чтобы я прикрывал от брызг жену и ребенка.

Гик вел себя хорошо, никого больше убивать не порывался, "Бибигон" мчался вперед, и прогулка на яхте из чего-то экстремального плавно превращалась просто во что-то красивое и интересное. Настя уверенно правила яхтой, и весело и с огоньком рассказывала о мелях, развалинах старого Бердска, особенностях яхт класса "Солинг" и способах сохранить вещи сухими. С последним она, правда, припозднилась, мой рюкзак весело булькал в луже на дне лодки.

В общем, прогулка была шикарной! Рекомендую испытать это удовольствие абсолютно всем и каждому. Я, конечно, не полюбил воду так, как люблю небо, и моей мечтой навсегда останутся самолеты, но яхта, несущаяся по волнам, это же почти самолет! Только с парусом вместо крыльев!

3. Ночной дождор

Верный своей традиции не называть настоящих имен героев моих историй, назову эту девушку скажем, Василина. Между прочим, самое популярное имя для новорожденных девочек в 2013-м году. Так что пусть Василина. Красивое имя...

В общем, у Василины был поэтический вечер. Вечер прошел довольно неплохо, и после него было принято стратеги-

ческое решение поехать ко мне, дабы продолжить беседу, и чего-нибудь выпить.

А под "выпить" нужно что? Правильно, чего-нибудь поесть. А чтобы что-то поесть нужно это что-то приготовить... Ну а за "приготовить" – это всегда ко мне. Я ж не только поэтические вечера организовывать умею, я умею их пиарить и вести. Вкусно готовлю, прекрасно делаю массаж, способен поддержать любую беседу от интеллектуальной до застольной, имею опыт руководства отделами, создания проектов с нуля и... Ой, увлекся. Недавно резюме просто обновлял, ну и...

В общем, время уже позднее, мы потихоньку движемся в сторону моего дома, обсуждая блюдо, которое скрасит наш сегодняшний вечер, и подойдет к бутылке коньяка. Я уже позвонил жене, основательно беременной на тот момент, сообщил, что домой я приду с другой женщиной, и получил добро.

Приключения начались в тот момент, когда мы осознали, что черта с два мы найдем хорошего кальмара в это время суток, а значит кальмар в сметанном соусе нам не светит. А вот свинина в кисло-сладком соусе – это попроще будет. В смысле, найти свинину. Ведь есть же круглосуточная "Лента", которая нам как раз по пути.

Пока мы шарахались по "Ленте" – стемнело окончательно. Поездка до дома на общественном транспорте из экстремальной плавно превращалась в фантастическую, и прождав

автобуса минут 30, мы плюнули и вызвали такси.

Пока такси приехало, пока заблудилось, пока мы его нашли и выблудили... В общем, времени было уже почти 11 часов.

Дома нас встретила злая как черт Света, левой рукой под-держивавшая шестимесячное пузо, а правой – держащая скалку. Я не знаю, зачем она ее взяла. Или думала, что к ней ломимся не мы, а воры... Или как раз ждала именно нас, поэтому и со скалкой? В общем, спасла нас моя смекалка. Я уже говорил, что я еще и смекалистый? А я такой, да... Еще в такси мы с Васей договорились, что входя, мы падаем на колени, бьемся лбом об пол, и голосим: "Прости нас, великая государыня, пузом своим мир попирающая!"

Благодаря моей смекалке, а еще потому, что я очень милый, бить нас Света не стала, а вместо этого ушла спать, велев нам закрыть дверь в кухню и не шуметь. Мол, делайте что хотите, пейте что горит, главное мне поспать дайте.

А я уже говорил, что я милый? А я – милый. Мне это часто говорят. От коллег это слышу особенно часто. Они так и говорят: "Да милый ты, милый, только отстань!"

Рецепт начинался с "Возьмите коньяк". Или там был не коньяк, а ананасовый сок? Ну, я имею в виду, в рецепте... У нас-то был коньяк. Мы его и взяли, разлили, выпили... За Васин успех, за грядущие поэтические вечера, за ее талант, за мой талант, за мои вечера, за то, что я милый, за опыт создания проектов с нуля... Потом спохватились, выпили за

встречу, и вернулись к плите. Часы к этому времени показывали уже без малого час ночи.

Распахнув настеж окно, чтоб было посвежее, и периодически шикая друг на друга: "Шшшш! Ты чё так громко? Свету разбудишь! Убьет нафиг!", мы принялись готовить, толкаясь у плиты и споря, достаточно ли обжарилась свинина. Чтобы это выяснить, было решено ее попробовать, в рамках снятия пробы выяснилось, что она прекрасно идет под коньяк, после чего мы выпили за наши кулинарные таланты и за то, что все мы такие классные здесь сегодня собрались.

Я знаю, вас занимает вопрос: что мы сожгли? Свинину, или кухню? Забегая вперед, отвечу: свинина получилась невероятно вкусная, ничего не сгорело и никто не погиб. Все было хорошо и даже замечательно. И в общем-то эта история не получила бы места в данном сборнике, если бы не одно но.

Около двух часов ночи Света проснулась.

Нет, ее разбудили не мы. Мы в этот момент стояли у плиты и шепотом обсуждали способы размножения пеквиניים и губру. В кухне витал божественный аромат свинины в кисло-сладком соусе, перемежающийся со специями и духом ананасов, приправленный легкой ноткой коньяка с гордым названием коньяк "Коньяк".

Свету разбудил Стас, которого на тот момент чаще звали личинкой, зародышем, начинкой или просто пузыряй. Маленькие дети очень любят обнимать маму, и пока они еще не родились – они любят обнимать маму изнутри. Например,

крепко обхватив мочевого пузыря... Вот поэтому многие беременные такие злые. Вот поэтому они так часто просыпаются ночью.

Света посетила комнату, ради которой проснулась, и собиралась идти спать, но ее внимание привлекли ароматы, ползущие из кухни, и приглушенные шепотки, идущие оттуда-же.

Света подошла к кухне.

Света прислушалась.

Услышав: "Как думаешь, теоретически пеквениньос могли бы спариться с губру?", она не выдержала, и заглянула.

На кухне, в облаке вкусных запахов, стояли две крайне довольные, весьма пьяные и широко-широко улыбающиеся рожи.

– Ну вот, разбудили... – сказала одна рожа.

– Это все ты! – возразила другая.

– А я тебе говорил!

– Это я тебе говорила!

Света пресекла наши препирательства одним взмахом руки.

– Да это не вы меня. Я сама проснулась. Вы чего тут делаете?

Две рожи снова растянулись в довольных улыбках.

– А мы тебе свинину готовим! – сказали рожи хором.

– Прости, Господи... – сказала Света, и ушла досыпать.

Вот такая вот история. Какая у нее мораль? Их три.

- 1) У Светы была очень веселая беременность.
- 2) Коньяк кулинару не помеха.
- 3) Я милый.

4. Зарисовки с авиашоу. Точнее – с его финала.

– Можно мне билет до "Гагаринской"?

– Да, пожалуйста.

– А пока вы его выбираете, скажите, по всему Мочищу баннеры натяканы, что электрички каждые 15 минут. А судя по расписанию на сайте – следующая через 50 минут. Кто врёт?

– Следующая – через 50 минут, да.

– Понял, значит будем штурмовать эту...

– Удачи! Народу очень много, все не влезут.

– Пусть влезет сильнейший!

Подошедшая ко мне сзади девушка, пока мои спутницы покупают билеты

– А что вы делаете?

– Билеты на электричку покупаем.

– Ой, я тоже хочу.

– Давайте я вам свой продам? Всего за 120 рублей!

– А почему так дорого?

- Потому что я его только что за 30 купил.
- Фигасе!
- Берите! Зато без очереди.
- Так очередь же только из одного человека?
- Разве экономия 2 минут не стоит 90 рублей?

Народу – полный перрон. Электричка медленно подползает к станции.

– Девчонки, знаете, по-моему машинист увидел эту толпу, подумал: "Нахрен мне это надо?" И сейчас вообще даст задний ход.

– А сейчас с криком "За Родину, за Сталина!" начинаем ломиться в электричку. Народ офигеет от происходящего, растеряется, и мы проскочим. Проверено в 90-е с автобусом до кладбища. Мы с братом его так брали. Иначе было вообще не влезть.

Влезли. В вагон не пройти, стоим в душном тамбуре, размазанные друг по другу. Сельди в бочке! Кильки в банке!

Народ вокруг, как, собственно, и мы, не теряет присутствия духа. Люди перешучиваются, болтают, улыбаются. На поворотах тамбур наполняется визгом и матом, потому что держатся не за что, и толпу мотает от одной двери к другой.

– Катя, прости, я держусь за твою попу. Мне больше не за что.

– Нет.

– Ну, у меня выбора нет...

– Нет, ты не понял. За мою попу никто не держится...

– Ой, а чья это тогда... Так, и чья это рука на моей? И вообще, где Надя? Я помню, она вперед нас залезла.

– Надю в вагон затолкали.

– Жаль... У нее самая классная попа!

Близится "Новосибирск-Восточный". В тамбуре начинается игра в пятнашки. Народ толкается, суетится, перемещается ближе к дверям. И когда все переместились, рассортировались и приготовились выпадать... Открылись двери с противоположной стороны вагона!

– Катя, держи Леру! Ее щас вынесут!

– Кирилл, держи меня, а то я Леру не удержу!

– Держите меня все, я не хочу выходить! Мне на следующей!

Удержали! Черта с два мы выпустим Леру на Восточном...

– Кстати, эта станция весьма знаменита. В далекие 90-е,

мой сильно пьяный брат тут ночевал на вокзале, потому что до дома дойти уже не мог.

– Тогда это не станция знаменита, а брат знаменит тем, что на ней ночевал.

– Не-не-не. Про "Новосибирск-Восточный" сколько рассказов написано? Ни одного. А про брата моего – десятка полтора.

Доехали. Вываливаемся из душного тамбура на "Гагаринской". Вдыхаем свежий воздух.

Катя:

– Вот говорят, что секс – это круто... А вы пробовали ПОДЫШАТЬ после получаса езды в этом аду?

– В точку! Секс курит в сторонке...

Хорошо съездили. Мне понравилось. Хорошие электрички, и поездки интересные.

5. Жопа в окне

И снова я выбираю изысканное название. То у меня говно на стене, то жопа в окне...

Начнем с того, что моя супруга не любила то окно. Сама поставила, и сама невзлюбила. И жопу она не любит. В смысле конкретно мою – любит, а вообще – нет. Не нравится ей это слово. Вечно требует от меня, чтобы я как-то изысканнее выражался, чтобы хотя бы задница, а не жопа. Или там, игриво и романтично: попка.

Но вот ведь в чем дело... Это у Милы Кунис – попка. А у меня, как и у большинства людей в этом мире – жопа. Нормальная такая жопа, которая не только помогает уютно сидеть на стуле, но и приходит в жизнь. Впрочем, последнее – отдельная история.

В общем, как вы поняли, ничего необычного и постыдного я не вижу ни в этом слове, ни в самой жопе. Да, она у меня есть. Да, она немного больше, чем стоило бы. Ну и ладно! Зато моя.

А еще я – нудист. Я об этом уже писал в заметке "О нудистах, волнах и бабах". То есть я не вижу ничего зазорного в том, чтобы мою жопу кто-то видел. В специально отведенных для этого местах, разумеется. И не только жопу. На что там вообще смотреть-то? У всех все одинаковое в конечном итоге. Ну, у кого-то больше, у кого-то меньше...

Но это все преамбула. Думаете, сейчас пойдет амбула? Нет, ничего подобного. Преамбула еще не окончена.

Вы заметили, что помимо жопы в тексте упоминалось окно? Заметили? Или моя пятая точка полностью переключила ваше внимание на себя? Давайте я вам немного про окно

расскажу, потому что окна в двух историях, о которых пойдут речь, имеют очень важное значение.

Итак, окно первое, у нас дома. Когда мы купили нашу первую квартиру, зимовать нам пришлось, затыкая огромные щели в раме всем, чем нашлось. Ватой, тряпками, носками... Вы вот конопатили раму старыми носками? Очень надеюсь, что вам этого и не придется делать.

Перезимовали мы, значит, ту первую страшную зиму, немного подкопили денег, и решили поставить нормальное окно. Пластиковое. Ну и решили для красоты и простоты выбрать окно всего с двумя створками. Чтобы одна – открывалась, а вторая, огромная – нет. А окно у нас здоровенное, во всю стену! Метра три! И из них два с половиной метра – просто стекло. Большое! Большущее!

Четвертый этаж. И соседняя девятиэтажка – прямо напротив. В общем, как-то вечером, возвращаясь домой, я посмотрел на наше окно, и осознал, что смотрится оно как огромный телевизор с шоу "За стеклом". И сдуру сказал об этом Свете.

Как она запереживала! Как заволновалась! Ах, боже мой, а я тут по дому хожу иногда в неглиже! Ах, ужас, соседи видели мою голую жопу! Ах, как же жить дальше? Может быть шторы повесить?

А я ненавижу шторы также, как Света – мухоловок. Теневые – это я понимаю. Плотные, тяжелые, чтобы ни лучика света в дом не проникало, если я захочу днем вздремнуть,

или кино посмотреть без солнца, бьющего в глаза и светящего на экран. А тюль – фу-фу-фу! От света не защищают, в окно смотреть мешают, пыль собирают. "Ни за что!" – был мой вердикт. Тем более, что денег на шторы у нас не было.

И Света успокоилась на какое-то время. До тех пор, пока...

Да, дальше речь должна пройти как раз про жопу, но я оттяну кульминацию и расскажу о другом окне. Об окне в туалете.

В нашем офисном здании, бывшим когда-то заводоуправлением, а потом сданном бесчисленным арендаторам, есть убогий и страшный туалет. Туалет с огромным окном возле самой кабинки, в которой так хочется уединения и покоя. Если у нас дома – шоу "За стеклом", то здесь, видимо, планировалось шоу "В кабинке", или "Все, что естественно то не безобразно!" Ну а поскольку второй этаж, и с земли все прекрасно видно, то чтобы не нарушать уединения сидельцев, на уровне пояса стоящего мужчины на окна были наклеены матовые полосы. Чтоб с земли никакие извращенцы не подглядывали...

Вот только не учли проектировщики матовых полос того факт, что в Сибирь иногда приходит лето. Жаркое лето! Чтобы не умереть от духоты, и чтоб не задохнуться от суровых ароматов, летом окна в сортире распахнуты настежь.

И вот стою я, значит, в туалете, у открытого окна, делаю свои дела, и от скуки смотрю в окно, выходящее на терри-

торию завода. И вижу, как по этой самой территории идет женщина бальзаковского возраста. Идет, смотрит на меня, и улыбается. Мечтательно так улыбается... Как будто никто не звал ее на кофе уже пару лет как, а тут вдруг позвали...

Ну а я что? Я – человек простой. Если женщина мне улыбается, я улыбаюсь ей в ответ. Ну а поскольку я еще и человек общительный, то...

Но и здесь пусть повисит немного интриги, а мы пока вернемся к жопе в окне.

Так вот. Окно во всю стену, поздний вечер, темень снаружи, яркий свет в квартире. Я – за компом, Света готовится к завтрашнему походу на какой-то праздник на работе. То в одном платье ко мне выбежит, то в другом...

– Я тебе в каком платье нравлюсь больше? – спрашивает.

– Больше ты мне нравишься вообще без платья! – честно отвечаю я.

И в этот момент начинается боевик, потому что на стене вдруг появляется красная точка лазерного прицела. В боевиках герои в этот момент пригибаются, а стекла тут же разлетаются в мелкое крошево от автоматной очереди... Но я логически рассудил, что раз я не политик и не крупный бизнесмен, и да и в интимной связи с женами вышеупомянутых людей не состою, то это скорее всего не лазерный прицел, а всего лишь лазерная указка. Так что падать на пол и паниковать я не стал. Вместо этого я показал Свете на красное пятнышко и глубокомысленно изрек:

– ГЫ!

– Аааааа! – взвыла Света, – я же говорила, что надо купить шторы! Нас же видно отовсюду!

– И что? – спросил я.

– Как что? Кто-то видел мою голую жопу!

Пятнышко плясало на стене. Дразнилось и металось, демонстрируя нашу полную уязвимость для снайпера.

– Голую жопу, говоришь... – задумчиво произнес я, после чего встал, повернулся задом к окну и продемонстрировал в окно ту часть тела, о которой речь шла минуту назад.

Красное пятнышко моментально исчезло, и больше не появлялось никогда.

Так я нашел еще одно применение жопе. Как отпугиватель снайперов она бы вряд ли сработала, а вот против подростков с лазерной указкой, как выяснилось, жопа работает отменно.

Таков финал этой домашней истории. А каков финал второй, офисной? – спросите вы. Рассказываю...

Поскольку я человек общительный, и всегда рад новым знакомствам, то увидев улыбающуюся женщину, внимательно разглядывающую меня в открытое окно, я не только улыбнулся ей, но и помахал рукой. А поскольку моя рука была занята тем, что я удерживал в ней некую часть тела, коей, по мнению большинства женщин, мужчины думают, то помахал я не только рукой, но и тем, что я в руке держал.

Знаете, у меня довольно плохое зрение, но то, как покрас-

нела дама, я увидел даже из окна туалета второго этажа.

Мораль? Мораль в том, что нефиг подглядывать в окна! Нет там ничего интересного! Ну, кроме меня...

6. Контрабанда

Моя мама – весьма советская женщина. Прямая, как танковая пушка, и такая же громкая, если ее что-то не устраивает. Привыкнув работать замом главного врача на заводе, где ее боялись все, включая директора, мама перенесла эту манеру общения и на все свое окружение.

Ну а как директору не бояться врача? Разозлишь ее, придешь потом за таблеткой от головной боли, а тебе клизму вкатыт. И не поспоришь ведь... А то врачи – они такие, могут заявить, что ты и вазелина к клизме не заслужил. А если совсем сильно разозлить – могут случайно вколотить хлористый кальций подкожно, а не внутривенно. Совершенно случайно! Кто знает, что такое хлористый кальций – меня поймут.

Из всей родни маме осмеливался перечить только я. Да и то далеко не сразу научился этому навыку. Даже сейчас смотрю, например, на их отношения с сестрой, и поражаюсь.

– Надя! Садись сюда! – командует мама.

– Села. А зачем?

– Стричь тебя буду...

– Так я же вроде неделю назад стриглась!

– Мне не нравится, как тебя постригли! Щас я...

– Таня, но ты же ни разу не парикмахер...

– Да там все просто...

И так во всем. Мамина уверенность в том, что она все знает лучше всех, и в том, что ее приказы должны выполняться беспрекословно, непоколебима.

Давным-давно, когда мама еще не ушла на пенсию, мы отправили к ней на завод подругу, кое-что забрать. Как выглядит моя мама Наташка, естественно, понятия не имела. Поэтому объяснили мы ей так:

– Особые приметы: трость и напор.

– С тростью все ясно, а напор я как опознаю?

– Опознаешь!

18-00, конец рабочего дня на заводе. Наташа смиренно стоит на проходной завода. Ждет. Высматривает женщину с тростью и с напором... Вот одна идет. Трость – наличествует, но как же выглядит напор?

В это время женщину тормозят на проходной.

– Стойте. Ваш пропуск?

Все люди проходят через вертушки, смиренно демонстрируя пропуска в развернутом виде. И только один человек ПРОСТО ИДЕТ, игнорируя требования безопасности.

– Какой пропуск? Ты что, не видишь? Я ИДУ!

Наташа больше не колебалась.

– Татьяна Васильевна?

– Да.

Да, такой напор сложно не опознать.

Но это все – предыстория. История – она о другом. Собралась как-то моя мама на отдых в Сочи. Пакует чемодан, спрашивает меня, как более часто летающего, что с собой можно брать, а что – нет.

– А покушать чего-нибудь можно с собой взять?

– Мам, ты не "Победой" летишь. Там будут кормить!

– А если мне не понравится?

– Полетишь голодной.

– А ребенку соки с собой взять?

С мамой летел ее внучатый племянник четырех или пяти лет.

– На борту не только кормят, но и поят. Соки будут.

– Но там же не детские! Я с собой баночку детского возьму...

– Мама! Никаких жидкостей на борту означает дословно **НИКАКИХ** жидкостей на борту, понимаешь?

– А спирт?

– Какой спирт?

– Я же спирт с собой беру. Ну там укусы мазать, или раны обработать... Медицинский.

– В багаж!

– А если разобьют?

– Не бери спирт!

– Но как же я в Сочах без спирта?

– Да мне пофигу, как ты без спирта в Сочах! Нельзя

на борт жидкость! Требования безопасности. Тем более – спирт. Опасную горючую жидкость, понимаешь?

– Эх...

И ведь вроде все поняла... Вроде все хорошо, но...

Досмотр в аэропорту на входе в стерильную зону.

– Выложите, пожалуйста, все металлические предметы из карманов. Сумку – на ленту транспортера! Да пусть лежит, не волнуйтесь!

– Что значит "Пусть лежит"? Там же спирт! Вдруг прольется?

– Что??? В стороночку отойдите, пожалуйста, для досмотра!

Изъяли спирт, в общем... Не прокатила контрабанда!

7. "Да" или "нет"?

Я не понимаю людей, которые не могут просто ответить "да", или "нет".

Я хочу сжигать их в печах! Я хочу отправлять их на рудники! Я хочу вырезать им ложкой внутренности!

Почему нельзя просто и однозначно ответить на поставленный вопрос? Я понимаю, что бесполезно спрашивать у чиновника: "Вы уже перестали брать взятки?" "Да" или "нет" он точно не ответит. Но когда вопрос поставлен четко и не предполагает разных толкований...

Вот представьте: пришли вы в магазин, и спрашиваете:

– У вас хлеб есть?

Казалось бы, чего проще? "Да, есть" или "Нет, не завезли". Но вам отвечают: "Да, но только от Искитимской птицефабрики".

И вы зависаете.

Хлеб есть, но... Зачем продавщица сделала акцент на его производителя? Этот хлеб какой-то особенный? Он невкусный? Черствый? Слишком дорогой? В чем подвох?

– Так хлеб есть, да? – спрашиваете вы.

– Я ж вам говорю, – с раздражением объясняет продавец, – есть, но только от Искитимской птицефабрики.

– А он какой-то особенный?

– Нет, хлеб как хлеб.

– А сколько стоит?

– Как обычный хлеб.

– И не черствый?

– Нет, нормальный хлеб.

А вы все еще стоите и думаете: "Но зачем же тогда она начала с упоминания его производителя???"

У меня на прошлой работе был такой диспетчер на складе.

– Пал Анатолич, мне бы сегодня груз увезти на Галушачка... Получится?

– Вот смотри, у меня две машины. Одна сейчас поехала на Твардовского, а вторая с утра отправилась на Искитимскую птицефабрику. Первая потом едет в Бердск, а после этого – в шестую психиатрическую за хлебом. А вторая – после

Искитима заедет за целебной грязью в Мацесту...

И тишина. Я жду продолжения, я жду ответа на свой вопрос, потому что мне сугубо пофигу, какой хлеб повезли в Мацесту и какой псих из Искитима поехал в шестую психиатрическую. Мне нужно два пачки пластин отвезти на Галушака, и я просто хочу узнать, получится ли сегодня это сделать... Но я не получаю ответа на свой вопрос!

– Пал Анатолич, так все-таки, отвезем сегодня груз на Галушака?

– Ты меня чем слушал? Одна машина поехала на Твардовского...

– Да мне до лампочки, куда она поехала! Вы мне можете ответить, получится мой груз сегодня отвезти?

– Так я ж тебе объясняю! Одна поехала на Твардовского, а вторая – за хлебом в Искитим на птицефабрику!

– Да горите вы конем! – реву я в трубку, и провожу отгрузочные документы, приторочив к ним записку "ДОСТАВИТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО СЕГОДНЯ!"

И вот сегодня, уже на совсем другой работе, абсолютно реальный диалог с транспортной компанией:

– Здравствуйте! Мы хотим завтра вам груз привезти для Северобайкальска. Привозить на Владировскую, 22а?

– Ну, если проводники есть – привозите.

Какие, нахрен, проводники? Медные? Алюминтиевые? Проводники между мирами? Или нужно, чтобы вместе с грузом приехали шерпы, которые обычно туристов на Эверест

водят? Или нужен проводник со специализацией по полякам? Так с Сусаниными нынче напряженка.

Ни в одной транспортной проводники не нужны, а в этой – потребовались. Чувак, ты о чем вообще? Какие проводники, в рот тебе ноги?

– Так завтра можно подвозить груз?

– Не, в четверг привозите. Тогда как обычно, на Владимирскую!

Мудень ты полинезийский, ты сразу не мог сказать: "Привозите в четверг"? Зачем так сложно-то все?

Поэтому я всегда стараюсь отвечать просто, доступно и доходчиво. "Да" или "нет".

Потому что имел я в плодоножку все эти Искитимские птицефабрики с их проводниками! Проще будьте, а?

8. Автобусная зарисовка

Я видел много автобусных ссор, а в некоторых даже и участвовал. В конце 90-х я видел двух бабушек, мерившихся в автобусе годом рождения, чтобы выяснить, кто из них старше, а значит у кого больше прав занять освободившееся место!

Но такого... Такого я еще не видел.

Утро. Автобус, считающийся по нашим меркам полупустым. То есть сидячих мест нет, но стоячих – вагон и маленькая тележка. Я притулился в любимом уголку, стою, читаю

книгу и никого не трогаю. Рядом со мной сидят женщина лет 45-50. Уютная, приятная на вид. Внезапно в наш тихий уголок вторгается другая дама, на вид чуть постарше, 50-55 лет, с нецензурным выражением лица.

Вам доводилось встречать людей, которые вас ненавидят просто за то, что вы живы? Она выглядела именно так. По ее лицу было понятно, что ей не нравится автобус, дороги, президент, страна, тарифы ЖКХ, и отражение в зеркале.

Она вошла и встала возле сиденья, занятого вышеописанной дамой.

Сидевшая симпатичная женщина покосилась на нее, подумала секунду, и встала, кивком указав на освободившееся место.

– Садитесь.

Вот что бы вы ответили? "Спасибо, я постою"? "Спасибо, присяду, пожалуй"? Казалось бы, всего два варианта ответа. Вы или соглашаетесь, или вежливо отказываетесь. Но грим-зообразная подумала, и изрекла:

– Я что, так старо выгляжу?

Первая искренне пыталась сгладить острые углы.

– Нет, но... Просто подумала, что вам тяжело стоять. Садитесь, пожалуйста.

– Я еще могу постоять!

– Да мне не сложно. Садитесь.

– Я еще раз спрошу: я старо выгляжу?

Вообще-то, если честно, выглядела она действительно

старо. Я подозреваю даже, что когда ей было 18, она УЖЕ выглядела старо, и УЖЕ всех ненавидела.

– Ну вы явно постарше меня! – недовольно буркнула обиженная в лучших чувствах дама, и, так и не дождавшись, чтобы ее собеседница расположилась на сиденье, решила сесть обратно сама.

И опять же, на этом история могла бы и завершиться, но нет...

– Надо же! – продолжала бухтеть стоящая, потихоньку заводясь и закипая, – Такой комплимент с утра.

Не дождавшись реакции, она продолжила:

– Так оскорбить человека...

– Да я вам просто сесть предложила! Что вы в самом деле-то!

– Такой "комплимент" мне сделали! – продолжала грим-зообразная, уже не слыша ничего, кроме своего внутреннего голоса, шептавшего ей: "Ты должна ворчать! Бухтеть! Возмущаться! Настало время срача!".

– Я просто подумала, что вам тяжело стоять. Уймись!

– Между прочим, это вы старая!

– Спасибо! Вы мне тоже комплимент отвесили от всей души!

– С утра все настроение мне испортила! – продолжала ворчать вторая.

И тут уж не выдержал я, и от души расхохотался.

– Зато мне вы настроение на весь день подняли!

– Вот и смейтесь, пока можете! А я до поликлиники как-нибудь доеду стоя.

Я не стал говорить, что я сам еду в поликлинику, на рентген, с подозрениями на артроз. Хотя мне вообще-то не стыдно говорить, что я же стар... Я – супер стар! Хотя место мне пока никто не уступает. А жаль, я бы сел.

9. Как сыр в масле

Парадоксально, но факт. За 10 дней самостоятельного путешествия по Турции мы нигде не начудили, ни во что не влипли и совсем не ожгли.

И это не зная даже английского, не говоря уж о турецком. То ли мы – такие матерые путешественники, что в новой для себя стране чувствуем себя, как рыба в воде, то ли везучие мы...

Была лишь одна забавная история, которой я и хочу поделиться.

Первый день в Стамбуле. Добрались до съемной квартиры, заселились, пошли искать, чего бы покушать. Заглянули в ближайший к дому супермаркет и пошли по полкам, собирая свой будущий ужин.

Молоко. С грехом пополам куплено. Чуть козье не купили. Кстати, козы в Турции какие-то совсем уж мерзкие. У нас-то магазинное козье молоко очень далеко от настоящего, а в Стамбуле вообще, по-моему козлов доят...

Яйца. Выбрали те, на которых написано по-испански. Почему вообще в Турции на яйцах написано по-испански? Леший его знает. Но "huevos" звучит очень красиво для русского слуха.

Сосиски. Чай. Жвачка. О! Сыры!

В России с сырами, как вы и сами знаете, в принципе туго. Поэтому оказавшись в Стамбуле я первым делом стал выискивать на прилавке французские сыры с плесенью. Увы, похоже турки сыры с плесенью не любят... С зеленью, с орехами, все что душе угодно – есть, а вот с плесенью – нет.

О! А что это за интересные комки, размером с мой кулак, плавают в рассоле? Какой-то рассольный сыр наподобие нашей брынзы? Попробуем.

– Гив ми плиз ван вот эта хрень! Ес, ес, вот эта штука, да. Вот этот вот чиз! Блин, ну серьезно, что я непонятого сказал? Чиз! Вис чиз! Света, как по-аглички будет "рассол"? Что, ты тоже с британцами не похмелялась? Да-да, вот эту вот штуку, одну! Ес! Бир! (Это уже по-турецки, один значит). Сенкью! Тесеккур эдерим!

Приходим домой, довольные, предвкушая знакомство с турецким рассольным сыром... Достаем его из пакета, отрезаем кусок...

– Дорогой, мне кажется, нам стоит сходить за еще одним рассольным сыром.

– А что, этот весь испортился?

– Нет. Этот – весь сливочное масло.

Ну что ж, зато мы все четыре дня в Стамбуле на нем готовили!

10. Счастливый ребенок

Наверное, есть на свете мужики, которые с первых секунд жизни ребенка становятся настоящими отцами. Отцами С Большой Буквы. В чьих руках дети ребенки замолкают, на чьих руках укладываются спать, с чьих сисек кормятся молоком и т. д.

Я, увы, к их числу не принадлежу. Не смотря на то, что наш сын был желанным и долгожданным, его появление на свет стало для меня шоком. Отчетливо помню момент, когда я приехал забирать жену и малыша в роддом... Зеленоватая после пяти дней в этом аду с кричащими детьми супруга вручила мне закрытый вуалью кулек, в котором что-то слегка шевелилось, и двинулась к машине. Я шел за ней следом, стараясь не дышать на кулек, и неся его на вытянутых руках, словно противопехотную мину.

Дома кулек развернули....

Первой моей мыслью было:

– Господи, какой он страшный!

Секундой позже я осознал, что эту мысль я озвучил вслух.

Понял я это по прилетевшему подзатыльнику и словам жены:

– Да, мне в роддоме сразу сказали, что на папу похож.

Лежащее на пеленальном столике (который когда-то был

моей массажной кушеткой) существо зашевелилось, потянулось, заверещало, как новорожденный ксеноморф, и вперило на меня взгляд своих подслеповатых глаз, состоящих из огромного черного зрачка и небольшого количества воды...

– Света, – осторожно позвал я жену, – Оно на меня смотрит...

Второй подзатыльник не заставил себя ждать.

В общем, как вы поняли, Светины надежды на то, что я окажусь нежным отцом из рекламы "Памперс", не оправдались. Я старался, честно. Я с удовольствием гулял с малышом, потому что он мирно посапывал в коляске, а я читал "Сильмарилльон" и, уехав с коляской на задворки пединститута, не спеша потягивал там пиво, качая коляску. Я прививал ребенку хороший музыкальный вкус, поэтому засыпал он у нас под голос Линдемана, игнорируя светины колыбельные, и пританцовывать под русский рок начал раньше, чем ходить.

Но быть нежным и внимательным отцом, который будет просыпаться ночью раньше мамы и укладывать ребенка спать одним точным ударом... То есть, простите, одним поглаживанием по голове... Нет, таким я быть не мог.

– Кирилл, а ты ребенка кормил?

– Ну... Почти. Он ваты нажрался.

– Кирилл, а ты ему попу специальной мазью помазал?

– О! Помыть задницу! Вот что я забыл...

– Кирилл, а где ребенок?

– Под стол залез и застрял...

– Так вытащи его!

– Может не надо? Он вроде пока не орет... Так тихо, спокойно...

Хотелось бы добавить, что не смотря на мое хроническое раздолбайство, ни в одной реально опасной ситуации Стас за свою жизнь не побывал. Он у меня всего раз выпал из коляски (да и то я поймал его в полете), всего раз наелся ваты, и всего раз я нечаянно поставил ему синяк во всю ногу.

Но, не смотря на то, что с моей точки зрения отцом я был вполне приличным, Света очень боялась надолго оставлять ребенка со мной.

Может быть, сказывался тот факт, что когда она сделала это впервые, решив поехать в кино, по возвращению дома ее ждала следующая картина:

На столе в переноске спал ребенок. Рядом, за столом, сидел я, и как раз когда открылась входная дверь, я опрокинул в себя еще одну рюмку рома. А откуда-то из-под стола доносился женский голос, напевавший колыбельную, благодаря которой мелкий-то так сладко и спал. При ближайшем рассмотрении Света выяснила, что пение раздается не из-под стола. Просто приехавшая помочь мне с ребенком подруга накидалась рома уже достаточно, и прилегла отдохнуть на двух стульях, не переставая петь.

Собственно, сейчас, когда Стасу уже без малого 4 года, изменилось немного. Только то, что он теперь не лежит на

столе в переноске, а активно участвует в беседе и играет (а иногда и заигрывает) с гостями. Или сам ходит со мной в гости.

– Кирилл, я еду домой. Вы где? Гуляете?

– Ну... Почти. Мы к Газизу уехали. На площадке нам было скучно.

– Ребенку уже спать пора!

– Да, уже закругляемся, уже собираемся домой.

(на заднем фоне раздается голос мелкого: "Не спать! Не спать! Косить! Косить!")

– Ты его хоть кормил?

– Да, он две воблы с удовольствием сожрал...

– Ты нормальный вообще? У тебя ребенок за день только воблу ел?

– Ну чего ты кричишь? Еще два пирожных...

– Господи...

– Ну чего ты ругаешься? Ребенок выглядит довольным!

Собственно, я это рассказываю к тому, чтобы вы поняли: первые года полтора жизни малыша, Света откровенно боялась оставить его со мной. Понятия не имею, почему. Все разы, когда это случалось, ребенок оставался сухим, чистым, сытым и довольным.

Главной проблемой лично для меня была его излишняя привязанность к маме. Стас был категорически маменькиным сыночком, и разлуку с мамой переживал очень тяжело. Например, однажды Света оставила его со мной на 15 минут,

чтобы сбежать в магазин. Все 15 минут ребенок орал, уткнувшись мне в плечо. Орал так, как будто мама ушла навсегда, да еще и уходя сожгла все его игрушки.

Со временем все это прошло, конечно. Но тогда, в первые полтора – два года, было непросто.

Но, собственно, к сути!

Однажды Света решила-таки устроить себе выходной, и отправилась куда-то с самого утра. Разбудила меня часов так в семь, дала последние указания, напомнила телефоны "скорой", полиции и зачем-то службы газа (при том, что у нас печка электрическая), обещала звонить каждые 22,5 минуты и умчалась по своим делам.

А я остался. Сонный, недовольный, слегка озадаченный. Потому что впервые я оставался действительно ОДИН с ребенком на полдня. Никто из друзей ко мне сегодня в гости приехать не собирался. А гости – это хорошо. Гости отвлекают внимание ребенка, и он перестает выносить тебе мозг.

Стас с молодых ногтей был жаворонком. Возможно, этим и обуславливаются мои постоянные подначивания жены на тему: "А давай его продадим? Все хоть какая-то выгода?" Потому что я – сова! Классическая сова, у которой пик работоспособности приходится на 22 часа, а пик желаний спать – на 8 утра! Но нет, это маленькое чудовище всю свою жизнь просыпается в 7 максимум – в 8.

Проснулся в семь он и в тот день.

Я осторожно заглянул в детскую, привлеченный легким

шуршанием и побрякиванием погремушек. Ребенок сидел в своей кроватке и сосредоточенно что-то делал. Что делал я, еще не успевший с утра надеть очки, не разглядел.

Также осторожно я закрыл дверь и поплелся в зал, одеваться и искать очки. Ребенок занят? – Вот и хорошо. Став родителем начинаешь ценить даже пять минут тишины и покоя. Особенно когда впереди у тебя – полдня с этим шумным и подвижным созданием. Занят чем-то в кроватке – вот и пусть занимается. Главное, что спросонок не принялся звать маму, как он часто делает.

Нацепив на нос очки, а на попу – трусы, я сел было за компьютер, но потом вспомнил... Вспомнил бродящую по сети фотографию с разрисованной фломастерами комнатой и подписью: "Так выглядят пять минут тишины!"

Встал.

Снова сел.

Страх боролся во мне с логикой. Оба приводили довольно весомые аргументы.

– Что тебе стоит, сходи и посмотри, что он там делает?

– А если он меня увидит и прилипнет ко мне? А я еще даже утренний променад до уборной не совершил!

– Да, такая опасность есть. А что, если он там сейчас, в своей кроватке, ДЕЛАЕТ ЧТО-ТО СТРАШНОЕ, способное уничтожить всю квартиру?

– Да что такого он может там делать?

– ЧТО УГОДНО! ЭТО ЖЕ РЕБЕНОК!

Страх победил. Последний аргумент был несокрушимым, поэтому я встал, пошел, и снова аккуратно заглянул в детскую... И чуть не ввалился туда, потому что страх был прав. Ребенок, сидя в своей кроватке, действительно готовился уничтожить всю квартиру, а заодно и мою жизнь.

Увидев меня, малыш радостно заагукал, заулыбался, и потянул ко мне ручки через решетку кровати. Коричневые такие ручки. Часть коричневого, облепившего этим самые ручки, осталось на этой самой решетке.

У меня медленно отпала челюсть...

Не став заморачиваться вопросом, почему папа так удивлен и испуган, мой кроха засунул правую руку глубоко в подгузник, вытащил оттуда еще один кусочек коричневой субстанции, и принялся деловито размазывать его по перилам кроватки.

У меня подкосились ноги.

Однажды на улице я столкнулся нос к носу с неадекватной собакой, у которой из пасти свисали густые нити слюны. Тогда у меня тоже подкосились ноги... Ощущения были сходными.

Устав от праведных трудов, малыш вздохнул, и провел ладошкой по лбу, видимо смахивая трудовой пот. Точнее – заменяя его на что-то другое. Трудовые отходы... Хорошо звучит, почти как "нетрудовые доходы".

– Стас... – обреченно прошептал я.

Ребенок задумчиво почесал нос. Я закрыл глаза с мыслью,

что не буду открывать их уже никогда. Мне вдруг страшно захотелось позвонить Свете, в "скорую", в полицию и в службу газа. Хотя логичнее всего в этой ситуации было бы звонить пожарным, у них хотя бы есть брандспойты и вода. Много воды. Как раз столько воды, чтобы превратить этого фекалоида с Голгофы обратно в моего сына.

Когда я все-таки заставил себя открыть глаза, мелкий улыбался, и тянул ко мне ручки. Никогда еще чье-то желание заключить меня в объятия не вызывало у меня такого яркого отторжения вкупе с истерическим смехом.

Я опушу подробности доставки хихикающего ребенка в ванную на вытянутых руках.

Опушу рассказ об изгнании фекалоида с помощью душа. Не стану рассказывать и о том, как я отмывал кровать, периодически оттаскивая ребенка в соседнюю комнату, чтобы у меня было время на отмывание, пока он ковыляет из спальни в детскую.

Расскажу лишь о диалоге на работе с коллегой, которой я пересказывал всю эту историю на следующий день.

– Счастливым будет твой Стас, – глубокомысленно изрекла Аня.

– Почему?

– Да примета такая есть... Кто в детстве говна нажрался, тот во взрослой жизни счастливым будет!

11. Сифилитический морж

Приболел я тут давеча. Не сильно, но обидно. Прямо перед отпуском, прямо перед отлетом в теплые края. Ну, друзья и попросили меня поделиться секретом быстрой победы над простудой... Рассказать о способах лечения, которыми я пользуюсь.

Рассказываю: ингаляции луком и чесноком, полоскание горла всем, что имеет дезинфицирующие средства (да, водкой тоже можно), и прогревание ног в горячей воде. Простуда отступает за пару дней, и ликвидируется без остатка за четыре.

Но правильное лечение – это скучно.

Давайте я вам лучше о неправильном расскажу... Однажды я так полечился, что на всю жизнь заработал фобию.

Но обо все по порядку... Шел мерзкий ноябрь. Если взглянуть на небо, то казалось, что наступила зима. Если взглянуть под ноги, то казалось, что наступил в говно. Мой годовалый сын свалился с бронхитом. Свалился серьезно, и уехал вместе с женой в больницу. Дома мы остались вдвоем: я, и осенняя депрессия.

Единственным светлым лучом во всей этой ноябрьской серости, был надвигающийся поэтический вечер одного литературного объединения, где должна была выступать и моя близкая подруга.

Вечер намечался в воскресенье.

Конечно же в пятницу я подцепил сифилис...

Ах да, тут я должен объясниться. Есть у меня привычка, любую болезнь неопределенного анамнеза называть сифилисом. То есть если у меня сопли ручьем – это сифилис. Если горло болит – это сифилис. Если температура под 40 – это острый сифилис. А вот если врач заглянул в горло и сказал: "Ангина" – это уже ангина.

На работе уже привыкли.

– Лена, можно мне отгул на денек?

– Сифилис? Или ты вчера бухал как не в себя?

– Сифилис...

– Лечись!

Друзья уже привыкли:

– Катя, жуй чеснок и надень маску! Нафиг мне твой сифилис?

Даже клиенты уже привыкли:

– О! Кирилл! А чего на прошлой неделе вас не было?

– Да, фигня, сифилис подцепил...

– Гхм... Предохраняться надо было! В смысле, осень, время сейчас такое, без чеснока за щекой лучше из дома не выходить.

Даже жена привыкла.

– Ты сегодня что-то не важно выглядишь.

– Да сифилис у меня, походу. Женя заразила!

– А я тебе говорила, не надо было с ней в сауну идти!

Врачи только пугаются. Когда меня привезли на "скорой" с подозрением на пиелонефрит, который при детальном рас-

смотрении оказался воспалением мозга, едва стоявший на ногах я пытался объяснить врачу течение болезни, приведшей меня к нему в отделение:

– Сначала это был просто сифилис...

– Кто диагностировал?

– Да никто не диагностировал. Просто горло болело, и...

– Горло болело – это понятно. Но давайте вернемся к сифилису...

– Ну так а я вам про что... А, простите...

Ну и сильно пугаются новые люди, пришедшие в мою жизнь.

– ... Да мелкий дома сидит, в садик пока не ходит. Сифилис у него!

– О господи! Бедный ребенок! Как это вообще возможно в два года?

– Да я тебя умоляю! Они там в садике заразой меняются на раз-два. Такое ощущение, что они прям торги устраивают! "У меня апатичная диарея! Меняю на сифилис! Могу в нагрузку добавить желудочный грипп!"

Потом привыкают, правда.

– Кирилл, ты знаешь, я обнаружила, что твоя привычка называть любую заразную болезнь сифилисом... ЗАРАЗНА!

В общем, в пятницу я подцепил сифилис. Плохело мне прям на глазах. В субботу, кое-как проведав жену и сына в больнице, я приехал домой и понял, что болен достаточно серьезно. Температура медленно ползла к 38, нос не дышал,

в горле поселился ежик, тот самый, из песни нянюшки Ягг, и общее самочувствие ползло к нулю.

А в воскресенье – поэтический вечер, которым я намеревался развеять тоску. Да и подругу поддержать хотелось... Ну а на десерт, в понедельник – на работу. А на работу надо. Потому что ипотека. А бронхит ребенка и так проделал неплохую брешь в нашем шатком семейном бюджете. Надо работать. Надо продавать. Надо перевыполнять план, чтобы выжить!

И тогда я решил ввести в бой тяжелую артиллерию! Таблетки.

Есть такое лекарство, "Ципрофлоксацин". Антибиотик широкого спектра действия. Лечит даже венерические заболевания, между прочим. Нет, против сифилиса, настоящего, а не моего, он не работает, но триппер убивает на раз-два. "Ципрофлоксацин" – это "Антивирус Касперского" в мире медицины. Принцип действия этого антивируса вы хорошо знаете: "Вирусы не пройдут, но и пользователь тоже!" Этот антибиотик действует также: он убивает в организме ВСЕ, не разбираясь, вредные это бактерии, или полезные. Ну а список его побочных эффектов выглядит как королевский указ на громадном пергаментном свитке.

Один из пунктов побочных эффектов – кошмарные сновидения.

"Ну кошмары и кошмары, – подумал я, – подумаешь! Даже если и приснится какая-нибудь фигня – сделаю из нее

рассказ!"

В общем, именно этим антибиотиком я решил вдарить по расползающемуся по организму сифилису.

Но и на этом я не остановился. Я решил применить метод лечения под названием "Антибиотический удар".

Это не мое изобретение, это реально существующий, но довольно редко применяемый в медицине метод. Заключается он в принятии предельно допустимой дозы антибиотика. И применяется в случае тяжелых, запущенных бактериальных инфекций. Как говорят медики, когда потенциальная польза превышает потенциальный риск.

Ну, или когда победить болезнь нужно срочно!

Рабочая доза "Ципрофлоксацина" для взрослого человека – 500 мг два раза в сутки.

В тяжелых случаях – 750. Предельная суточная доза – 2 000 мг.

4 000 мг. с большой долей вероятности могут стать смертельной дозой. Почки отвалятся нафиг.

Подумав и перекрестившись, я сожрал 2 000 мг. Четыре таблетки. Предельно допустимую суточную дозу. Да, за раз.

Никогда, слышите, никогда не занимайтесь лечением.

Никогда, слышите, никогда, не устраивайте своему организму столь мощный антибиотический удар.

Сожрал, и лег спать, с мыслью: за ночь в моем организме передохнет ВСЕ! Главное, чтобы уцелел сам организм.

Вообще-то я так уже делал. Правда, не 4 таблетки, а всего

2. Рабочую суточную дозу за раз. Рабочую, а не предельно допустимую! Я тогда учился в институте, у меня на носу был какой-то важный экзамен, а под носом были сопли. Много соплей.

Правда тогда мне было 19 лет, и я был гораздо крепче. 31 и 19 – это все-таки существенная разница. Тогда я на утро проснулся помятым и здоровым. В 31 мне, кажется, повезло, что я вообще проснулся.

Я провалился в сон на пару часов. Проснулся я от того, что меня трясло от холода, не смотря на два одеяла, в которые я завернулся во сне. Встал, померил температуру... Комнатная. Ладно, шучу. 35. Это меня обрадовало, значит лекарство действует.

Попытался заснуть снова – не получается. В голову лезет всякая хрень. Фехтующие на шпагах соленые огурцы – были самым логичным из всего того, что возникало в моем мозгу, как только я начинал проваливаться в сон.

К середине ночи я все-таки уснул. Провалился глубоко, в фазу быстрого сна, в которой человеку вообще-то полагается высыпаться, отдыхать и набираться сил. Если, конечно, в вашем организме не расползается по клеткам антибиотик, убивающий все, что способно шевелиться.

Я шел по какой-то серой дороге меж каменных россыпей и огромных валунов. Впереди маячил серый город, очень напоминающий декорации к "Левиафану" Звягинцева. Все вокруг было серым, промозглым, мерзким и пушающим.

И тут из-за очередного валуна передо мной на дорогу выскочил морж. Огромный, мать его, морж, уродливая голова которого возвышалась надо мной на добрых полметра, а бивни которого были длиной с мою руку. И раньше, чем я успел удивиться или испугаться, эта тварь бросилась на меня!

Он сбил меня на землю, придавил ноги своей жирной тушей, и в одно движение вспорол меня своим бивнем от ребер до паха. Джейсон со своим огромным тесаком не справился бы лучше.

Морж засунул голову мне в живот, и с урчанием принялся жрать мои кишки.

Я помню все в деталях. Залитую кровью морду жирной твари, капли крови на жестких усах моржа, и мои кишки, которые он с присвистом втягивал в себя, словно спагетти.

Обычно в кошмарах, когда случалось что-то действительно страшное, меня выбрасывало в реальность. Я просыпался. Иногда – не сразу понимая, где кончается сон, и где начинается явь, но просыпался. Какая-то часть сознания хранила разум от потрясений, но, похоже эту часть сознания антибиотик убил, вместе с вредоносными бактериями.

Огромный морж жрал меня заживо во сне, а я не мог проснуться, потому что не понимал, что сплю.

Вы умирали когда-нибудь во сне? Я – умирал. Боли не было, но зато я отчетливо помню тяжесть моржовой туши, прижимающей меня к земле. Помню даже запах, мускусный звериный, и медный запах моей крови. Помню, как орал и пы-

тался оттолкнуть от себя эту жуткую, терзающую меня морду, а потом лишился сил, закрыл глаза, и умер. Умер, вернувшись в реальность.

Я встал с кровати далеко не сразу. Минут 10 у меня ушло на осознание того, что я почему-то жив. Еще столько же – на попытку понять, что мне просто приснился сон. Один из самых страшных снов в моей жизни. Собственно, он до сих пор занимает почетное второе место в списке ночных кошмаров. Да, бывало и хуже. Безо всяких антибиотиков, просто на фоне дурацких мыслей в голове.

Еще 10 минут я просто пытался заставить тело слушаться меня. Я чувствовал себя так, как будто на меня упал рояль. Ну, или морж. Температуры не было, горло не болело, но я больше напоминал зомби, чем нормального человека.

Часы показывали 7 утра. На ватных ногах я доковылял до кухни, выпил воды, и попытался снова уснуть. Но не смог. Стоило мне закрыть глаза, как я видел моржа. Огромного жуткого моржа с залитой кровью мордой. В тот момент я думал, что вообще никогда не смогу больше уснуть.

Ни на какой поэтический вечер я, естественно, не пошел. К обеду я смог наконец нормально передвигаться по квартире, не держась за стеночку, и влил в себя кружку куриного бульона. Но уже в понедельник я был вполне живчиком, и смог пойти на работу. Болезнь была побеждена, антибиотик не оставил ей ни малейшего шанса.

Ну а я с тех пор боюсь моржей, и по мере сил избегаю

антибиотиков. Потому что ну их нафиг! И тех, и других!

12. Екарный бабай

Я не против ругательств. Не против матерщины. Я не стану закатывать глаза, если кто-то при мне выразится на великом и могучем русском языке. И уж точно я не стану вести себя как один знакомый моей близкой подруги.

Услышав от красивой девушки слово "жопа", парень расстроился, сказал, что с таким быдлом, как она, дел иметь больше не хочет, и свалил в закат. Подруга пожала плечами, решила, что нафиг ей мужчина, у которого, по всей видимости, жопы нет, и ушла навстречу рассвету. И правильно сделала.

Однако, всему нужно знать меру. Я одно время пытался отучить своего двоюродного брата вставлять "мя" и "на" после каждого слова.

– И тут я, мя, иду, на, спотыкаюсь, на, и такой, на, пиздык, на!

– Жень, ты понимаешь, что ты выдаешь избыточное количество информации?

– Чо, на?

– Твою фразу можно сократить вдвое, если убрать из нее избыточность в виде "на" и "мя". Понимаешь?

– Я, мя, просто так говорю, на!

– Это я понимаю. Но понимаешь ли ты, что ругатель-

ство, употребляемое слишком часто, перестает быть ругательством, ибо теряет свою глубину и мощь?

– Чо, мля?

– Если ты материшься, когда идешь, когда ешь, и когда занимаешься сексом, никто не поймет, что у тебя случилось что-то экстраординарное, когда ты упадешь, подавишься, или у тебя случится самый потрясающий в твоей жизни оргазм!

– Но я, мля, для связки слов, на!

– Понятно. Ты безнадежен.

С появлением дома ребенка я, конечно, стал более сдержан в выражениях. Но, тем не менее, я продолжаю считать нормальным тот факт, что у всех нас есть жопа, а у сильной половины человечества есть еще и яйца (впрочем, они есть и у некоторых представителей прекрасной половины). А когда сын подцепил от кого-то слово "блядь", я не стал его ругать за это, а просто объяснил, что это – жесткое и грубое ругательство, которое не культурно употре... в повседневной речи, и которое допустимо в ситуации, когда случилось что-то действительно плохое и сильно тебя расстроившее.

Иными словами, кошку зовут кошка, но только не тогда, когда ты наступил на нее ночью.

Недавно прихожу домой, и Света просит меня поговорить с ребенком.

– Он в садике стал говорить "Екарный бабай!"

– Хех. И что? Это не самое страшное выражение, которое

он может принести домой. Кстати, это не от меня он подцепил. Я так не говорю.

– Так Я говорю! Это мое выражение! И мне неловко, что ребенок его в садике употребляет. Ты же папа! Поговори с ним по-мужски. Попроси это выражение не использовать!

– Лады! Сынок! Иди сюда, батьке надо с тобой серьезно поговорить! Слушай! Мне тут сорока на хвосте принесла, что ты в садике стал часто говорить "Екарный бабай!"

– Да, папа.

– А ты в каком контексте это выражение употребляешь? Вряд ли ведь ты зачитывал друзьям "Меч без имени", да? Или к вам заходил некий пожилой пассивный гомосексуалист?

– Папа, а что такое гомосексуалист?

– Ты это, не отвлекайся. Когда ты это выражение употребляешь?

– Когда сильно удивляюсь чему-то.

– Понял... Сынок, маме это выражение не нравится. Давай мы его на что-то заменим? Давай, когда ты удивляешься чему-то, ты будешь говорить: "В рот мне ноги!"

– В рот мне ноги!

– Отлично! Договорились?

– Да в рот мне ноги!

– Значит, договорились. Света, проблема решена! Ребенок больше не будет говорить "Екарный бабай"!

– Да, но он теперь будет говорить "В рот мне ноги"!

– Ну и хорошо. Тебе неловко было почему? Потому что ребенок подцепил ТВОЕ выражение. А теперь он использует мое. Мне – не неловко.

Утром веду ребенка в сад. Раздеваемся... В этот момент заходит его закадычный друг Ярик. С мамой, разумеется.

Я: Здравствуйте!

Стас: В рот мне ноги, да это же Ярик!

Мама Ярика: Екарный бабай...

Ну а в качестве финала этой истории про матершину в доме – зарисовка "Утро".

Утро понедельника. Я – уже за столом, кушаю кашку, пытаюсь не упасть мордой в тарелку. Из детской выходит похожий на зомби Стас, только что проснувшийся и плохо соображающий, кто он, и где он. Выходит, с закрытыми глазами шлепает к столу, садится напротив меня. Грустно смотрит на меня, на тарелку с кашей, подпирает рукой голову и глубокомысленно изрекает:

– Вот бядь...

Кажется, ребенок усвоил, в какие моменты матерные выражения допустимы.

13. Имена

– Света, а ты Шрайка помыла?

– Сам мой Повелителя Боли. Он колется!

Нормальный диалог в нашем доме. А все почему? Потому

что многие вещи у нас имеют свои имена.

– Стас, Ольгу Владимировну мне принеси! Безе буду готовить!

Или:

– Света, в "Икею" поедешь – Варю мне новую купи, ладно?

А то у старой жопа выпала.

Зачем? Я понятия не имею. Как-то так сложилось. Так оно как-то веселее, что ли.

Я не придумываю вещам имена. Они придумываются сами собой. То есть вот появилась вещь, и как-то внезапно получается, что у нее есть имя. Чаще всего логике это не подчиняется вообще. Вот принес я домой планетарный миксер, и понял, что зовут его Санёк. Просто посмотрел на него, и понял: Санёк!

Но чаще имена приходят в дом вместе с вещью.

Первую Варю мне подарила подруга, ныне живущая в Минске. Варя – это икеевское ситечко для муки. Аня принесла ее, вручила мне, и сказала: "Ее зовут Варя!" Почему Варя – никто не знает. Наверное, как у меня с Саньком. Пару лет спустя Аня не помнила ни почему именно Варя, ни даже того факта, что это она придумала Варю имя.

Шрайк – это крутая бошевская мясорубка с набором терок. Я пару лет назад решил сварить пиво, а для пива мне потребовалось перемолоть ячменный солод. Я взял нашу старую электромясорубку, которая служила нам верой и правдой 10 лет, засыпал в ячменя и включил.

У мясорубки разом стерлись, кажется, все шестерни, а жена посмотрела на меня так, что я на следующий же день достал из заначки, которую откладывал на поездку в Припять 10 тысяч, и пошел покупать новую мясорубку. И правильно сделал, потому что год спустя Киев закрыл для русских доступ в Припять. Вообще. Так что "Фонд Припяти" переименовался в "Фонд Питера"... В который я тоже не еду, но уже совсем по другим причинам.

Так в нашем доме появился Шрайк. Собственно, имя у мясорубки появилось на второй день обитания. Поскольку мясорубка – еще и терка, а точнее – набор из нескольких терок, то я, естественно, решил чего-то на ней натереть. А отмывая насадку после использования, порезал ей руку в 11 местах.

Демонстрируя жене окровавленную ладонь, я сообщил: "Отныне мясорубку зовут Шрайк!"

Как и я, читавшая "Гиперион", Света согласно кивнула. Если кто не читал – поясню: Шрайк – это трехметровое стальное черт знает что, состоящее из неимоверно острых шипов и лезвий. Прикоснуться к Шрайку и не порезаться или не уколоться – невозможно. Да и вообще, если ты встречаешь Шрайка, то прикоснуться к нему будет твоим последним желанием. Во всех смыслах.

Проще всего было с блендером по имени Ольга Владимировна. Его нам тоже подарила подруга. Я взял коробку в руки, а на ней – маленькая наклейка: "Ольга Владимировна".

Зачем? – Леший его знает. Но мы единогласно решили, что это имя устройства. Так и получилось, что мясорубка вроде как женского рода, но она – Шрайк. А блендер – вроде как мужского, но при этом его зовут Ольга Владимировна.

Наверное, поэтому, когда ко мне в офис пришел мужик, и в ответ на просьбу записать на бумажке свои ФИО, вывел: "Иванова Ольга Валерьевич" я даже не удивился, и так и перенес его в базу компании.

Вы можете подумать, что в нашем сумасшедшем доме имена даны абсолютно всем вещам. Но это не так. БОльшая часть у нас безымянная и неодушевленная. Ни одна из мультиварок не имеет имени собственного. Безымянными остаются хлебопечка, стиральная машина, плита, йогуртница и много чего еще. Собственно, все они откликаются на имя Хреновина. Потому что:

– Света, ты куда хреновину переставила?

– Там посмотри, возле той хреновины, которую вчера искал...

Но отдельного рассказа заслуживают поименованные мной автомобили. Их было не так много, потому что в семье у нас машины не было никогда. Зато я отрывался на служебных машинах моего двоюродного брата.

Первым имя получил его "КАМАЗ". Огромный самосвал, изрыгающий черный дым на подъемах, я окрестил Антихристом. Имя прижилось настолько, что Женькину машину так стали звать даже в гараже. Нет, я назвал его так не за сви-

репый внешний вид и не за клубы адского дыма. Просто у Антихриста не работал ручной тормоз! Совсем как у джипа главного героя старого доброго фильма "Наверное, боги сошли с ума". Антихриста нельзя было оставлять даже на небольшом уклоне. Эта многотонная махина могла запросто уехать куда-то по своим делам.

Вторым имя получил ЗиЛ-130. Женька устроился на работу и недели две ковырялся в сломанном самосвале, доводя его до ума. Учитывая, что руки у моего брата растут отнюдь не из плеч – доводить машину до ручки у него получалось гораздо лучше, чем до ума... Но вроде бы до чего-то он свой ЗиЛ довел. Завгар, правда, шутил, что до оргазма, но, тем не менее, обещал на следующий день машину на работу выпустить. По этому поводу гордый Женька взял с собой на работу 14-летнего меня, решившего, что это прекрасный повод прогулять школу.

Мы сели в машину, Женька повернул ключ зажигания, посмотрел на меня, спросил: "Придумаешь имя этому агрегату?", и легонько нажал на педаль газа.

ЗиЛок рванулся вперед, и задержался в конвульсиях, то делая рывок, то замирая на месте. Позже выяснилось, что у него был забит какой-то гадостью бензонасос, но это происшествие определило имя скачущей машине. Кузнечик.

После Кузнечика мой брат какое-то время помыкался без работы, а потом устроился на самосвал-мусоровоз. Снова ЗиЛ-130. Эту его работу я обожал... После школы ехал на

Богдашку, где Женька вечерами собирал мусор, запрыгивал к нему в кабину, и мы ехали по ночной трассе на свалку за Пашино. И это было так клево, так интересно, что мне казалось, что моя жизнь не так уж и плоха и пуста. Разве может быть плоха жизнь, в которой ты в кабине грузовика едешь на городскую свалку? Вот если в кузове – тогда, наверное, жизнь несколько не фонтан...

Легко догадаться, что этого ЗиЛа звали Хряком.

Хряк, Антихрист и Кузнечик давно уже, наверное, порезаны на металлолом, а желание давать имена автомобилям у меня так и осталось. По сему, когда моя близкая подруга обзавелась старенькой "Маздой" старше нее самой, я дал ей благородное имя Сапфира. И знаете, имя прижилось, а Сапфира, кажется, стала даже реже ломаться.

Однажды автомобиль появится и у меня. Вообще я не отказался бы от УАЗа "Хантера". И я уже даже знаю, как нареку этого красавца. Агамемнон. Не в честь микенского царя, покорившего Трои, нет. В честь первого крейсера класса "Омега", которым командовал Джон Шеридан.

А вообще всем машинам я бы предпочел красную Plymouth Fury 1958 года выпуска. И это был бы тот случай, когда машине не нужно давать имя. Потому что оно уже есть!

14. Еврей

Я – продажник. Чаше, чем мы, продажники, со странными

людьми сталкиваются, наверное, только таксисты. Благо, с большинством я по долгу службы общаюсь в основном по телефону. Но хватает и этого.

– Кирилл, а шредеры, которые подороже – они же подороже, да?

– Да.

– Спасибо.

Или:

– А вы ремонтируете принтеры с трупным окоченением?

– Мы вообще не ремонтируем принтеры.

Или:

– А вы могли бы на вашем шредере стереть надпись Jiprex и написать что это Fellowes?

– Чо, блин?

– Вы могли бы...

– Да я вас услышал, я осознать не могу! Вы же понимаете, что от этого он Феллоусом не станет? Понимаете, что это совершенно разные машины с разными характеристиками?

– Да, но вы могли бы...

– НАХРЕНА???

– Да мы просто тендер выиграли. Там по техзаданию – Fellowes. А по цене мы не проходим. Хотим поставить ваш, потому что он дешевле.

– А зачем вы играли в тендер, если по цене не проходите?

– Ну, мы перепутали... Так вы могли бы...

– НЕТ!

– Тогда мы сами. Маркером подпишем...

Но Еврей переплюнул всех. Еврей имел полное право смотреть на всех остальных чудаковатых клиентов с презрением. Потому что Еврею не было равных в чудачествах и идиотизме!

Мы не просто так прозвали его Евреем. Не только за невообразимую скупость. Он действительно был евреем. Ходил в ермолке и талите, и наверняка носил бы сюртук, если бы у него были на него деньги. Но денег у Еврея не было никогда!

У него была своя типография, специализирующаяся на печати еврейской религиозной литературы. Расходные материалы он всегда покупал самые дешевые, и всегда клянчил скидку, взывая к жалости, сочувствию и чувству солидарности. Из-за чего, собственно, и покупал всегда по рознице, или процентов на 5 выше розницы. Потому что задолбал. Вел бы себя нормально – имел бы скидки.

Еврей был велик. Вроде так посмотришь – не такой уж он и большой. Рост – около 180 сантиметров. Пузо внушительное, но видал я пузаны и побольше. Но, тем не менее, Еврей был велик. Его было много, чрезвычайно много. Войдя в любое помещение он просто заполнял его собой! Он всегда становился центром внимания, всегда был громогласен, даже когда говорил шепотом. И всегда наслаждался произведенным эффектом, украдкой оглядываясь по сторонам и проверяя реакцию публики на его эффектный выход. Или уход. Да, уходить Еврей умел эффектно, но об этом чуть позже.

Впервые я увидел его примерно через месяц работы в "Реалисте". В офис ворвалось нечто большое и стремительное. Гулко промчавшись мимо полок с товаром, оно устремилось в кабинет директора, где приветствовало нашу милую руководительницу тоном, который бы сделал честь даже самому гостеприимному кавказскому горцу!

– Елена! Дорогая! Как же я рад тебя видеть! Ты знаешь, вот проходил мимо, и решил...

– Долг занести?

Нашу Лену не так-то просто было сбить с толку.

– Ну, и долг тоже... А вообще мне надо...

– 4800.

– Елена, ну что же вы сразу о деньгах? Я вообще термоклей купить хотел... Ну ежели вы настаиваете... Вот, пожалуйста, все до последней копейки! Обратите внимание, до последней! Больше у меня денег нет, домой буду добираться на общественном транспорте! Так вот, мне бы два кило клея. Я гроши завтра занесу. Когда мимо буду ехать...

– Константин, эти 4800 вы должны нам четыре месяца.

– Елена, но в силу связавших меня обстоятельств...

– Пре-до-пла-та! А сейчас – идите вон туда. Это – ваш новый менеджер. Кирилл. Кирилл, ты слышал? Пре-до-пла-та!

Так Еврей потерял не только скидки, но и рассрочки.

Уходя, Еврей всегда оставлял о себе долгую память в виде мощного аромата немытого тела. Видимо на мыле он тоже

активно экономил. Или на воде...

Еврей был эпичен. Начать стоит с того, что мы видели его только в двух состояниях: пьян, или с бодуна. С бодуна он особенно активно просил скидки и напоминал о тяжелой доле его детей. И да, пах он с бодуна тоже более активно. Доля его детей, да и вообще всех его родственников и сотрудников была невероятно тяжела. Мы как то пытались нарисовать словесный портрет женщины, которая смогла ему отжаться, да еще и как минимум два раза (потому что говоря о детях Еврей всегда использовал множественное число), но в конце концов решили, что об этом лучше не говорить. Потому что все м-м-м-материализуется!

Где-то через год к нам за товаром пришел его сын. Здоровый лось годов так 16-ти. Посмотрел на протянутые ему две пачки скобы, презрительно скривил губы и сказал: "До машины мне это донесите!"

Кладовщик Серега засучил рукава, и доходчиво, но с использованием просторечивых выражений, объяснил сыну Еврея, куда он вставит ему эти скобы, и каким образом доставит и его, и скобы до машины! После чего сделал шаг вперед.

Мелкий Еврей телепортировался обратно домой.

– До машины ему донести! – бурчал Серега, рассказывая эту историю. – Мало мне папаши его, который купив пачку скоб просит пакет! Он, зараза, как будто специально за халлявными пакетами к нам ездит! Перебьется! В карман поло-

жит!

– Не положит, – ответил я, – у него там хлеб.

Однажды Еврей покупал у меня что-то и оплачивал это не наличкой, а банковским переводом.

– Кирилл, я к вам заскочу сегодня, заберу, а завтра...

– Константин, ничто так не укрепляет веру в человека, как предоплата!

– Но кредит укрепляет взаимоотношения между людьми!

Взять хотя бы словосочетание кредит доверия...

– У вас уже был кредит доверия. Вы его исчерпали. Предоплата!

– Хорошо, я приду с платежкой.

Пришел. Естественно пьяный. Зима, Еврей в дубленке, и в своей неизменной ермолке.

– Здравствуйте, Кирилл! Я за товаром.

– Платежку, пожалуйста!

– Щас, щас... Где-то была...

И начинает рыться в карманах своей необъятной одежды. Внутренние прошарил – нет. Карманы брюк – тоже пусто. Вытащил из бокового кармана дубленки БУЛКУ ХЛЕБА, посмотрел на нее, запихал обратно, и продолжил рыться в карманах в поисках платежки.

Видимо под хлеб пакет был платный, поэтому он его не взял.

Еврей экономил на всем. Каждое повышение цены, пусть даже на копейку, было для него трагедией. Однажды он по-

звонил мне на сотовый, когда я был занят какой-то фигней на складе.

– Кирилл, скобы есть?

– Есть.

– Сколько стоят?

– Константин, загляните в прайс, пожалуйста. Я сейчас не за компьютером.

– А я в дороге. Уже еду к вам. Сколько стоят?

– Рублей 70 за пачку. Навскидку.

Приезжает.

– Три пачки скоб.

– Так... 90 рублей за пачку, 5000 штук. Три пачки... 270 рублей.

– СКОЛЬКО???

В этом "Сколько???" была вся боль сынов Израилевых! Я прям слышал хруст, с которым разрывалось бедное еврейское сердце!

– 90 рублей.

– Но... Вы же... Говорили 70...

Скупая мужская слеза уже готова была вытечь из скупого уголка скупого глаза этого скупого человек.

– Я ошибся. Я же сказал, говорю навскидку, точной цены не помню. Точная цена всегда в прайсе...

– 90 рублей... 90 рублей... Господи, ДЕВЯНОСТО РУБЛЕЙ!!!!

– Константин, завязывайте убиваться. 70 рублей, 90 руб-

лей, не велика разница. Три пачки выписываю?

– ДЕВЯНОСТО РУБЛЕЙ... Дайте подумать... Тогда ДВЕ!

А уж насколько Еврей был изобретателен... Как-то он рассказывал мне, как вышел из ситуации, когда сломалась переплетная машина. Сломалась ее часть: механизм зажима пружины. Нормальный человек пошел бы, и купил новую. Цена вопроса – 16 000. В календарный сезон переплетка полностью окупается за пару недель и начинает приносить чистую прибыль.

Но это же Еврей...

– У нее с одной стороны рычаг сломался. Со второй стороны – жмет, все нормально. Ну я как делаю... Я пружину туда вставляю, с одной стороны зажму, с другой – поленом вот так вот подопру, и ломиком нажму. И все отлично зажимается!

В битве современных технологий с ломом, современные технологи проигрывают с разгромным счетом.

– А сколько у вас перфоратор стоит?

– 5 000 рублей.

Для тех, кто далек от полиграфии: перфоратор – это не тот, что бетон сверлит. Это для пробивания полоски из дырочек на бумаге. Для создания отрывного корешка билета, например. Да мало ли, что можно перфорировать?

– Пять тысяч... Не, столько я не потяну...

– Константин, ну а если заказы на перфорацию есть? Ра-

ботать-то надо на чем-то. Перфорировать...

– Так у меня швейная машинка...

Я так и сел.

– Что, простите?

– Старая швейная машинка. От бабушки осталась, Зоя Абрамовна, упокой господь ее светлую душу... Подольский завод. Помните такую, с ручным приводом? Ну я ей дырки и делаю...

– Перфорацию?

– Да.

– Швейной машинкой???

– Ну да.

– Константин, я испытываю сейчас смешанное чувство.

Восхищение, тесно переплетенное с офигеванием.

А однажды... Однажды Еврей привез к нам на ремонт гильотинный резак. Хороший такой резак. Новый – под сотню тысяч стоит. Но он его, конечно, купил где-то б/у-шным. И сломал.

Наш инженер попрыгал вокруг резака с бубном, что-то подшаманил, что-то заменил, что-то замкнул, назвал мне сумму и сказал: "Звони Еврею, пусть забирает!"

Еврей приехал. Как всегда слегка поддатый. И как всегда начал клянчить скидку.

– Константин, к оплате – 5 750.

– Кирилл, в это тяжелое время...

– В это тяжелое время ремонт резака стоит 5 750 рублей.

– Кирилл, поймите, я из последних силу тяну этот бизнес... Эту непомерную ношу... Сойдемся на 5500?

– Наш инженер чинил этот резак из последних сил! Давайте тогда сойдемся на 6000?

– Кирилл, вы просто выкручиваете мне руки! Я взял с собой всего 5750 рублей!

– И это прекрасно, потому что именно эту сумму вы и должны нам за ремонт!

– Да, но если я вам ее заплачу – я не смогу забрать у вас резак. Потому что в аккурат 250 рублей мне обойдется дорога до дома с этим аппаратом. Не в автобусе же я его повезу, верно?

А резак, на минуточку, около 100 килограмм весит.

– Константин, я ни грамма не сомневаюсь в вашей предпринимчивости и деловой хватке, но... Это где ж вы нашли "Газель" за такие деньги?

– А вот давайте вы мне скидку сделаете, и тогда все узнаете?

Уболтал ведь, демон языкастый! Согласился я на скидку, рассчитал его и вместе с ним пошел на склад за резакком.

– Ну, рассказывайте! Что это за грузотакси такое, которое ваш резак в ваши гребеня (а типография евоная находится в частном секторе Дзержинского района) доставит за сумму, за которую обычное такси обычно довозит до дома меня?

– Смотрите и учитесь!

Еврей достал телефон. Крошечный телефончик с кнопоч-

ным набором. Да, это в эпоху смартфонов. Но я бы не удивился, узнав, что в Интернет он тоже выходит через швейную машинку.

– Але? Такси? Большевистская, 177/24. первый вход. Едем на улицу Солдата Воскобойникова, да, это которая в районе Суровые гребеня имени ссылки Владимира Ильича Ленина в Шушенское во время разлива. Дом 11. Да, я знаю, 250 рублей. Все, жду.

Еврей победоносно посмотрел на меня. Мол, учитесь, пока я жив.

– Константин... Я правильно понимаю... Вы сейчас вызвали обычное такси?

– Да.

– Не "ГАЗель". Просто такси?

– Да.

– Допустим, вам повезет, и приедет какой-нибудь универсал. Что-нибудь пятидверное... Тогда резак еще войдет в багажник. Но что, если приедет обычный и ничем не примечательный седан? Что, если это будет "Лада Калина"?

– А что? Мы его вот так вот бочков, вот так вот пихнем, и вот так вот турнем...

– Константин, эта дура весит сто килограмм! Вы как его положите на заднее сиденье? На вытянутых руках?

– Я придумаю что-нибудь.

Еврей побежал на улицу ловить такси, чтоб оно не проехало мимо. Вы вправе мне не верить, но Еврей был настолько

велик, что заполнил собой все пространство восьмиполосной Большевистской. Он стоял во второй полосе, размахивая над головой руками, чтобы привлечь внимание таки проскочившего мимо водителя, а машины объезжали его по широкой дуге, беспрестанно сигналив. На гудки Еврей не обращал ни малейшего внимания, а вот если кто-то открывал окно, чтобы сказать ему пару ласковых, он, не переставая размахивать руками, на всю округу вещал что-то о тяжелой доле своих детей и глупости современных таксистов. А в особо тяжелых случаях – и призывая кары Египетские на головы посмеявшихся недобрым словом упомянуть его матушку.

К моему огромному сожалению никто не вышел, чтобы набить ему морду. Наверное, всем казалось, что Еврей слишком огромен, чтобы с ним связываться.

Наконец, под чутким руководством Еврея, выразившемся в виде размахивания руками и криков: "Назад, назад сдавай! Руль чуть вправо! Чуть влево! Назад! Заворачивай! Заворачивай!", таксист подъехал к нашему складу. Подъехал, сильно недоумевая, нафига он сдает назад, если клиент – вот он, руками машет. Мог бы просто подойти и сесть.

На счастье Еврея такси оказалось универсалом.

– Открывайте багажник!

– А, так у вас багаж... Сумки помочь поставить? СТОП!
ЭТО ЧТО ЕЩЕ ЗА ДУРА???

Да, гильотина Woway 450Z3 – та еще дура. Внушительная адская машина...

– Запихиваем! – пыхтит Еврей, тягая эту дуру вместе с нашим кладовщиком Мишей.

– Погодите! – возмущается водитель, – Я эту зверь-машину возить не подряжался. Это не багаж.

– Это багаж!

– Багаж? Скажите еще, ручная кладь!

– Уважаемый! – бухтит из-под резака Еврей, – Вы обязаны приехать на вызов и взять в машину до 4-х пассажиров, весом не более 100 килограмм каждый. Верно?

– Верно!

– Сегодня пассажиров у вас два. Я, и вот он. Каждый из нас весит не больше сотни.

– Эта машина?

– Это не машина, это мой пьяный друг. Его зовут Терминатор, потому что он – железный. Вопросы есть? Нет! Тогда закрывайте багажник и поехали!

Я аплодировал с открытым ртом. Я понял, что мне, материному продажнику со стажем, еще учиться и учиться у Еврея искусству переговоров.

Или правильно назвать это искусством кланчить халяву?

Но самая запоминающаяся история про Еврея случилась много позже. Летом 18-го года.

Маленькая ремарка: я не даю клиентам номер своего сотового. Во-первых – так просто не принято в нашей компании. Во-вторых – некоторые клиенты могут додуматься позвонить и в два часа ночи с вопросом: "Есть ли в наличии

пружина?" ну а в-третьих, логичнее звонить на городской. Если даже меня нет на месте – коллеги всегда помогут и продадут все, что необходимо.

Когда-то очень давно я сдуру поддался на уговоры Еврея, и дал ему сотовый. Все пять его номеров у меня в черном списке. Да, у него пять номеров. Я не знаю, какая ему от этого выгода, но она наверняка есть. Еврей может позвонить вечером, и спросить, есть ли у меня в наличии скобы. Дома у меня их нет! А есть ли они на складе я без компьютера и 1С не выясню. "Константин, звоните на городской!" – неоднократно говорил я ему. Бесплезно! Поэтому я занес все его номера в черный список.

А теперь – сама история. Жаркий летний день. Сильно жаркий, столбик термометра замер где-то на 33 градусах. Моя вечно мерзнущая коллега Аня просит врубить кондиционер на минимум. Из офиса выходить просто страшно, в коридорах – тропики. На улице – ад. Плавятся асфальт и мозги!

Распахивается дверь, и на пороге появляется он. Еврей! То есть, сначала появляется его внушительное пузо, а потом – он сам. Вместе с ним в офис входит и запах! Запах давно не мытого тела, которое заставили переться через полгорода по адской жаре в общественном транспорте. Еврей на несколько секунд замирает на пороге, выдержав театральную паузу (в которую я успеваю вставить вежливое "Здравствуйте, Константин"), а потом с артистизмом, достойным школы Станиславского, восклицает:

– НЕНАВИЖУ!

Работа в офисе замирает. Мы с Аней поднимаем головы от мониторов. Из своего кабинета заинтересованно выглядывает Лена, наш директор. Все ждут продолжения. Все интересно, кого же ненавидит Еврей, но Еврей держит интригу, и все также молча стоит на пороге, тяжело дыша и источая аромат, который выветрится спустя час после его ухода.

– Нас? – не выдерживает, наконец, Аня, потому что понимает: если мы не подыграем, фарс не закончится никогда. Еврей способен держать театральную паузу дольше, чем самая матерая фитоняша способна стоять в планке.

– ЕГО! – указующий перст Еврея наставлен на меня.

– За что? – искренне удивляюсь я.

– Я вам звоню, а вы не берете трубку!

Я начинаю понимать, что история повторяется, но продолжаю играть. Не один Еврей склонен к театральным эффектам.

– Константин! Вы проходите, садитесь, не стойте на пороге. У нас тут кондиционер работает, хоть охладитесь немного. А то устали, наверное, по такой жаре ехать. Знаете, телефоны у нас работают, буквально минуту назад принимал звонок от клиента. Может, вы не нам звонили?

Еврей эффектно плюхается на стул передо мной, достает свой мобильник и тычет мне его в лицо. Я пытаюсь рассмотреть телефон, потому что по-моему это легендарный Siemens A35, выпущенный на рынок в 2000-м году. Но Еврей обра-

щает мое внимание на дисплей.

– ВОТ! 11 исходящих! И ни на один вы не ответили!

– А, ну так вы ж мне на сотовый звонили! А я его сегодня дома забыл, представляете?

Правой ногой я аккуратно задвигаю под стол шредер, на котором лежит и заряжается мой смартфон. Только бы не зазвонил! Только бы не пиликнул, зараза мобильная!

– А я... – возмущался тем временем Еврей, – Еду! К вам! Иду в офис! Вместо того! Чтобы! Зайти на склад и забрать заранее заказанный товар!

– Ну, так вы бы на городской позвонили! Чего сложно-го-то? Но давайте перейдем к делу. Что вам выписать?

– Клей!

Речь, понятное дело, не о "Моменте". Речь о термоклее для изготовления книг. Но...

– Нету! Приход – 25-го...

Голова Еврея бьется о мой стол. Точнее – о его руку, которую он заботливо подставляет. В такой позе он и замирает еще на минуту. Расстроенный. Подавленный. Сломленный.

Голова медленно поднимается. Полный тоски взгляд останавливается на мне.

– Ни одного килограмма? – с тоскливой надеждой вопрошают дрожащие губы.

– Ни одного. Совсем. Час назад последний пакет продали! – мстительно добавляю я, хотя последний пакет был продан еще пару дней назад. – Вот если бы вы заранее позвони-

ли...

– То есть я... Еду... По такой жаре... Через весь город...

– Вот если бы вы перед тем, как ехать, позвонили...

– А Я ЗВОНИЛ!!!

– Не-а. Не звонили. А еще, кстати, есть очень классная штука, электронная почта... И знаете, на нашем сайте вообще-то отображается наличие товара. Если бы вы посмотрели...

Голова Еврея снова падает на стол. В такой позе он замирает еще на полминуты. Фарс начинает меня утомлять, а аромат страданий и пота – действовать на нервы. Еврея пора выгонять. Но по опыту общения с этим человеком я знаю, сделать это будет непросто.

– Может вам еще что-нибудь нужно?

– Мне нужен клей!

– Будет 25-го числа.

– Но я уже пообещал сдать тираж 23-го...

– А зачем вы это сделали, не удостоверившись, что вам будет чем клеить?

– Эх...

Он снова достает свой крошечный телефон и набирает номер.

– Ваня... У нас проблема. Мы, кажется, не сдадим тираж.

Снова театральная пауза. Еврей, тем временем, встает и медленно движется к двери. Ему бы в театр, на сцену, только помыться предварительно... Вот вы умеете медленно, теат-

рально и красиво двигаться к двери? Я – умею, но до искусства Еврея мне далеко. Каждый шаг занимает секунды три. В каждом движении – идеальный баланс скорби, задумчивости и безграничной усталости. Я прям таки вижу тяжелые гири, привязанные к его ногам. Я слышу лязг металлических цепей! Каждый поворот головы дается ему с трудом, но он не забывает медленно и трагично обозревать весь зрительный зал, то есть весь наш офис, на долю секунды останавливая свой грустный взгляд на каждом зрителе, чтобы все успели прочесть в этих глаза тоску и безысходность, вызванную отсутствием клея.

Ему бы вместо Кисы Воробьянинова, страдальчески тянуть "Же не манж па сис жюр!" Подавали бы все до единого, и каждый – не меньше тысячи!

У самой двери Еврей останавливается и в последний раз обводит нас взглядом. В последний! Мы сразу чувствуем, что взгляд – ПОСЛЕДНИЙ! Что больше он не удостоит нас ни единым взглядом, по крайней мере сегодня, пока не придет пора играть новую драму.

– Почему? – вопрошает он в телефон, и срывается на полный отчаяния вопль: – ПОТОМУ ЧТО В "РЕАЛИСТЕ" НЕТ КЛЕЯ!!!

И бросив нам в лицо это обвинение, он исчезает за дверью.

Наконец-то.

15. Беззубик

31 декабря 2018 года мой дорогой двоюродный брат лишился трех зубов. Если быть точнее, то два вылетели сразу, с одного хорошего удара. Третий на следующий день вынул стоматолог. Именно вынул, дергать не пришлось. На чем он там держался – история умалчивает.

Как это произошло?

Об этом чуть позже. Куда интереснее – то, почему это произошло только на 44-м году его жизни, а не гораздо раньше? Как он вообще выжил, с его характером и норовом?

Дело было в начале нулевых. Мы с братом поехали на кладбище. Нет, не грибы собирать, на Заельцовском с грибами как-то не очень, в отличие от Северного. К дедушке нашему мы поехали. За могилкой поухаживать. Май шел к концу. Все нормальные люди на кладбище уже побывали, и старались лишний раз в лесах не ошиваться. Пик активности клещей все-таки... Но куда больше клещей нам досаждали комары, коих в это важное время года было просто не счесть. Кровососы собирались в стаи и свирепо жужжа, атаковали любые теплокровные цели, подобно ракетам класса "воздух – земля".

Репеллент не помогал. Как он вообще мог помочь, если мы его дома забыли?

На какое-то время спасал сигаретный дым, но даже Женька, обычно прикуривавший одну сигарету от другой, уже

не мог дымить в таком режиме. Работать было решительно невозможно. Стоило нам наклониться, как на заднице появлялось до 5 новых укусов. Комары жалили молниеносно и беспощадно.

И тогда мы развели костры.

Нагребли прошлогодней листвы и всякого мусора, и подпалили. Прячась в густом дыму – насобирали еще листвы, и запалили второй костер, с другой стороны. Потом третий. Четвертый. Таким образом, куда бы не повернул ветер, участок с дедушкиной могилой всегда был накрыт дымным куполом. Дышать в нем было тяжело, но всегда можно было пригнуться и работать на карачках. Внизу воздух был, а вот комаров не было. Дымовой заслон был для них непреодолим.

На случай, если кто не знает, на кладбищах запрещено разводить костры. Весна – пожароопасный период, а сосновый лес, если вспыхнет, гореть будет от души. Так что формально мы нарушали закон. И не важно, что мы – профессиональные поджигатели, и способны предсказать и контролировать поведение огня. Огонь – такая штука, что в каких бы хороших отношениях ты с ним не был, он всегда будет искать способы выйти из под контроля. И однажды найдет.

Так что, в общем-то, причина, по которой к нам подошел один из работавших неподалеку могильщиков, была понятна мне сразу, как только он направился к нам.

Вы видели когда-нибудь, как выглядит мужик, всю свою сознательную жизнь копавший могилы? Протеиновые качки

отдыхают. Этот детина был огромен! Головы на полторы выше меня, и раза в два шире в плечах. И если я мог заглянуть ему в глаза хотя бы задрвав голову, то мой низкорослый брат – и вообще общался только с его солнечным сплетением.

Амбал со штыковой лопатой на плече направился к нам. Мы, увидев его, отложили в стороны наши орудия труда, вышли из дымного облака и приготовились беседовать.

– Молодые люди, костры потушите, пожалуйста! – вежливо и миролюбиво попросил нас могильщик. – На кладбище вообще костры жечь запрещено.

Сказано это было вполне тактично, без наездов и угроз. Я вообще давно заметил, что по-настоящему сильным и опасным людям угрозы, мат и разговоры на повышенных тонах как-то и не нужны.

Помню, в каком-то интервью у Валуева спросили: "Случалось ли вам разнимать драки?" "Да при мне как-то никто и не дерется..." – задумчиво ответил тяжеловес.

При этом могильщике драться тоже как-то совсем не хотелось. А с ним – и не представлялось возможным. Он выглядел как человек, способный голыми руками завязать березу в узел. Плюс на плече у него лежала штыковая лопата. В сочетании с лопатой мужик выглядел так, как будто он – боевая машина, заточенная под уничтожение неприятельской бронетехники и низколетящих самолетов.

Много лет спустя, когда я писал "Усатую девственницу Катю", своего Ведьмака я рисовал именно с этого могильщи-

ка с Заельцовского кладбища.

Еще раз акцентирую ваше внимание на том, что парень был предельно вежлив и корректен. Он просто вежливо попросил нас потушить костры, хотя по факту имел полное право (и имел такую возможность) донести нас за шкурки до администрации кладбища, где на нас бы составили протокол приехавшие полицейские (которые тогда еще были милиционерами).

Я только открыл было рот, чтобы сказать: "Да, сейчас все потушим, без проблем!", когда мой брат выдал куда более короткую, но чрезвычайно емкую тираду, смысл которой сводился к прямопротивоположному.

– Слышь, на, ты это, мля. Пох, на! – еще пару секунд он подумал, а затем выдал свой главный аргумент, – Йопта!

Глаза могильщика сузились. У меня сузилось кое-что другое. Я бы сказал: сжалось.

– Дорогой мой, я тебе внятно говорю, КОСТРЫ ПОТУШИ! – сказал амбал, делая к Женьке шаг.

Тот в ответ сделал шаг к нему и в лучших традициях петушиных боев попытался толкнуть противника грудью. Доминируй, властвуй, унижай! Правда очень сложно толкать противника грудью, когда твой живот идет существенно впереди груди, а вот широкая грудь соперника находится примерно на уровне твоего лица. В общем, Женька толкнул могильщика пузом куда-то в область талии. Сказать, что выглядело это угрожающе, значит допустить 9 ошибок в слове "глупо".

Второй такой же могильщик, рывшийся в могиле в полусотне метров от нас, озадаченно поглядывал в нашу сторону. Кажется, подобная картина была для него в диковинку, поэтому он забросил работу и теперь с интересом всматривался в происходящее.

– Ты не понимаешь, да? – спросил наш могильщик.

– Ты чо, на? В натуре, на? Бля, на? – гнул свою линию Женька. И я понял, что надо что-то делать. Потому что сейчас амбал разрубит Женьку пополам лопатой, или проломит ему голову ударом кулака, а потом с сожалением посмотрит на меня и скажет: "ТЫ вроде ничего так. Не debil, как этот. Ничего против тебя не имею, так что извини, но ты – свидетель!" И никто нас не найдет, потому что выкопать могилу на метр глубже, чем заказано, для этих ребят – вопрос 10 минут.

– Щас мы все потушим! – сказал я, кладя Женьке руку на плечо.

– Потушим, на? В натуре, на? Йопта, мля? Да я его, на!

– Успокойся! – сказал я.

– Я спокоен, на! Йопта, мля! Щас я его, на! На британский флаг, на!

Я понял, что меня не слышат, и перешел на понятный брату язык.

– Хер те в рот, на! Заткнись, на! Кончай базар, на! Туши, на!

Женька затих и пошел затапывать костер.

– Все нормально? – спросил меня могильщик.

– Вполне! – ответил я.

– Ну правда, нельзя по весне тут костры жечь. Листвы много... Сам понимаешь! – с извиняющимися нотками в голосе сказал детина, и ушел.

Потушив костры, Женька занялся любимым делом. Принялся ворчать на меня.

– Ты за меня даже не впрягся!

– Я тебе жизнь спас, идиот!

– Да мы б его вдвоем...

– Жень, ты ему в прыжке по морде не попадешь. А он тебя с одного удара в землю по колено загонит! К тому же, просто пойми, он прав был.

– С хера ли прав? Хочу и жгу, на! Мы бы вместе его запинали!

– Брат, ты нормальный вообще? Он в плечах, как я высоту! И на случай, если ты не заметил, там поодаль второй ТАКОЙ ЖЕ могилу рыл! И пойми, наконец, ОН БЫЛ ПРАВ! Он нам по делу замечание сделал!

Женька дулся на меня всю дорогу до дома. Причитал, что не повезло ему с братом, который за него даже впрячься не может, чтобы какому-то дебилу кладбищенскому показать, как с людьми разговаривать надо!

– Жень, ты вообще чувствуешь разницу между понятиями "героически погибнуть за правое дело" и "быть отмудованным могильщиком из-за своей наглости"?

Нет, разницы он не чувствовал. Для него мудаком был могильщик, который его несправедливо обидел, и вообще посмел на него наехать.

История это произошла давным-давно, и уже успела подзабыться. Но тут случился новый, 2019 год, и в первых числах января приехал я в гости к маме.

– Тебе Женька не звонил? Не рассказывал?

– Нет. А что он должен был рассказать?

– Избили его вечером 31-го. Зубы выбили.

– Ого! Отморозки какие-нибудь?

Райончик у него – не приведи господь. С наступлением темноты лучше без дробовика, или кавказской овчарки из дома не выходить.

– Да не. Он вышел вечером петарды повзрывать. Ну и кинул в сторону мужика с собачкой. А собачки, ты знаешь, некоторые как автомобиль стоят. Ну хозяин собачки на него и накинул.

В самом деле дикий район... Женька, конечно, тоже молодец, чего в людей петарду-то кидать? Но он у меня вроде балбес, но не до такой же степени, чтобы специально это делать? Не заметил, наверное... А мужик – явный неадекват. Человека избить из-за взрыва петарды...

Но что-то в этой истории не давало мне покоя. Интуиция подсказывала, что скорее всего все было немного иначе...

Вечером позвонил я брату.

– Здорово, ночная фурия!

– Чо?

– Ах да, ты ж наверняка "Как приручить дракона" не видел. Ну и пофигу, я теперь тебя беззубиком звать буду!

– А, на. Ты об этом, на...

– Ну, рассказывай! Как новый год отметил? Что случилось?

– Да побили меня маленько, на. Гандон один, на... Я петарды повзрывать вышел, на... Ну а там мужик с собакой гулял, на. Я его не заметил, на... У него собака испугалась, на...

– И что? Он вот так взял и на тебя накинулся, что ли?

– Да нет, на... Он пальцем у виска покрутил... Ну а мне это не понравилось. И я пошел разбираться.

– Разобрался?

– Разобрался... – Тяжело вздохнул Женька.

Интересно, хоть после этой истории он что-то понял?

Так-то ведь хороший человек. Но дурак, прости, Господи...

16. Юлины потери

Юля потерялась в московском метро сразу и навсегда. Когда с одной станции можно уехать не в два направления, а в четыре, потому что по ней проходят поезда ДВУХ веток, а не одной, и когда с одной станции можно перейти на ТРИ другие ветки, вместо привычной одной в Новосибирске – поте-

ряться не мудрено. В первый день в метро терялся и я. Потом – освоился, привык, и довольно лихо скакал с ветки на ветку, во многом благодаря "Метру" Глуховского.

– Значит что, спускаемся сейчас под землю на Полисе, потом через Коммунистов и Четвертый Рейх пересаживаемся на Ганзу, и домой?

Глуховский – лучший навигатор по столичной подземке, без вариантов.

Но Юля Глуховского не читала, поэтому Юля терялась. Мы только один раз разделились, потому что я поехал на работу, а Юля должна была встретиться с Геной на Ганзе. И Юля потерялась! Начисто!

У меня где-то даже есть стори, в котором Юля, уставшая слушать "Песню про ежика" в моем исполнении, говорит, что хочет меня убить, но останавливает ее то, что без меня она из Москвы точно не выберется.

И я в этом не сомневался, потому что когда мы проходили предполетный контроль в "Толмачево", еще только вылетая из Новосибирска, в ходе проверки Юля потеряла свой посадочный талон.

Это было эпично... Мы разделились буквально на пару минут. Я прошел через одну рамку, Юля – через другую. Я стою, раскладываю вещи по карманам, Юля смотрит на мой посадочный и испуганным голосом говорит: "А где мой?"

Нашли... Но уже тогда я понял, что оставлять Юлю одну – чревато. Но вернемся в Москву!

В один из дней Юля собиралась встретиться с подругой на Арбате, и полагала, что мы с Геной ее проводим, оставим там, а сами уйдем напиваться с ближайший бар. Но вместо этого мы с Геной ушли в ёжикафе, тискать ежежиков, и намертво там застряли с милыми зверушками. И Юля решила бросить нас на съедение этим созданиям, и поехать на Арбат сама.

Нет, Юля не заблудилась. Юля добралась нормально, и даже отправила мне в "Вотсап" голосовое, убедившее меня в том, что она не только отлично ориентируется в Москве, но и не теряет чувства юмора.

– Кирилл, я заблудилась в метро, уехала куда-то не туда, вышла на площадь трех вокзалов, и... В общем, я купила билеты в Питер. Психанула! Ах да, у меня же ключи от квартиры... Как бы мне их тебе передать, а? Знаешь... Догоняй!

Больше всего в этой истории обалдела Юлина подруга, ждавшая е на Арбате.

– Юля, привет! А где твои спутники? Ты же вроде с двумя парнями путешествуешь?

– А они ежежиков гладят...

Я отчетливо представляю эпическое полотно, которое нарисовало ее воображение. Думаю, она назвала эту картину "Два лося и ёжики!"

Парой дней позже, на 9 мая, мы умчались за 200 километров от Москвы, в Дубосеково, на место боя 28 Панфиловцев. И вот приезжаем мы обратно, выходим на станции из

электропоезда, подходим к турникетам, достаем свои билеты, чтобы через эти турникеты пройти, и...

– Кирилл, а я билет выкинула!

– Ха-ха, – говорю я, не оборачиваясь. Нет, мне действительно нравится Юлино чувство юмора. С поездкой в Питер шутка была отличная, и сейчас она удачно шутит. Ну кто ж выкидывает билеты, еще не выйдя со станции? Да ну нафиг, не бывает такого.

Знал бы я, что она потеряет на следующий день...

Гена проходит через турникет. С третьей попытки турникет выпускает и меня, долго не желая считать штрих-код билета. Оборачиваюсь – Юля стоит.

– Ну?

– Кирилл, я правда билет выкинула!

– Ха-ха. Отлично пошутила, я даже почти поверил. Проходи уже!

– Я серьезно!

Вызвали. Сбегали до кассы, купили билет до соседней станции, открыли им турникет под дружный смех контроллеров, и забрали нашу горе-путешественницу, прочтя ей лекцию о правилах проезда в электричках.

Ну и поржали, конечно. От души.

Если бы мы знали, что Юля отчебучит на следующий день... Если бы мы знали...

Мы пошли в Кремль!

Ах, как прекрасен Кремль изнутри. Великолепный архи-

тектурный ансамбль: Колокольня Ивана Великого, Архангельский, Благовещенский и Успенский соборы (последнему, кстати, чуть более 500 лет, и это самое старое полностью сохранившееся здание Москвы), Кремлевский дворец, и чудесный, ухоженный сад, в котором хочется провести целый день, просто слушая пение птиц и любуясь цветами!

Мы и любовались! Юля металась по Соборной площади с фотоаппаратом, выбирая ракурсы и фотографируя окружающую красоту, а мы с Геной в это время решили получить одну важную ачивку. Покурить на территории Кремля!

Это простой курильщик не задумывается, где он курит. А курильщик творческий – задумывается и еще как. Покурить в неординарных местах – это важная ачивка. Правда ее получению сейчас активно мешает антитабачный закон. А законы мы уважаем...

Мне доводилось курить в дождь и в снег, на трубах тепло-трассы и под ними, на летном поле аэропорта, возле танка и возле пожарной машины. С пожарными, собственно. С кем курить – это тоже коллекция ачивок, но сейчас не о ней.

В свой прошлый визит в Москву мы с ним получили ачивку "Самый глубокий перекур". 65 метров под землей. Абсолютно легально покурили, между прочим. В этот – захотелось чего-то совсем уж особенного. Но совсем на нелегальное положение переходить не хотелось, мы ж законы уважаем. Да и Кремль все-таки. Тут с нами церемониться не будут...

Самый простой способ узнать, где тут получить ачивку – спросить у представителя власти, что мы и сделали, едва за-видев первого попавшегося полицейского.

– Уважаемый, скажите, пожалуйста, тут где-нибудь можно курить?

– Нет, конечно! Вы что! Кремль же! Хотя... Знаете... Вот туда за угол зайдите!

В этом – вся Россия, между прочим.

Втиснулись мы, значит, в уголок между Благовещенским собором и Большим Кремлевским Дворцом, и получили вожделенную ачивку.

Покурили, вышли, нашли Юлю, рассказали о своем достижении, и тут Юля задала вопрос, от которого у меня сердце пропустило не один удар, а целых три.

– А где мой рюкзак?

Я смотрю на нее, и понимаю, что не шутит она. Вот ни разу не шутит, как тогда, на выходе со станции. А ситуация-то сейчас посерьезнее будет! Во-первых – в рюкзаке уйма всего, включая и деньги. А во-вторых, Юля забыла рюкзак не где-нибудь, а где-то на территории Кремля.

Сколько раз вы читали новости о торговом центре, эвакуированном из-за подозрительной сумки? А теперь представьте, какие меры безопасности в Кремле?

– Где ты его в последний раз видела?

– Мы вошли через Кутафью башню. Я снимала рюкзак на досмотре. Потом помню, что надела... Потом мы шли...

Шли... Я фотографировала... Потом мы сидели на лавочке... НА ЛАВОЧКЕ!

Юля стартовала к вожаденной лавочке со скоростью взлетающей ракеты "Тополь-М". Мы с Геной, протормозив секунду, ломанулись за ней, по дороге перебирая варианты. нас посадят как соучастников, или просто изобьют мешками с песком?

– Первый вопрос, который Юле зададут после задержания, это: "Вы одна, или с сообщниками?"

– И она нас, естественно, тут же сдаст.

– Ага. "Я тут с двумя мужиками!" – "А где они?" – "Возле Кремлевского Дворца. Курят!" – "Ах, они еще и курят???"
Задержать!"

– Ага, а потом начнут допрашивать нас. Мы же тоже сразу расколемся. "Кто разрешил курить в святая-святых нашей необъятной родины?" А мы такие: "А вот тот полицейский!" И он сразу в отказ: "Да меня тут вообще быть не должно, у меня сегодня выходной! Меня товарищ полковник сегодня на дежурство отправил вместо своего сына!"

– Тут же найдут и полковника! Прижучат! Короче, шас из-за нас вся кремлевская охрана с постов послетает!

– Ага. И вся кремлевская охрана потом будет нас весело и с огоньком бить ногами.

– М-да... Ищем Юлю, пока она еще чего-нибудь не натворила.

– Ищем Юлю!

Юлю мы потеряли из виду уже через пару секунд, так быстро она помчалась за своим рюкзаком. Спустя несколько минут мы примчались к нужной лавочке, и... И никого! Ни Юли, ни рюкзака.

– Я же путь срезал! – оправдывался Гена, – Я должен был раньше нее прийти!

– А я прямо за ней шел! – недоумевал я, – Куда Юля делась-то?

– И рюкзака нет. Это плохо.

– И ОМОНа нет. Это хорошо.

С минуту мы стояли возле лавочки, озираясь по сторонам, пытаюсь понять, куда делась наша спутница. Минуту, или даже две! Я это к тому рассказываю, чтоб вы поняли, что поговорка "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты" – верна. Потому что Юля все это время стояла в трех метрах от нас, напротив пятерых широкоплечих мужиков в пиджаках, характерно так оттопыренных с правой стороны, около бедра.

Один из охранников держал в руке Юлин рюкзак, и все то время, что мы ее искали, доходчиво объяснял Юле, кто она такая, и почему она совершила ошибку, родившись на свет.

Когда мы наконец-то заметили происходящее, и подошли, встав за Юлиной спиной, мы услышали только финал этого содержательного разговора.

– Вы понимаете, что ОМОН уже выехал? Понимаете, что еще минута, и я объявил бы эвакуацию всей территории Кремля?

Юля сосредоточенно кивала, не поднимая глаз.

– Вы понимаете, что вертолет для эвакуации президента, через минуту подняли бы в воздух?

Юля снова кивнула несколько раз. Кажется 8 или 11 за одну секунду.

Суровый дядька в пиджаке соизволил-таки заметить нас.

– А вы кто такие?

– Это наша подруга!

– Свободны! – сказал он, обращаясь к нам всем, и протягивая Юле рюкзак. – А вы, дамочка, повнимательнее!

Несколько шагов мы прошли молча.

– По-моему нам надо еще покурить... – сказал я.

– Опять за угол? – предложил Гена.

– А пойдем вон туда! Видишь пустую лавочку в саду? Вот на ней и покурим. И успокоимся...

– А если...

– А что нам терять-то уже? Юлю уже по-любому пробили по всем базам. Ни в одной не нашли, и во все занесли. Заодно пробили и нас. Распознали лица, установили фамилии, наши наши личные дела. По-любому в службе безопасности уже известно, что на территорию Кремля пробрался Кудряшов, в 2001-м году задержанный при попытке угона вертолета, с двумя сообщниками...

– А ты пытался угнать вертолет?

– Как щас помню, – начал я, прикуривая сигарету, – шел две тысячи первый год. Небо в тот день было высоким и

pronзительно синим...

17. Два нокаута

Захотелось мне как-то получить по морде.

Нет, не так. Тут надо с другой стороны зайти, чтобы я с самого начала истории идиотом не выглядел.

Захотелось мне как-то спортом заняться. Чтоб подкачать-ся, координацию улучшить, да и вообще, разогнать немного кровь по организму, а то сидячая работа стала плавно перетекать в сидячий образ жизни. А это не есть хорошо.

Выбрать хотелось такой спорт, чтобы еще и вместе с сыном заниматься. Чтоб и Стасу это на пользу шло. И тут как раз возле дома обнаружился тренажерный зал, в котором есть боксерский клуб. И как раз занятия одновременно для детей любого возраста, и для взрослых.

Так мы с мелким и пошли на пробную тренировку. Света нас перекрестила, скорбно склонила голову, и закрыла за нами дверь.

А мы – пошли.

Пришли, переоделись, вошли в зал. Народу в нем было... Еще человек так шесть кроме нас. Стас, конечно, тут же заинтересовался мешками, но познакомиться с ними поближе не успел. Пришел тренер. Я ожидал какого-нибудь вступительного слова, вопросов "Есть ли новички?" и т.д. Но вступительное слово было очень коротким.

– Для всех новеньких: я – Артем. Побежали!

На секунду мне подумалось, что "Побежали" – это фамилия. Но нет, оказалось, что это команда. И мы побежали по кругу.

Последний раз я бегал 5 лет назад. В тренажерном зале, на беговой дорожке.

До того я бегал еще лет двадцать назад. О пятерых гопников, которые решили, что мои деньги им нужнее, чем мне. Гопники такой прыти не ожидали, и отстали. А вот Артем – не отставал.

Я это все к чему рассказываю: чтобы вы поняли мой уровень спортивной подготовки. Как у кунг-фу Панды в начале мультфильма. Нулевой уровень. На пятой минуте разминки, я уже откровенно жалел, что пришел заниматься боксом. Мои внутренние органы слали телеграммы мозгу, в которых настойчиво просили перестать их нещадно эксплуатировать. Радовалась только печень, потому что в отличие от остальных органов она в этот вечер отдыхала, что случалось с ней не так часто. Впрочем, печень еще не знала, что вскоре ее будут бить, потому и радовалась.

После бега была растяжка, на которой Артем сразу и безоговорочно заслужил мое уважение. Нет, не тем, что будучи плотным коренастым лосем он гнулся как профессиональный йог. А тем, что не ржал над моими попытками гнуться и тянуться. Даже в те моменты, когда сам над собой ржал я.

Наконец-то разминка закончилась. Некоторые участники

тренировки принялись бинтовать кисти перед основной тренировкой, ну а остальные – повалились на пол там, где стояли. Отдыхать...

Естественно, мой Стас, как всегда полный энергии и идиотизма, нифига не устал, и пошел знакомиться с девушками и окружающей обстановкой. Поскольку девушек было всего две, и общаться с Мелким они не могли чисто физически, потому сидели в углу и пытались восстановить дыхание, ребенок быстро потерял к ним интерес и стал живо интересоваться мешками.

Тут-то это и случилось. Первый нокаут.

Увидев, как кто-то из пацанов постарше, лупит по пешку кулаком, Стас решил попробовать сделать то же самое. И толкнул здоровенный боксерский мешок, который весит как два меня, двумя руками. Сильно толкнул, да еще и потерял при этом равновесие, и сделал шаг вперед.

Ну а мешок, согласно всем законам физики, полетел обратно...

Соотношение масс было явно не в пользу Стаса. Мешок превосходил его по моменту импульса порядка так на два...

Я, увидев неотвратимо надвигающуюся катастрофу, дернулся было спасти ребенка, но понял, что все равно не успею даже встать на ноги. А скорее всего – и встать-то не смогу, потому что после разминки ноги меня откровенно не держали. Поэтому за ту секунду, что оставалась до соприкосновения мешка с физиономией Стаса, я, кажется, два-

жды успел прочесть "Отче наш". Больше сделать я ничего не мог... Молился я, кстати, не за Стаса. Потому что, во-первых – сам виноват, а во-вторых – дорогу в травму мы уже знаем. Это после сломанного дверью пальца – любимая сказка ребенка. Когда он дома слишком разбесится, и я рычу на него, чтобы он перестал, пока не сломал себе что-нибудь, Мелкий неизменно отвечает: "Да ничего страшного, дорогу в травму мы уже знаем!"

Молился я за себя. Потому что Света, если я принесу ей после первого же визита на бокс поломанного ребенка, убивать меня будет медленно. Скорее всего ложкой...

Впрочем, на этот счет у меня тоже есть прекрасная отговорка. "Ну что ты переживаешь? У нас скоро еще один родится!"

Столкновение мешка со Стасом было подобно столкновению "Сапсана" с тряпичной куклой. Ребенка унесло! У него аж ноги от земли оторвались... Увидев это, я просто закрыл глаза, и за то время, пока Стас летел, еще дважды успел помолиться.

Шмяк.

Прошло секунды две... Я открыл глаза. Стас лежал, Артем стоял над ним. Кто-то из девушек прокомментировал: "Нокаут!"

– Жив? – спросил он.

– Хи-хи! – сказал Стас, поднимаясь.

– Больше так не делай! – велел тренер.

Я выдохнул... Кажется, ребенок цел, а я – буду жить.

К концу тренировки я, не смотря на боксерские перчатки, сбил в кровь кулаки. Слишком уж увлеченно я колотил по мешкам, отрабатывая удары. Когда Артем, наконец, разрешил перчатки снять, я ликовал: пора домой. Но нет. Если в начале тренировки идет разминка, то в конце – что? Заминка?

Заминка меня замяла окончательно. И, похоже, от усталости у меня окончательно отключился мозг, потому что объяснить мои действия чем-то еще я не могу.

Когда все разошлись, я подошел к тренеру...

– Слушай, Артем... Можно короткий спарринг?

– А тебе зачем? – осторожно спросил тот.

– Ну, просто... Попробовать. Интересно, чего я стою против профессионального боксера.

– Ты же уже знаешь ответ.

– Знаю. Но хочу попробовать. На практике, так сказать. Ну так что? Короткий спарринг?

– Ты же понимаешь, что спарринг будет реально коротким?

– Ага.

– Ну, тогда... Очки – снимай. Перчатки – надевай. В стойку!

Дальнейшее помню смутно. Кажется, удар в лицо я заблокировать успел, а вот стремительный удар в солнечное сплетение я не успел даже заметить. Зато успел почувствовать...

Дышать резко стало нечем, перед глазами поплыли оранжевые круги, а ноги решили, что раз тело погребло, то нет больше смысла держать его в вертикальном положении.

Один из оранжевых кругов медленно трансформировался в лицо склонившегося надо мной тренера.

– Два. Три. Четыре... – считало лицо.

– Я еще здесь! – сказал я, хотя сам в этом уверен не был.

На счет "девять" ко мне протянулась рука.

– Доволен? – спросил тренер, ставя меня на ноги.

– Нет, – сказал я, и, подумав, добавил: – Да!

– Тогда до новых встреч!

18. Еврейское молоко

Больше, чем знакомиться с культурой других наций я люблю знакомиться только с кухнями других наций. Проще говоря, я очень люблю пожрать. Жена, правда, часто мстительно добавляет, что больше, чем знакомиться с кухнями других наций я люблю знакомиться с девушками, вне зависимости от национальности. Но это уже поклеп. Пожрать я люблю больше, чем женщин.

С недавних пор, случайно забредя в синагогу в Томске, я очень заинтересовался еврейской культурой. До сих пор меня в этой жизни интересовал только один еврей. См. мою историю про этого самого еврея. И интересовал он меня только в те моменты, когда приходил к нам в офис. И только в

контексте: "Когда он уже уйдет-то, а?"

А тут, гуляя по Томску, мы с Настей решили зайти в синагогу. Нет, я понимаю, что синагога, в отличие от христианских храмов и мусульманских мечетей, не священна. Синагога – не храм. Единственный иудейский храм был разрушен вскоре после распятия Христа, и заново пока не отстроен. Синагога – место для молитв, и центр религиозной жизни общины. Этим и объясняется то, что на заднем дворе синагоги стоял мангал, а в ней самой обнаружился спортзал, компьютерный класс, настольный теннис и кикер. Но мы тогда, не зная всех тонкостей статуса синагоги, порядком обалдели от объявления: "КАФЕ НЕ РАБОТАЕТ!"

Нас ошарашило не то, что оно не работает, а то, что оно в принципе есть! Кафе! При религиозном учреждении! Представить себе православный храм, в подвале которого есть кафе, мы не могли.

Как выяснилось, почитав про еврейскую культуру и отличия синагоги от храма, я узнал далеко не все тонкости иудейской культуры... А зря...

Гуляя по Москве мы с моими спутниками порядком оголодали. Гена привычно предложил поехать в "Бургер Кинг". Юля привычно стала ворчать, что есть эту дрянь она уже не может. Я, прислушавшись к желудку, пришел к выводу, что пора бы действительно немного разнообразить наше меню, состоявшее из бургеров, картошки фри и пицц, и предложил:

– А пойдёмте в синагогу? Тут, неподалеку.

– А пожарать? – спросил практичный Гена.

– Вот там и пожрем.

– В синагоге?!!

– Именно! В кафе при синагоге подают строго кошерные блюда. Вот заодно и познакомимся с еврейской кухней... Потому что дегустационный опыт – что? Превыше всего!

Гена тут же позвонил знакомому еврею с вопросом: "Где в Москве поесть кошерно?" И, о чудо, еврей посоветовал как раз ту синагогу, в которую я хотел вести друзей.

Мы пошли.

Мы пришли.

Московская хоральная синагога расположена в уютном старом квартале, неподалеку от Китай-города. Внушительное здание с колоннами, на ступенях которого курил одинокий еврей.

– Простите, а где здесь кафе? – спросили мы.

– А вам мясное или молочное?

Меня ничего не насторожило. Вот вообще ничего. Ну есть кафе мясное, а есть – молочное. Нормально. В молочном, наверное, коктейли подают?

Моих спутников тоже не насторожило ничего. Потому что они, блин, ЗНАЛИ про разделение мясной и молочной кухни! Но мне не сказали, потому что "ЭТО ЖЕ, БЛИН, ОЧЕВИДНО! ЭТО ВСЕ ЗНАЮТ!"

Я – не знал.

Естественно, мы пошли в мясное кафе.

Кафе больше походило на ресторан. Просторный зал, высокий потолок, штуки три посетителя, естественно все – евреи, столы с уже разложенными столовыми приборами. Мы пришли, сели. Чувствовали мы себя, как Слава из "О чем говорят мужчины", пришедший в ресторан, где подают дефлопе с крутоном! Посетители провожали нас хмурыми взглядами, в воздухе висел какой-то незнакомый запах, и ощущение, что есть здесь будем не мы. Что есть здесь будут нас.

Спустя минут пять ожидания, из ниоткуда нарисовался официант. Естественно, тоже еврей. Русскими в этом кафе были только мы.

– В меню – только курица, – вместо приветствия сказал он.

– Хорошо, курица нас устроит. В каком она у вас виде?

Задав этот вопрос, я испугался, что официант сейчас сверкнет на меня глазами, и ответит: "В мертвом!"

– Могу предложить шашлык из курицы.

– Отлично, – обменявшись с друзьями взглядами, я заказал три шашлыка, – только курица? Больше совсем ничего? Может у вас есть форшмак?

– Конечно у нас есть форшмак!

Я подавил в себе желание спросить: "А как это укладывается в ваше "Только курица"?", и форшмак мы тоже заказали.

– А пить что будете?

И вот тут я совершил ошибку. Нет, я не попросил в синагоге водки. Я даже пива не попросил. Я не алкоголик, как многие думают.

– Чаю, пожалуйста. Черного. С молоком.

Судя по звуку, Гена попытался пнуть меня под столом ногой. Но не попал. Или, может, попал, но в официанта? Возможно, лицо у официанта вытянулось именно от Гениного пинка. Впрочем, более вероятно, что у Гены, который еще до прихода официанта предлагал отсюда валить, пока нас самих тут кошерно не порезали, от страха начались судороги.

Я же ничего не боялся. Я же не понимал, что я несу... На случай, если вы, дорогие мои читатели, также "хорошо" знакомы с еврейской кухней как я, поясню: мясная и молочная кухня разделены не зря. Употреблять в одной трапезе мясные и молочные продукты – не кошерно. Нельзя! Табу! После того, как вы ели мясо, молочные продукты можно употреблять только спустя несколько часов!

Хмурое лицо официанта, не разжимая губ, ответило мне:

– Хорошо. Но вы же понимаете, что молоко будет соевым?

– Не, соевое молоко – это фу! – беззаботно продолжил я, –

А с нормальным – можно?

На столе зазвенели ножи. Это или дрожал от страха скорой смерти Гена, или ненависть официанта грозила выплеснуться в виде телекинеза.

– Это кафе мясной кухни! – сказал официант. С таким выражением лица, как у него, скандинавские берсерки бро-

сались в атаку.

– Да это мы поняли, но почему у вас молока-то нет?

Что-то скрипнуло. Возможно – ножки стула Гены, который в этот момент уже раздумывал, не будет ли безопаснее выпрыгнуть в окно, раньше, чем вся синагога сбежит нас бить. Возможно – зубы официанта.

Справа от меня что-то сказала Юля. Тоже не разжимая губ. Сказала что-то на паруселтанге... И откуда она его знает вообще? Ничего из ее шипения я не понял, но понял, что чай с молоком мне не светит. Фиг знает, почему, но не светит. Еврейская кухня – она странная.

– Хорошо, значит просто черного чая, – сказал я.

– Извините! – сказал Гена.

Это было не то "Извините", с которого обычно начинают "Извините, но мне бы тоже хотелось с молоком". Это было другое "Извините", которое мне довелось слышать всего раз.

Мне было 12 лет. Моему другу детства Олегу – 10. Мы гуляли по нашему гетто, бежали вприпрыжку, и, выбежав из-за угла дома, пошли на обгон женщины с пакетом в руке и пятилетней дочкой поодаль. Олег несся по внешнему радиусу. Я – по внутреннему. И так получилось, что я проскакивал как раз между женщиной и девочкой.

Зимой.

По гололеду.

Меня занесло так, что Вин Дизель в "Форсаже" остановился бы и нервно закурил. Пытаясь сохранить равновесие,

я выбросил в сторону руку, но... В общем, "но" – было, а равновесия – не было. С боевым кличем "Гребаный гололед" я подсек девочку, одновременно выбив рукой пакет из рук женщины. Я грохнулся на лед, девочка – на меня, а пакет, совершив пару кульбитов в воздухе, раскидал вокруг все, что в нем было.

Картина маслом: лежу я, лежит девочка, стоит абсолютно охреневшая ее мама, а вокруг – колбаса, апельсины, яблоки и помидоры! Натюрморт, блин! Полцарства за мольберт и краски! И за шипованную подошву.

И вот тогда Олег сказал:

– Извините!

Вот точно такое же "Извините", какое Гена произнес в синагоге.

Как вы понимаете, раз я сейчас пишу эти строки, нас все-таки накормили, и убивать не стали. Причем накормили очень вкусно. Форшмак в синагоге – это прекрасно. Зайду еще, пожалуй... Кто со мной в Новосибирскую синагогу? Я обещаю не требовать там молока.

Ну а едва выйдя из синагоги, мы вкусили еще и вина, которое помогли открыть пяти красивым девушкам, с которыми я познакомился у местной стены плача. Но это уже совсем другая история...

19. Медицинские прогулы

Быть сыном медика – проклятье. Чихнул – грипп. Кашлянул – бронхит. Чихнул, кашлянул и температура поднялась до 37,2 – пневмония.

Говорят, медиков учат в институте сразу подозревать худшее, видимо, чтобы потом обрадоваться и приписать себе заслуги в лечении. Поэтому в детстве я всячески старался скрыть любое недомогание, чтобы меня не объявили умирающим медленной и мучительной смертью.

Много лет спустя мне, уже тридцатилетнему лосю, мама напророчила не только причину, но и дату смерти. 23 декабря 2013 года. Причем напророчила она это во время обеда, от чего я чуть не испортил ей пророчество, подавившись и едва не умерев прямо там.

– Чего это? – откашлявшись, сумел спросить я.

– Ну, 23-го же у вас корпоратив?

– Ну?

– В бане!

– И?

– Ты нажрешься!

– Всенепременно!

– Пойдешь париться!

– Естественно!

– А потом нырнешь в купель с ледяной водой!

– Разумеется! Ради этого все и затевалось!

– Ну и вот.

– Что "вот"?

– Сердце остановится!

Утром 24-го декабря я торжественно известил маму о том, что я живой. Хотя сам я себя живым не ощущал, ибо остальные ее пророчества сбылись полностью. Была и парилка, и купель, и приличная доза алкоголя.

– Это все благодаря мне! – заявила мама.

Снова кое-как откашлявшись, я поинтересовался, каким тут боком она-то замешана?

– Ну так я тебя предупредила, и ты был осторожен!

Пару дней спустя к маме в гости заехал Максим. В моем детстве Максим был классическим сыном маминой подружки. Максим все делал лучше меня! Лучше меня учился, играл в шахматы, занимался спортом, и даже раньше меня поступил в ВУЗ. Может быть, все дело было в том, что Максим был старше меня на год? Я в детстве об этом как-то не задумывался, ну а маму такие мелочи не интересовали.

Максим заехал не просто так, а за консультацией врача. Не в поликлинику же идти, в очередях стоять и драться с бабками за право войти к терапевту по талончику, потому что бабки устроили тут живую очередь?

– Татьяна Васильевна, я тут кашляю немного, но зато уже неделю. Температура поднималась до 37,5, ну и просто недомогание какое-то...

– ПНЕВМОНИЯ! – объявила мама.

Максим посерел.

– Какая пневмония? Откуда? У меня же просто легкий

кашель... Даже температура держалась всего два дня...

Кажется, мне удалось его немного успокоить, рассказав про свою несостоявшуюся смерть.

Думаю, вы понимаете, почему в детстве я старался маме ни о чем, связанном со здоровьем не рассказывать? Шишка на затылке обязательно была переломом основания черепа, простуда – пневмонией, а больное горло – ангиной с заглоточным абсцессом.

Но вот классу к восьмому, превратившись из старательного отличника в злостного раздолбая, я понял, что из этого можно извлечь и выгоду. Начать прогуливать школу официально, со справкой.

Чуть-чуть подогрел термометр на батарее, пока мама не видит – все, в школу можно не идти. Казалось бы, мама – она только мама, справку-то дает врач в поликлинике, а там украдкой уже термометр не подогреешь, но... После нескольких вызовов на дом наша участковая педиатр познакомилась с моей мамой, осознала ее напористость и непробиваемость, и решила просто не связываться. Потому что все визиты врача выглядели одинаково:

– У моего сына бронхит.

– Я вас умоляю, какой бронхит? Легкая простуда. Через пару дней будет как новенький! Щас выпишу лекарство...

– Нет! Бронхит! Не утруждайте себя, лечить сына все равно буду я. Я – врач. Поэтому просто выпишите справку для школы, а дальше – я разберусь.

Схема была простой: пожаловаться маме на недомога-ние, дождаться вызова врача на дом, получить официальное освобождение от уроков, и радоваться жизни. По факту мне далее симулировать перед врачом не приходилось. Подогрев термометра не требовался.

– Горло... Легкое покраснение.

– У него хронический фарингит!

– Температура – нормальная.

– Утром была 37,5.

– Ну ладно, допустим, она самопроизвольно упала...

– Это грипп!

– Помилуйте, какой грипп? Фарингит на стадии "Он сам сейчас пройдет!"

– А я сказала ГРИПП! Вы справку выпишите, и идите дальше, к тем, кому нужна ваша помощь. А тут я сама разберусь.

Вот только у этой схемы был один очевидный минус. Мама бросалась меня лечить. А лечиться от бронхита или пневмонии, пачками пожирая лекарства, мне не хотелось. Будучи типичным трудным подростком, выросшим в гетто, я попробовал алкоголь в 13 лет, и понимал, что печень мне еще потребуется, а бесконтрольно употребляемые лекарства могли посадить ее раньше времени.

И тогда я просто исключил маму из схемы.

Я вставал утром, завтракал, собирался в школу, и... И поднимался на этаж выше, где и ждал, пока мама не уйдет

на работу. После чего шел в поликлинику.

– Апчхи! – говорил я, едва перешагнув порог кабинета педиатра, – Здравствуйте, МарьяВанна, простыл я, кажись. С утра температура была 37,5. Вы мне справку выпишите, пожалуйста, а выпиской лекарств даже не заморачивайтесь. Все равно мама свои назначит...

– Эх, да... – говорила доктор, – в самом деле назначит. Иди сюда, послушаю тебя хоть...

– Мама уже послушала. Хрипы в легких...

– Ох, бедный ты бедный... – кажется, она имела в виду не мое состояние здоровья, – Вот тебе освобождение от школы. Через две недели приходи, закрою.

И я уходил. Валяться дома, смотреть телевизор, шарахаться с друзьями по улицам и делать много чего еще. Нужно было только каждое утро сделать вид, что я ухожу в школу, проводить маму на работу, и все! Я предоставлен сам себе.

Так я и проучился почти три четверти 9 класса. Две недели – в школе, две недели – на больничном. Схема работала как часы. Стоит ли удивляться тому, что девятый класс я закончил всего с одной четверкой? По труду! Все остальные оценки за год были тройками...

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Было начало марта, а начало марта в Сибири – это не весна, это всего лишь чуточку более теплая зима. Сугробы – по пояс, есть где поваляться, поиграть в снежки, побороться... Что мы частенько и делали, приходя домой и сами похожими на сугробы.

И вот после очередной недели "болезни" пошел я показаться к педиатру, дабы еще на недельку продлить больничный.

– Апчхи! – Здравствуйте, МарьВанна, – Кхе-кхе... Что-то знаете... Как-то паршиво мне... Вроде неделю дома провалялся, лекарства пил, ингаляции делал... Кхе-кхе... А толку нет. Температура вчера аж до 38,2 поднималась... Голова болит. Кхе-кхе! Кашель вот, зараза...

– Раздевайся! Давай-ка я тебя послушаю...

И, приложив фонендоскоп к моей спине, она принялась рассказывать медсестре историю...

– Знаешь, Дарья Васильевна, иду я вчера на вызов вечером, на Курчатова, 7/6. Дом такой, кирпичный, свечка. Там еще пустырь небольшой рядом, заснеженный такой, там под-ростки часто играют. Помнишь, мы там видели, как ребята снежную крепость строили? Ну так вот, темно уже, иду я на вызов, и вижу, в снегу на пустыре трое бесятся. Боролись они там, что ли... Двое поменьше, против одного покрупнее. Все в снегу, по самые уши! Разгоряченные настолько, что аж пар от них поднимается. Я остановилась посмотреть, может всерьез дерутся? Но вроде нет, просто бесятся... Ну и в общем, те двое, что помладше, товарища своего завалили все-таки. Один в ноги ему бросился, а второй – на шее повис. Завалили! Прямо лицом в снег. Хохочут все, довольные... Я уж дальше хотела идти, и тут вижу, упавший встает, да как гаркнет зычно, на весь массив: "Эй вы, козлы, куда пошли?"

Я с вами еще не закончил!"

Я аж дышать перестал, настолько красочно она описала мой вчерашний вечер. В "Бушидо" мы в сугробах играли. Мишка с Олегом в самом деле меня завалить никак не могли, сказывалась разница в весовых категориях, потому и боролись мы двое на одного. Кто упал – минус очко...

– Кирилл, ты дыши, дыши. Глубже. Я все пытаюсь хрипы у тебя в легких услышать, да все никак не получается. И знаешь, Дарья Васильевна, что самое интересное? Голос-то знакомый! Очень знакомый. Мы с тобой его каждые две недели слышим, только слабенький такой голосок, болезный, кашлем иногда прерывающийся. А тут – рык такой, на всю улицу... И снова в бой! Так что ты там, Кирилл, про температуру-то говорил? Поднималась она у тебя вчера? Сильно поднималась? Может и давление выросло, а?

– Намек понял, МарьВанна.

– Вот и хорошо, что понял. Выписываю я тебя. Завтра – в школу! Свободен!

Уже у двери меня догнал последний ее комментарий:

– А знаешь, ты самый хитрый симулянт в моей практике. Далеко пойдешь... Только смотри, дорожки не перепутай.

Так с громким треском рухнула самая хитрожопая схема в моей жизни. Остаток девятого класса в школу пришлось ходить.

20. Хрень на сетчатке

Я особенный. Я уникальный. Я удивительный.

Нет, не потому, что я такой обаятельный, талантливый и чудесный. Хотя, смею надеяться, эти факторы тоже присутствуют. Я особенный, потому что я – обладатель удивительного диагноза, которого нет ни у кого. По крайней мере в Новосибирске. Потому что уже с десяток врачей сказали мне, что не видели такого никогда.

Все началось лет в 18. Я лежал тогда в отделении неврологии. Мои сокамерники, то есть, простите сопалатники, заслуживают отдельной главы.

Дедушка лет 70-ти, который на старости лет решил получить высшее образование и стал ходить на пары в НГТУ вместе со студентами. Просто так, слушать лекции! И все у него было хорошо, пока не наступила зима, а вместе с зимой не пришел гололед. Дедушка упал со ступенек и ударился головой. Сотрясение. Неврология. Дедушка шутил, что к нам в палату его привела тяга к знаниям!

Мужчина лет 35, который в начале 90-х заработал бабла и уехал в германию, где и прожил 10 лет, тоскуя по Родине. В начале нулевых тоска достигла своего пика, и он приехал в родной Новосибирск. Думаете, он скучал по березам и снегу? По гололеду, который помешал дедушке тянуться к знаниям? Нет, просто в Германии нет таких красивых женщин! В Сибирь он приехал склеить себе какую-нибудь красотку. Первый же вечер: клуб, алкоголь, девушка, легкий флирт,

двухметровый муж, удар, сотрясение. Неврология.

Водитель-марковод. Тут история покороче: понты, дрифт, столб, вылет через лобовое стекло, сотрясение.

Угадайте, кто из всех троих сказал: "Больше никогда!""? Никто! Дедушка сказал, что будет учиться и дальше (молодец), марковод сказал, что научится дрифтовать так, что все бабы будут его, а герой-любовник сказал, что когда он выйдет из больницы, у него будет еще две недели отпуска, и он склеит себе пару женщин!

Так вот: невлология, плановые обследования, окулист, острота зрения ("Какую строчку вы видите?" – "А вы где вообще?"), глазное дно.

Вам смотрели когда-нибудь глазное дно?

В глаз закапывается какая-то дрянь, которая блокирует зрачку возможность сужаться. Глаз перестает фокусироваться, и вы превращаетесь в китайский фотоаппарат-мыльницу, у которой фокусное расстояние всегда одно и то же. Ближе 50 сантиметров все начинает расплываться. И вот в таком состоянии вам в глаз светят ярким светом, и внимательно разглядывают через линзу сетчатку. Нет ли дефектов, отслоений и прочего сифилиса.

И вот, сию я, положив подбородок на подставку, в глаз мне светит яркая лампа, а врач тщательно разглядывает мою сетчатку. Левый глаз у него вопросов не вызвал, а вот правый...

– Опаньки... А это что такое?

– А что это такое? – живо интересуюсь я. Меня это волнует куда больше доктора, это ж мой глаз. У меня и так зрение -5.

– Не пойму... Щас. Погодите-ка... Ну-ка... Хм... Странно... Никогда такого не видел! Иван Иванович, можно вас?

Подходит Иван Иванович.

– Что там у вас, Семен Семеныч?

– Вот!

– Ну-ка... Опа... Хм... Любопытно. Необычно...

– Уважаемые! – снова не выдерживаю я, – Да что там у меня такое?

– Что-то на сетчатке. Никогда такого не видел! Но вы не волнуйтесь! Любовь Владимировна! Подойдите, пожалуйста!

Мне в глаз заглядывает Любовь Владимировна. Свет уже начинает причинять вполне ощутимую физическую боль, зрачок-то не сужается. У меня перед глазами прыгают яркие пятна, в душе нарастает волнение, а врачи поочередно разглядывают что-то у меня на сетчатке, хмыкая и недоумевая.

– Необычно, однако...

– Очень необычно.

– Никогда такого не видел! Щас я Петра Петровича позову, ему тоже интересно будет!

– Да что там у меня такое?

– Не волнуйтесь, молодой человек, не волнуйтесь! Это не опасно.

– А что это?

– Эм... Мы не знаем. Хрень какая-то. Никогда такого не видел!

Приходит Петр Петрович. Черeda хмыканий и аханий повторяется. Петр Петрович, с которым все общаются почти-тельно, как со светилом науки, тоже признает, что видит нечто подобное моему глазу впервые в жизни.

– Ну хоть опишите это! – прошу я.

– У вас инородное тело на сетчатке.

"Рак!" – проносится в моей голове приговор.

– Но вы не волнуйтесь, это не похоже на опухоль. Скорее это похоже на родимое пятно. Но я видел родимые пятна на сетчатке, они выглядят иначе. У вас, простите мне мой французский, какая-то хрень. Что-нибудь необычное в работе глаз замечали?

– Кроме того, что из-за своего плохого зрения я однажды гнался за бензовозом, перепутав его с троллейбусом – нет.

– Ну, наверное, и не заметите. Оно маленькое.

– Оно?

– Она. Штуковина эта... Дайте я еще разок гляну, а? Никогда такого не видел.

Необычное началось лет через пять. У меня стало иногда пропадать зрение.

Сначала на правом глазу появляется маленькое слепое пятно. За долгие годы, что я живу с этим, я привык к особенности моих глаз, и при появлении слепого пятна начинаю

искать тихое место, где смогу переждать приступ.

Минут через 5 слепое пятно разрастается и начинает сить, превращаясь в яркое пятнище, занимающее примерно 80% поля зрения. Я вижу что-то только по краям, так что в принципе, если тихое место мне найти не удалось, я могу даже дойти до дома или работы. Некоторые друзья с этой моей особенностью сталкивались, и одной подруге даже довелось вести меня под ручку несколько кварталов, пока меня не отпустило.

Длится приступ порядка получаса. Сияющее пятно плавно уползает влево, и я постепенно начинаю снова видеть, пока зрение не нормализуется полностью. Я живу с этим. Я к этому привык. Я уже не обращаю на это внимание. Да и случается подобное довольно редко, раз в несколько месяцев, причем без какой-либо закономерности. Невыспавшийся я, или отдохнувший, на нервах, или абсолютно спокойный. Приступ приходит, оставляет меня на полчаса почти слепым, и спокойно уходит.

Не идти же с этим к врачу? Русский мужик вообще идет к врачу только если копьё в спине мешает спать. Ну, или попадает в неврологию если ему дал в морду двухметровый муж понравившейся девушки.

Однажды приступ накрыл меня, когда у нас гостила Маша. Маша – медик. Я готовил нам всем обед, и вдруг понял, что мне проблематично готовить жареную картошку, не видя этой самой картошки. Я убавил огонь до минимума, по-

просил Машу иногда его помешивать, а сам сел в уголок переждать приступ.

Естественно, Маша спросила, что со мной. Естественно, Маша всполошилась. Естественно, Маша всполошила и супругу.

– И часто это у тебя? И давно? Как это "последние лет 15"??? К врачу! К врачу срочно!

Особенно свирепствовала моя супруга, хронический гипертоник, которая стабильно раз в месяц на фоне резкого скачка давления, превращается в зомби, способного передвигаться только ползком, да и то от спальни до туалета. Я лет пять гнал ее к врачу, обследоваться, на что Света всегда отвечала: "Да нормально все, щас пройдет!" Зато я, видите ли, о здоровье не забочусь, хочу ее одну с ребенком на руках оставить!

Сама она пошла к врачу только после того, как я заявил ей, что сажусь на диету и иду в тренажерный зал.

– Чего это ты? – насторожилась супруга.

– Хочу быть красивым и подтянутым. Чтобы женщинам нравиться.

– Не поняла...

– Ну смотри: ты за здоровьем не следишь, давление у тебя скачет, ты по этому поводу ничего не предпринимаешь. Значит, помрешь скоро. А я что, один останусь? Нет уж, я себе новую женщину найду.

Подействовало. Пошла.

Ну а мои-то заморочки со зрением мне никак не угрожают. К тому же я был уверен, что связаны они исключительно с хренью на сетчатке. И если уж Петр Петрович, светило науки, понятие не имеет, что с этим делать – чего ждать от остальных?

Но под давлением жены и подруги – сдался, и записался к окулисту в поликлинику.

Вот почему если я иду к врачу, мне так везет на странных личностей вокруг?

Моя очередь приближалась. Собственно, еще минут пять, и в кабинет врача войду я. Но тут рядом материализовалась дама примерно моего возраста.

– Вы к окулисту? Можно я вперед вас пройду?

– Нет! У вас на сколько талон?

– У меня нет талона, мне срочно надо. Я глаз ножом порезала!

И она наклонилась ко мне, чтобы я в деталях мог рассмотреть рассеченную пополам роговицу. Сквозь разрез на меня таранился бегающий в панике зрачок, который, кажется, подумывал о том, а не совершить ли ему побег через этот разрез.

– Идите! – в ужасе замахал руками я, – Только глаз свой мне больше не показывайте!

– Спасибо!

Через минуту ожидания я не выдержал.

– Простите, а можно вопрос? Маленький такой вопрос...

КАК??? Как, в рот мне ноги, можно порезать ножом глаз?

– Взмахнула... – ответила девушка.

Наконец я дождался своей очереди. Описал окулисту проблему. Та покивала, и привычно капнула мне в глаз расширяющий зрачок препарат.

– Ну-с, посмотрим глазное дно... Хм... Действительно, вот оно. Любопытно... Необычно...

И снова уже знакомый мне набор хмыканий и удивленных возгласов.

Закончив осмотр, окулист задумчиво пожевала губу и сказала:

– Знаете, никогда такого не видела.

Был ли я удивлен? Да нифига.

– Оно маленькое, и сидит у вас на сетчатке. Похоже на родинку, но структура другая. Похоже на кисту, но на кисты я в своей жизни насмотрелась, у вас не киста.

– Так что это, доктор? – взмолился я.

– Хрень какая-то! – пожала плечами доктор.

– То есть ваш официальный диагноз – "хрень на сетчатке"?

– Ну, примерно так, – сказала она, выводя в карточке "Образование неизвестной этимологии". Хотя почерк у нее, как и у всего медика, был такой, что возможно она написала: "Симулянт, алкоголик, но глаза красивые!" Я не уверен.

Полученным диагнозом я поделился с женой. Та не удовлетворилась.

– Сходи в платный медицинский центр! Пусть тебя про-сканируют полностью!

Ладно, платный так платный. Записываюсь. Прохожу полную диагностику. Внутриглазное глазное давление – в норме, зрение – паршивое, но стабильно паршивое, ухудшения нет. Смотрим глазное дно!

За прошедшие 15 лет технологии шагнули далеко вперед. Ну, или просто у частного офтальмологического центра оборудование в разы лучше того, на котором осматривали меня в неврологии горбольницы. Принцип, правда, все тот же: расширить зрачок, и светить мне в глаз ярким фонариком, пока я не окосею.

И снова: "Хм... Надо же... Необычно..."

Пятнадцать минут меня вертели так и сяк. 15 минут офтальмолог вглядывалась в мой глаз, что точно также, как и все предыдущие, развести руками и сказать: "У вас какая-то хрень на сетчатке! Никогда такого не видела!"

– Доктор, скажите хотя бы, это может быть как-то связано с моими приступами слепоты?

– Понятия не имею. Теоретически – да. Но почему оно у вас периодами – не знаю. Я ж говорю, никогда такого не видела!

Так и живу. С какой-то хренью на сетчатке. Интересно, где у меня еще есть хрень? Ну, кроме как в жизни. В жизни у меня хрени много...

21. Причуды памяти

Я помню многое. Я в деталях помню старые советские комедии, с коллегой Аней мы разговариваем цитатами из "Ширли-Мырли". Я помню свой первый поцелуй, помню, как в 3 года разбил любимую мамину вазу. В памяти периодически всплывают яркие и подробные воспоминания из детства, куски фильмов, куски институтских конспектов. Но зато я не помню, что жена просила купить сегодня в магазине, и как зовут сына племянницы. Черт, имя сына вспомнил, а вот как зовут ее мужа?

Как звали актера, сыгравшего в 1995-м году императора Турхана в "Вавилоне 5"? Эпизодическая роль, на одну серию, но зато какая яркая... Помню отчетливо! Помню актрису из серии "Моль бледная" в "Улицах разбитых фонарей". Помню, в каком году Хелен Хант получила "Оскар", и помню ее роль в сериале "Швейцарские Робинзоны"... Помню, что Джон Ховард играл Серебряного Шипа в подростковом сериале "Девочка из завтра", хотя больше нигде этот Джон Ховард не сыграл, и в знаменитости так и не выбился.

Зачем я помню всю эту совершенно не нужную мне хрень, и почему я не могу запомнить, какое лекарство выписал мне терапевт? А запомнить было жизненно необходимо, потому что почерк у доктора такой, что разобрать рецепт не можем ни я, ни фармацевт.

У меня прекрасная память на всякую ерунду, которая со-

вершено не нужна мне в сторонке, если речь заходит о Наташе.

Наташа обладает всеми теми же характеристиками памяти, что и я, но умноженными на два. Наташа помнит кучу совершенно ненужной ей ерунды, в частности она, готов поспорить, до сих пор помнит имена самых ярких борцов федерации UWFI!

А теперь – подробности.

В конце 90-х бои UWFI крутили по телевидению под названием "Бушидо, путь воина". Комментировал все это дело незабвенный Николай Фоменко, который, после того, как у канала закончились права на показ "Бушидо", переключился на рестлинг.

UWFI была уникальной спортивной федерацией, в которой на ринге могли сойтись представители разных спортивных стилей и разной комплекции. Боксер против борца, мастер греко-римской борьбы против каратиста, сумоист против дзюдосита и так далее. Противники были минимально стеснены в правилах, поэтому поединки были весьма зрелищными, и главное, они были реальными, а не постановочными, как в рестлинге.

Это был первый вид спорта, трансляции которого я смотрел, и во время которых яростно и увлеченно болел за своих любимцев. Особенно за могучего Гарри Олбрайта! Ох, как я переживал, когда в бою за чемпионский пояс этот гигант уступил-таки Набухико Токаде... Уступил в тяжелом и чест-

ном бою, но все равно, Токаду я в тот момент просто ненавидел.

В середине нулевых я, уже повзрослевший и успевший, абсолютно случайно увидел своих любимцев по телевизору! "Бушидо" живо! Ура! Олбрайт все также на ринге! Надо смотреть!

Уже несколько месяцев спустя я узнал, что федерация мертва уже 10 лет, и более того, мертва она была уже тогда, когда я смотрел ее в детстве, а Олбрайт умер 7 лет назад. Умер на ринге от сердечного приступа. Но на тот момент я всего этого не знал, и искренне радовался тому, что могу снова болеть за своих любимцев!

Стоп! А как я буду за них болеть, если мы полгода назад сожгли телевизор в зимнем лесу? Телевизора у нас нет. Интернет – через dial-up. По нему серию Масыни-то закачать проблематично, не говоря уж о том, чтобы какие-то спортивные состязания смотреть. Ужас! Что делать?

Ответ напрашивался сам собой: ходить субботними утрами, когда по телевизору показывали "Бушидо", к Наташе, жившей этажом выше. У Наташи дома было два телевизора. Большой, в зале, и крошечный на кухне. На большой я не претендовал. Меня вполне устраивал маленький. Света с Наташкой усаживались в зале, вместе с Наташиной мамой, смотреть телевизор, или просто болтать, ну а я – уходил на кухню, смотреть новые (как мне тогда казалось) бои любимых спортсменов.

Но уже минут через 15 девушки подтягивались ко мне на кухню, привлеченные моими яростными криками. Я так подзреваю, им больше нравилось наблюдать за мной, чем за происходящим на экране.

– Бросай! Бросай! – орал я Володе Берковичу. – Ну чего ты, отличный же захват был! Эх, Володя, Володя...

– Ха! Суплекс! Так его, Гарри! Давай, еще раз, пока он не встал! – приветствовал я удачный бросок Олбрайта.

– Ногами работай! Ногами! – поддерживал я Киёши Тамуру, прекрасно понимая, что против непобедимого Токады шансов у него нет.

– ДААААА! – орал я на всю квартиру, и на две соседних, когда непревзойденный Виктор Зангиев выполнял свой коронный прием.

Зангиев, кстати, был прототипом персонажа по имени Красный Циклон в игре "Street fighter II". Вы вряд ли в нее играли, но вы точно видели его в "Ральфе" и "Ральфе против Интернета".

Света как-то пыталась добиться от меня ответа, что интересного в том, чтобы смотреть, как двое потных мужиков изощренно обнимаются и изгибаются на ринге в обтягивающем трико? Я объяснил, как мог.

– Вот смотри, дорогая... Ты же смотришь "Покемонов"?

– Ага.

– У каждого покемона своя история и свои способности, верно? Так и в "Бушидо". Каждый борец силен в чем-то сво-

ем. У каждого покемона есть коронный удар, и у каждого бойца в этом виде спорта – тоже. Возьмем Олбрайта. Ему достаточно выполнить один бросок через себя, и все, противника можно выносить с ринга. Казо Ямазаки... Длинные мощные ноги, которыми он мастерски орудует. Масахито Какихара... В "Бушидо" запрещены удары кулаком в лицо, поэтому Какихара наносит серию ударов раскрытой ладонью. Среди поклонников федерации есть даже термин "откакихарить". Если у него получается выполнить эту серию – как минимум противник в нокадауне. А может и в нокауте. Ёджи Анжо... Он выносливый! Его будут бросать, его будут бить, душить и ломать, но он выстоит. И после того, как противник выдохнется – Анжо перейдет в атаку. И конечно Такада. Он универсален. У него прекрасная ударная техника, и он великолепен в борьбе в партере. Человек без слабых мест. Терминатор. Выносливый, техничный и непобедимый.

После этого объяснения Света даже стала запоминать имена борцов и понимать, что именно происходит на ринге.

Но речь не об этом. Речь о Наташе...

Пару месяцев спустя, заглянув к нам в гости, она рассказала случившуюся с ней недавно историю.

– Познакомилась я тут с молодым человеком. Пара свиданий, кафе, прогулки, все здорово... И вот логическим завершением одной из прогулок становится приглашение к нему в гости. Родителей дома нет, красота, романтика. Заходим... Он мне: "Располагайся, вот, телевизор пока посмотри, а я

– в душ!" И "щелк" пультом. А там – какой-то спортивный канал. И два потных мужика в трико по рингу катаются. Все, как ты, Кирилл, любишь. И раньше, чем я успеваю это осмыслить, я уже выдаю: "О! Казо Ямазаки и Салман Хасимиков!"

Парень озадаченно смотрит то на меня, то на экран.

– Да ты шутишь, наверное. Ты не можешь этого знать. Даже я не знаю, как этих двоих зовут. Хотя я вообще-то спортом увлекаюсь. Борьбой в частности.

И в этот момент комментатор восторженно изрекает: "Нет, вы только посмотрите, с какой легкостью Хасимиков взял Ямазаки на "Бостонского краба"!"

Ты не представляешь, с каким уважением парень на меня посмотрел. А меня все это время не покидала одна мысль... Откуда я знаю, кто такие Хасимиков и Ямазаки – мне понятно. Мне непонятно другое: на кой черт я это знаю?

22. Подмена

В те давно ушедшие времена, когда во главу угла ставился труд, а пролетарии искренне верили в то, что владеют страной, и власть в ней принадлежит Советам, была такая санаторно-курортная фишка: делить путевки!

Дали мужику на заводе путевку в санаторий. Отдохнуть, развеяться, подлечиться после года каторжного труда на вредном производстве. Профсоюзный комитет совершенно

не волнует, что у мужика вообще-то есть жена и десятилетний сын. Они что, дома останутся. Пока отец в санатории прохлаждается? Как его жена отпустит? А вдруг он там курортный роман закрутит?

Это у меня жена мне доверяет. Знает, что люблю я ее больше жизни, и никогда на другую не променяю, даже на одну ночь. Ну, разве что на Милу Кунис... Но на этот счет у нас с супругой имеется договоренность, появившаяся после просмотра "О чем говорят мужчины": у меня есть право на один секс на стороне. Один раз и с одной конкретной женщиной, с вышеупомянутой прекрасной актрисой. А то вот постучится она ко мне в номер в Бельдяшках, скажет, что без ума от меня, а я вынужден буду отказаться от самого невероятного приключения в своей жизни!

Но не о нас со Светой речь. О нас речь ниже пойдет. И о том, что первый кнут – доносчику.

Так вот, не поедет же советский пролетарий в санаторий один, на 21 день? Нет, он возьмет и жену и сына. Приедет в санаторий, и РАЗДЕЛИТ путевку! Вместо 21 дня в одиночестве, будет он отдыхать 7 дней, но зато всей семьей.

Шутка даже такая была в советские годы:

– Мы в санатории вдвоем по одной путевке отдыхали. Разделили срок напополам.

– А мы – втроем.

– А мы – всемером. Всей семьей. По одной путевке. 21 день!

– КАК ТАК?

– А мы просто взяли и отправили в санаторий тещу!

Формально это не поощрялось. Путевка-то на одного человека дадена. Отдыхай, лечись, восстанавливайся, как врачи рекомендуют. Но по факту, во всех санаториях, приехав вдвоем-втроем, и положив перед главврачом коробку конфет, или бутылку коньяка, всегда можно было договориться о разделе путевки.

Ездил так и я в своем уже постсоветском детстве, когда маме давали путевку на нее одну. Может быть, кое-где, в уцелевших профсоюзных здавницах, и до сих пор такая практика работает. Но вот в Карачах в 2003-м году эта схема дала сбой. Нашла коса на каменное сердце главврача санатория, непримиримого борца за честность и справедливость.

Дали мне в 2003-м году путевку в Карачи, как представителю социально незащищенного слоя населения. Одному дали. А у меня девушка уже имеется, горячо любимая, с которой расставаться на три недели совсем не хочется.

– Света, а поехали в Карачи? – предложил я.

– Так путевка же на тебя одного? – возразила Света, – А денег у меня нет. Я ж бедная студентка, только-только первый курс окончившая.

– А мы путевку разделим! – сказал я.

И мы поехали.

Приехали, привычно пошли к главврачу договариваться, а та как встанет на дыбы, аки боевая лошадь крестonosца, да

как полыхнет на нас своим полным ярости взглядом...

– Не положено! Путевка на одного – одного по путевке и заселю! Никакого раздела на двоих!

Ну, делать нечего... Заселился я в номер к какому-то мужику, а Свете на последние деньги проплатили мы номер попроще, на недельку. Думаем: раз уж приехали – хоть недельку проживем, понежимся в рапных ваннах. Первые два дня я прожил в номере со своей девушкой, благо соседа у нее пока не было. На третий день меня оттуда выгнали, подселив-таки кого-то еще, ну и психанули мы. Затребовали возврат денег, плюнули на мою путевку, и покинули негостеприимный санаторий.

Правда и домой мы не сразу попали. Пришли на вокзал, стали смотреть расписание поездов. Ближайший на Новосибирск – через три часа. Ближайший на Омск – через 30 минут. Ну и уехали мы в Омск, гулять да радоваться жизни.

На этом история могла бы и закончиться, но нет. Неожиданно она обрела продолжение год спустя, когда нам с мамой дали ДВЕ путевки! Я подумал, что староват я уже для поездок с мамой в санаторий, 21 год все-таки, уже о женитьбе подумываю, и о том, чтобы покинуть родное гнездо. Мама тоже в Карачи ехать желанием не горела, ибо предпочитает Белокуруху. Но путевка-то дадена, не пропадать же халяве?

Не пропадать! Ну и...

– Света! А давай ты побудешь Кудряшовой Татьяной Васильевной 21 день?

– А получится?

– Не знаю. Не получится – на месте купим тебе настоящую путевку. На неделю проживания в Карачах у нас денег хватит. Ну, или опять психанем, и в Омск уедем! Попробуем?

– А попробуем!

План был идеальным! Мы приехали, Света осталась сторожить сумки во дворе санатория, а я, вооружившись своим и маминым паспортами, пошел заселяться.

– Здравствуйте! Вот путевки, вот паспорта...

– Тааак, – протянула сестра-хозяйка, рассматривая документы, – Кирилла Васильевича – наблюдаю. Татьяну Васильевну – почему-то нет.

– Ну дык мама не молодая у меня уже, – не моргнув глазом заявил я, – да и операцию недавно перенесла на тазобедренном суставе. Устала с дороги-то. Во дворе она сидит, в корпус подниматься не захотела. Позвать? Она вам сильно нужна?

– Да не особо... Держите! Вот талоны на жилье, на питание, на лечение. Добро пожаловать!

Я ликовал. План сработал без сучка без задоринки. Света тихонько прокралась по коридору мимо кабинета сестры-хозяйки, и мы заселились. Дальше – уже совсем просто, по накатанной. В столовой и в лечебном корпусе вообще никого не волнует, сколько лет Татьяне Васильевне. Талон есть? – Есть. Значит все нормально.

Тут можно было бы подробнее рассказать о Карачах... О

пришедшем в полное запустение к середине нулевых санатории, слава которого некогда гремела на всю страну, о дождях с ароматом сероводорода, об отключении электричества при малейшей грозе, о свирепых комарах, о жителях ближайшего поселка, ходивших в питьевую галерею за водой, потому что водопровод отключался вместе с электроэнергией... Но обо всем этом я уже рассказывал в истории о нашем новогоднем Карачинском приключении.

Упомяну лишь Карачинскую версию поговорки "Куй железо, не отходя от кассы". В Карачах, где иногда единственным источником воды была питьевая галерея, мы переиначили это выражение в "Срать надо, пока вода есть!"

Мы прожили так неделю. К концу этой недели Света уже абсолютно спокойно перемещалась по коридорам, не боясь ни главврача, которая в наш корпус заходила очень редко, ни сестру-хозяйку, которой на все было глубоко пофигу. Ну ходит Кудряшов по санаторию с какой-то девушкой, ну и что? Наверное, здесь и познакомился.

В столовой и в лечебнице, нас, правда, считали мужем и женой. Кудряшов и Кудряшова. Все логично. Рано или поздно сбой должен был где-то произойти, и он произошел...

Я не знаю, что навело сестру-хозяйку на мысль о подмене. Может увидела чету Кудряшовых в лечебнице, может просто задумалась: а что это за девушка такая тут живет? Вроде не заселялась, а живет уже неделю. Странно... В общем, в одни не особо прекрасный момент она отловила нас, пробежавших

мимо ее кабинета, и завела к себе.

– Девушка, а вы кто?

Что Света могла ей ответить?

– А... Я... Это самое... Ну... Света я.

– Понятно... Татьяна Васильевна у нас не появлялась, да?

– Не появлялась! – сознался я.

– И вы, значит, уже неделю...

– Ага... – грустно склонили мы голову.

– Но позвольте, – начал я, – не все ли равно, кто...

Договорить мне не дали.

– Пойдемте к главврачу! Она решит!

Понуро мы плелись за нашим конвоиром к палачу. Помня знакомство с этой женщиной год назад, я понимал, что минут через 10 нас выселят из санатория с громким треском. Проще договориться с пришедшим за тобой из будущего терминатором, чем с ней.

Мы вошли. С порога, сестра-хозяйка обличительным тоном принялась рассказывать о происшедшем.

– Вот, Кудряшов. Заселился со своей женой, хотя путевка у него на маму. Они тут неделю вдвоем прожили!

Главврач аж со стула привстала от такой новости.

– То есть как это, заселился с женой вместо мамы?

– А вот так. Мамин паспорт мне предъявил, путевку.

– А жену – не предъявил?

– Нет, жену я сама потом выявила.

– И сколько, вы говорите, они здесь прожили?

– Неделю! Нет! Восемь дней.

Главврач встала, суровая, как судья, выносящий приговор лидеру ОПГ, повинному в 142 убийствах.

– Значит так. Кудряшова я выселить не могу, так как путевка есть. Жена должна освободить номер сегодня до 14-00. Скажу я вам, такой наглости я еще не видела. И такой глупости! – это было сказано уже для нашего разоблачителя, – В столовой они тоже по путевке питались?

– Да!

– Из вашей зарплаты я вычту стоимость питания одного человека в течение 8 дней. Всё! Идите!

Выходя, я оглядывался. Было ощущение, что эта суровая женщина сейчас выстрелит мне в спину.

Естественно, выселились мы вместе. Сдавая ключи от номера сестре-хозяйке, я не преминул поинтересоваться: "Ну и зачем оно вам было надо?" Она не ответила, лишь наградила меня уничижительным, но грустным взглядом. Зарплаты у сотрудников санатория были откровенно копеечными, так что вычет из этой и без того крошечной зарплаты был наверняка довольно ощутимым.

А мы снова уехали в Омск. Гулять по городу, париться в сауне и рассуждать о справедливости вынесенного приговора. Вот вроде и справедливо все, а как-то неправильно, да?

23. Амвеевский зомби

Я не сомневался взрывать метрополитен.

Я что, дебил? Новосибирск и так обогнал по мощности пробок даже Москву, и метро – единственный нормальный вариант перемещения по центру.

Убивать я в метро тоже никого не собирался. Конкретно в тот момент, если быть точнее. Вообще у меня возникают иногда такие мысли, потому что дебилов в этом мире очень много, и в метро они тоже ездят. А поскольку они – дебилы, то там они тупят на эскалаторе, наступают пассажирам на ноги в вагоне, или не дают людям выйти из поезда, потому что считают, что они должны войти раньше, чем все выйдут.

Но конкретно в тот момент я спускался в метро не собираясь ничего взрывать и никого убивать. Мысль об убийстве возникли у меня чуть позже, когда меня задержала полиция.

Вообще я искал табличку. Мемориальную табличку о визите в наш город, и конкретно на станцию метро "Площадь Ленина" Ким Чен Ира. На кой черт мне эта табличка? Я люблю историю, и в частности – историю своего города, о чем активно пишу в Инстаграме. Вот о приезде Великого Руководителя КНДР я и хотел написать.

Спускаюсь я в метро, активно озираясь по сторонам... Не вижу таблички. Прохожу через турникеты, внимательно обследую стены возле эскалатора... Нету ее! Ладно, спускаюсь на платформу, прохожу ее всю, выхожу с другой стороны и снова внимательно осматриваю стены. Все это не спеша, прогулочным шагом, ибо торопиться мне абсолютно некуда, да

и кто понял жизнь – тот не спешит.

Нету таблички! Подхожу к дежурной, что у турникетов стоит.

– Здравствуйте! Моя искать табличка про Великий Кореец! Тьфу ты, простите, в образ вошел! Подскажите, пожалуйста, где у вас на станции табличка про визит Ким Чен Ира?

– Так она с другой стороны. Вход со стороны Краеведческого музея...

Ну е-мое... Благодарю дежурную, снова спускаюсь на платформу, прохожу, выхожу, нахожу...

Повесили, блин! Спускаешься в метро – перед глазами окна. И вот между окон, на высоте метров так двух с половиной от пола, на серой стене, серая же табличка! Ким Чен Ир даже в прыжке бы до нее не достал. Заметить ее практически не реально, это надо точно знать, где она висит.

Нашел, сфотографировал, снова спускаюсь в метро... И тут – хоп, дежурная по станции. Не та, что мне подсказала дорогу. Та – с другого входа дежурит. А тут – другая. И подозрительно так на меня смотрит... Вот прямо по лицу видно, не понравился ей бородатый мужчина с рюкзаком, который уже второй раз мимо нее в метро спускается. Причем в первый раз – шел не торопясь, озираясь по сторонам, а второй – целенаправленно и быстрым шагом топают. Явно террорист! В первый раз – искал, где бомбу заложить, а во второй – пошел закладывать.

Но это так, мои домыслы. Я-то еще в первый заход обра-

тил внимание, что очень уж она на меня пристально смотрела... А факты – таковы:

– Мужчина, на досмотр пройдите, пожалуйста!

Ну, на досмотр, так на досмотр. Только обидно, что она меня мужчиной назвала. Я вроде совсем недавно был "молодым человеком", а теперь – уже мужчина... Я так скоро дедушкой стану. Но досмотр – дело хорошее, я ему никогда не противлюсь. Ведь в конце концов, дело это минутное, и крайне общественно полезное. Лучше перебдеть, чем тер-акт.

Привычно скидываю с плеча рюкзак, ставлю на ленту транспортера, который увозит мои вещи в недра рентгеновского аппарата. Дама за монитором внимательно в него смотрит, нажимает на кнопки, и рюкзак выезжает обратно. Я беру в руки, собираюсь уйти, и... И чуть не сталкиваюсь с преграждающим мне путь полицейским. Причем за его спиной маячит еще один.

Снова оборачиваюсь к женщине за рентгеновским аппаратом, всем своим видом выражая вопрос: "Какого хрена?"

– У вас в рюкзаке металлический предмет. Что это?

Достаю из рюкзака связку ключей. Демонстрирую ей и полицейскому.

– Я могу идти?

– Нет. У вас в рюкзаке еще какой-то металлический предмет. Что это?

– Эм... Не знаю. Вроде больше нет у меня там металли-

ческих предметов. Покажите мне, пожалуйста, на мониторе, что вас заинтересовало? Я тогда быстрее пойму, о чем речь.

– Нет. Что у вас металлическое в рюкзаке?

Ситуация становится абсурдной, а в абсурдной ситуации я начинаю закипать.

– Вот, зарядка от телефона. У нее металлический кончик. Но что-то мне подсказывает, что вас заинтересовала не она. О! Мой швейцарский складной перочинный нож! Вот! Смотрите. Он вас заинтересовал? Я могу идти?

– Зачем вам нож? – интересуется полицейский.

И вот тут у меня срывает крышу.

Потому что я ненавижу вопрос "Зачем?"

Прежде, чем задать его, всегда подождите секунду, и попробуйте ответить на него самостоятельно. В 86% случаев ответ придет вам в голову сам, и он будет элементарным. Еще в 13% случаев вы обнаружите, что ответ на него вас совершенно не касается. И только в оставшемся 1% случаев этот вопрос действительно стоит задавать.

Образец идиотизма в задавании вопроса "Зачем?" – охранник супермаркета, который спросил у меня, зачем я взял с витрины пачку жвачек. Если бы он подумал хоть секунду, он бы понял, что я просто хочу их купить. Но он не подумал, ему было нечем...

Я выждал секунду, надеясь, что полицейский сам осознает абсурдность этого вопроса и отойдет в сторону, освобождая мне путь, но он продолжал стоять и смотреть на меня, явно

ожидая ответа. И тогда меня понесло.

– Смотрите! Это – складной швейцарский нож. Вот я достаю из него большое лезвие. Им можно нарезать колбасу на корпоративе, или даже почистить рыбу на рыбалке. Но чаще всего я использую его чтобы в обеденный перерыв разрезать пополам яблоко. С другой стороны есть маленькое лезвие. Им очень удобно вырезать из яблока сердцевину... Вот здесь можно вытащить из него ножницы, которыми я обычно подрезаю ногти или заусенцы, если под рукой нет нормальных маникюрных ножниц. А вот тут... Тут у нас самая полезная приблуда ножа! Штопор! Им можно открыть вино. У вас есть бутылка вина? Я с удовольствием вам продемонстрирую, как это работает.

– Я понял, спасибо...

– Нет, подождите! В этом ноже есть даже пинцет, чтобы, если потребуется, вырвать выросший на носу волосок, и есть даже зубочистка, на случай, если кусочек яблока, разрезанного большим лезвием, застрянет между зубами...

– Достаточно...

– Нет, я еще не закончил! – вопрос "Зачем?" капитально вывел меня из себя. – Вот здесь у моего ножа есть даже шило. Я ни разу им не пользовался, но теоретически, если я долгое время буду питаться только яблоками, разрезая их большим лезвием этого же ножа, и вырезая сердцевинку маленьким, то я сильно похудею и тогда мне придется проколоть на моем ремне новую дырку. И имея под рукой этот замечательный

нож я смогу сделать это вот этим вот шилом. Я достаточно доходчиво объяснил?

– Да, спасибо...

– Я могу идти?

Короткий обмен взглядами между полицейским и дамой за монитором, и...

– Нет. У вас в рюкзаке еще какой-то металлический предмет. Что это?

– Да вы, в рот вам ноги, издеваетесь??? Вы можете мне показать, что за предмет вас так заинтересовал?

– Нет. Что у вас еще в рюкзаке.

Я открываю основное отделение. Достаяю оттуда бутылку средства для очистки духовых шкафов "Амвей", которую я уже с полгода пытаюсь передать замечательной девушке Алине, с которой как раз сегодня я должен был наконец-то встретиться.

– Это???

На горлышко бутылки надета металлическая кисточка для нанесения этой страшной шняги на грязную поверхность.

И по глазам моих дознавателей вижу, что да, именно это их и заинтересовало.

– Я могу идти?

Но полицейский все так же скалой стоит на моем пути. Стоит, чтобы задать второй идиотский вопрос сегодняшнего дня:

– Что это?

Запомните: никогда не задавайте этого вопроса сетевикам. Стоит вам только спросить агента "Орифлэйма", "Что это?", и вам обеспечена длинная и совершенно ненужная вам лекция. Аналогично и с нами, Амвеевскими зомбями. А я – Амвеевский зомбь! Не слишком глубоко зомбированный, но со своей небольшой пирамидой, небольшим доходом и большой искренней любовью к продукции этой компании. Seriously, средства для дома у "Амвея" великолепны, я на них и только на них уже лет 10, и менять их на что-то другое не собираюсь.

Как, впрочем, и становиться настоящим зомбем. Видел я сетевиков, полностью ушедших в этот бизнес... Это страшно! Глаза горят каким-то сумасшедшим огнем. Кроме как о своей продукции они ни о чем говорить не в состоянии.

Помню, заглянула к нам в гости девушка, которая, собственно, на "Амвей" меня и подписала. Я неоднократно говорил ей: "Лена, избавь меня, пожалуйста, от лекций о продукции. Если мне что-то нужно – я прочитаю об этом на сайте, в курсе дела ты меня уже ввела!" Но поскольку кроме Амвея она говорить ни о чем не могла, вылилось это в очень интересный тост.

Заглянула она к нам дабы поздравить меня с днем рождения. У нас в квартире бардак и ремонт, но хозяева мы радушные, поэтому – милости прошу к нашему столу. Чем можем – угостим. Познакомил ее с женой, сели за стол, налили, и... – Света! – сказала Лена, обращаясь к моей супруге, – Ты

даже не представляешь, какой классный у тебя муж. Я его знаю уже несколько лет, в основном – по работе, и восхищаюсь им и в частности – его силой воли. Вот например когда я подписала его на "Амвей", он сразу сказал мне: "Лена, я буду заниматься этим постольку-поскольку, сетевой бизнес никогда не станет моим основным, потому что не лежит у меня к этому душа! И ты знаешь, он держит свое слово. А меж тем. А меж тем, у "Амвея" такая замечательная продукция. Вот, например, есть ночной для лица, который я совершенно случайно с собой сегодня захватила..."

Кое-как заткнули...

И вот когда у меня спросили, глядя на Амвеевское средство, "Что это?" – я представил у себя в голове рубильник с надписью "Режим Лены", и рванул его вниз.

– Что это такое? Это – уникальное средство "Амвей" для очистки духовых шкафов. Просто потрясающая вещь! Даже если в вашем духовом шкафу запекали целую свинью, причем на момент начала готовки свинья была еще жива – это средство поможет вернуть вашей духовке первоначальную чистоту! Поверьте, я знаю, о чем говорю. Когда мы с женой купили квартиру, в доставшейся нам по наследству духовке, похоже, запекали собак. Причем очень жирных собак... И делала это какая-то свинья. И что вы думаете? Равномерно наносим средство на стены духовки, вот этой вот самой кисточкой, которая вас так заинтересовала, оставляем на полчаса, а потом тщательно смываем водой. Наша духовка те-

перь блестит как столовое серебро, и ваша заблестит точно также.

– Ясно, спасибо. Можете идти.

– Нет, вы дослушайте! Это средство можно использовать как оружие. Вот допустим, творит какой-то преступник непотребства на вверенной вам территории. На призывы лечь на пол и положить руки за голову – не реагирует. Не применять же табельное? К тому же, вдруг вы табельное дома забыли? Просто плесните на него немного уникального средства Амвей, и боль от химического ожога тут же убедит его в том, что творить непотребства больше не надо.

– Я понял, спасибо.

– Да подождите вы! Я потратил на поиск загадочного металлического предмета целых пять минут, уделите мне теперь всего минуту! Применять это средство в качестве оружия очень затруднительно, потому что у него крышечка с защитой от детей. Попробуйте открыть! Ну? Не хотите? Правильно, это не так просто. Поэтому лучше его использовать по прямому назначению...

По лицу полицейского было видно, что он уже всерьез раздумывает, не применить ли табельное.

– И стоит оно всего 540 рублей. Но для вас... Только сегодня, я отдам ее за 500.

– СПАСИБО, не надо! Можете идти!

– Точно ко мне больше нет никаких вопросов? – мстительно поинтересовался я.

– ТОЧНО!

– Ну хорошо! – пожал плечами я, мысленно переводя рубильника с режима Лены на привычный режим ебалая, и двинулся к турникетам.

За моей спиной стоявший все это время позади второй полицейский негромко сказал моему дознавателю:

– У меня жена такой штукой пользуется. Хорошая вещь, серьезно.

– Коля, иди на хрен! – было последним, что я услышал, проходя через турникет.

Пишу эту заметку, и думаю: может все-таки окончательно и с головой уйти в сетевой бизнес? Ведь почти продал же! Почти дожал! Может смог бы его и под себя подписать, а? Как думаете?

24. Роскон

В 2008-м году мне поперло!

Я пишу с 2000 года, с 16 лет. Ну, формально – с тех самых пор, как научился писать, то есть лет с шести, но что-то действительно серьезное и интересное, что не стыдно было позиционировать как рассказ, а не как детские каракули, я написал в 2000-м году.

И вот в 2008-м меня наконец-то заметило "ЭКСМО". Крупнейшее издательство России!

Одна моя близкая подруга до сих пор обращается ко мне

не иначе как "О мой гуру, издававшийся в ЭСКМО!" И это при том, что она издается в "Армаде", и совокупный тираж ее книг уже очень давно на порядок превзошел тираж мох "Воинов Арктара" в "ЭСКМО".

"Воины Арктара", откровенно говоря, были довольно убоги. Даже 11 лет назад этот роман не был вершиной моего писательского мастерства. Я мог лучше, но написал вот так. И как ни странно, его оценили и издали. И ко мне пришла слава.

Обо мне писал НГС – самый популярный новостной сайт Новосибирска. Меня приглашали на радио, меня звали в молодежные литературные объединения, рассказать о моем творческом пути. Правда молодежь в основном интересовалась писательским гонораром, и можно ли на него жить.

Отвечаю: на мой – нельзя. А вообще, если писать больше меня и лучше меня, значительно больше и значительно лучше, то можно, и еще как!

И вершиной этого пика славы было приглашение на "РосКон" в статусе писателя.

Что такое "РосКон"? Главный конвент писателей-фантастов России. Место, где рядовые читатели (и начинающие писатели) могут встретиться со своими кумирами. Место, где матерые фантасты проводят мастер-классы и раздают автографы. Главное событие года для всех, увлекающихся фантастикой.

Я говорил с Александром Зоричем (если кто не знает, Зо-

рич – это псевдоним. Зорич – это Яна и Дима). Я слушал мастер-классы Ахманова и Злотникова. Я взял автограф у Ольги Громыко и Сергея Лукьяненко... И кстати, тогда я впервые в жизни поднялся в небо, и впервые в жизни побывал в Москве. Что любопытно, тогда я не влюбился ни в небо, ни в столицу. И то и другое произошло позднее.

Память услужливо подбрасывает мне самые яркие сцены "РосКона" 2008...

Вот я вручаю Яне Боцман (0,5 Александра Зорича) подарок: трехмерную картину из линзовых растров, где Яна стоит на фоне флота Ворлонцев из "Вавилона 5", и признаюсь ей в любви. Ну, то есть ей и Диме, конечно...

– Кирилл, а знаете, как мы с Димой определяем наших истинных фанатов?

– Как?

– Хотите пройти тест?

– А то!

– Слово, которое в переводе с аютского языка означает "порождающий деватру"?

– Шардевкатран! – моментально отвечаю я.

Девкатра – один из главных монстров Круга Земель. Гигантская бабочка, способная перемещаться во времени. Шардевкатран – ее личинка, и с шардевкатраном шутки тоже плохи, но если его еще может одолеть десяток аррумов под командованием пар-арценца, то перед девкатрой спасует и сам Гнорр Свода Равновесия.

Я даже позаимствовал в свой роман "Там, где правит Рандом" доспехи из кожи шардевкатрана. Воин в таком доспехе мог бы в одиночку противостоять десятку, если не сотне отборных бойцов, вне зависимости от их вооружения!

– Для большинства читателей слова "шардевкатран" просто не существует! – поясняет Яна. – Большинство читает, не запоминая слова целиком. Что-то длинное, начинающееся на "ш" и заканчивающееся на "тран" – значит это вот та самая тварь. А вы – помните. Приятно!

Конечно помню! Я до сих пор считаю семь книг о Круге Земель второй по продуманности и увлекательности фэнтэзийной вселенной. Кто для меня на первом месте – думаю, и так понятно.

Или вот я иду по тихой аллейке в сторону Москвы-реки, и слышу за свой спиной негромкий разговор двух слегка помятых после вчерашних возлияний мужчин:

– Знаешь, Серега, ты после "Осенних визитов" одну херню пишешь! Вот честно!

Слышу, и понимаю, что это гуляют и беседуют Лукьяненко и Буркин. Хочется подойти и сказать им обоим, что я думаю об их творчестве (а я вырос на их книгах и очень их люблю), но я сдерживаюсь. Не стоит мешать похмельным мэтрам...

Вот в холле второго этажа пансионата "Лесные дали", что в дальнем уголке Рублевки, в последний вечер конвента, где пьяны практически все, я сижу и с кем-то о чем-то болтаю.

А ко мне подходит какой-то мужик и жестом просит прикурить.

Я молча киваю, вынимая из кармана зажигалку. Чувак наклоняется ко мне за огоньком, и прямо перед моим носом оказывается бэйджик. Александр Бачило...

Да, тогда еще не было антитабачного закона и курить в холле пансионата было нормой.

Бачило уходит, а я смотрю ему вслед и не могу вымолвить ни слова, понимая, что я только что дал прикурить автору любимой книги детства: "Пленники черного метеорита". Дать огоньку человеку, внесшему нехилый клад в формирование моей личности – это меньшее, чем я могу его отблагодарить.

Вот в столовой у нас на столе нет чая, и я отправляюсь экспроприировать его у кого-нибудь другого, и тырю чайник со стола Головачева. Никогда не любил его книги, кстати. Но утащить чайник со стола легенды фантастики очень приятно.

Вот Егор Кончаловский, режиссер "Антикиллера", выводит у меня в блокноте: "Кирилл, удачи!"

А вот все тем же пьяным вечером меня теревит соседка по столу: "Кирилл, Кирилл, побежали на третий этаж, там у Громыки фотосессия!" И мы бежим брать автограф у Ольги Громыко, которая нехотя отвлекается от фотосета и расписывается в наших блокнотах...

Но главное... Главное – не это.

Главное – это хедлайнеры "РосКона", приглашенные звезды фантастики. Звезды мировой, а не Российской величины. Задолго до конвента было объявлено, что на него прилетят Гейман и Гаррисон! Это не просто звезды, это легенды, особенно Гаррисон, которого читали и любили еще в СССР!

Правда уже перед самым конвентом я узнал, что Гейман на "РосКон" не прилетит. Гейман обиделся. И я его полностью понимаю. Ему выслали приглашение, и тут же заявили, что Гейман прилетит. А Гейман еще не согласился... Он может и не против был, но чего это за него все решили? Примерно так он рассказывал потом в каком-то интервью. А вот Гаррисон – прилетел. Уже не просто пожилой, уже старенький, доживающий последние годы жизни (он умер в 2012-м) мэтр фантастики!

Гаррисон повсюду ходил с охраной. Думаю, не потому что боялся русской мафии, а просто чтобы рядом был кто-то, кто будет отгонять излишне назойливых фанатов, потому что здоровье у мэтра было уже так себе, а желающих с ним общаться было много. Собственно, ВСЕ, кто собрался той весной в "Лесных далях". Приблизиться к Гаррисону было непросто, и даже на автограф-сессии автографы успели получить не все.

Я – и не пытался. Гаррисона я люблю выборочно. Его самый популярный цикл "Стальная крыса" мне на душу не лег совершенно, но вот "Неукротимую планету", "Врача космического корабля" и "Фантастическую сагу" я люблю безмер-

но. А в книжном ларьке, с полок которого смели практически все книги Гаррисона перед встречей с ним, было великое множество "Стальных крыс", но ни одной "Неукротимой планеты".

Подсовывать на подпись нелюбимую книгу? Да ну нафиг.

Главной звездой той встречи с Гаррисоном был некий чувак в тельняшке, который фанател от Гаррисона еще когда я читал "Незнайку на Луне", да "Волшебника Изумрудного города"! Гаррисон как раз много говорил со сцены о том, что в СССР и России 90-х его книги издавались миллионными тиражами, но абсолютно нелегально, и он не получил с этого ни копейки. Но русских своих поклонников он все равно очень любит. И тут на цену вышел чувак в тельняшке, представившийся Севастопольским моряком. Вышел, держа в руках самопальную книгу, отбитую на пишущей машинке, и любовно переплетенную в красный бумвинил.

– Мистер Гаррисон, знаете, в СССР вас не издавали. Нельзя. Вы ж американец, а значит – идеологический враг. Но ваши книги зачастую перепечатывались вручную, и ходили по рукам вот так, вот в таком вот виде! Одну такую книгу я сберег! Это "Рождение Стальной крысы"! Издано самиздатом в 1986 году! И я хочу подарить ее вам!

Гаррисон повертел книгу в руках, хмыкнул, сказал: "А у меня такая уже есть!" Размашисто подписал и вручил ее обалдевшему моряку обратно.

Следующим вечером, тем самым, когда пьян был весь

пансионат, морячок, синий, как полоски на тельняшке, бродил по "Лесным далям", любовно прижимая книгу к груди обеими руками. Бродил, подсаживался ко всем подряд, счастливо улыбался, и задавал один и тот же вопрос:

– Это же был ТОТ САМЫЙ Гарри Гаррисон, да?

Ему отвечали, что да, тот самый, морячок еще крепче прижимал книгу в груди, улыбался так, что широте его улыбки позавидовал бы и Джокер, и шел дальше, задавать этот вопрос кому-то еще.

Автографа Гаррисона я не получил, но зато я пожал мэтру руку.

А было дело так... Иду я по коридору пансионата, никого не трогаю, и вдруг вижу притулившегося в уголке Гаррисона! Одного, в пустом коридоре. Без его вездесущего охранника, и даже без толпы фанатов. Чудо? Чудо!

Этой мой шанс поговорить с любим автором один на один! Высказать ему свое восхищение! Рассказать, с каким восторгом я читал его "Неукротимую планету!" Восхититься подтекстом этой прекрасной книги! Сказать ему... Да много чего сказать, всего не упомнишь! Ведь это же Гаррисон! Легенда фантастики, кумир миллионов, гений, мэтр, маэстро!

Я уже иду к нему, и по дороге вспоминаю, что мой уровень английского – как у собаки. В смысле, более-менее понимаю, о чем вокруг меня говорят, но сам формулирую мысли по полчаса, и даже если и делаю это, то продираюсь через времена и обороты как колонизатор по джунглям с мачете.

Как в анекдоте:

– У вас в поездке были проблемы с вашим английским?

– У меня? Нет. А вот у англичан – были.

Спустя много лет после "РосКона" мне приснился сон. Я – в бане. В большой общей бане, а-ля "Сандуны". Народ пьет пиво, делает ходки в парную, в общем, отдыхает и расслабляется. Я – тоже. Я в какой-то компании, мне хорошо и свободно, и тут я вижу, что через пару столиков от меня отдыхает после визита в парную ДиКаприо! Опаньки, это ж мой шанс поговорить с любимым актером! Я иду к нему, и по дороге вспоминаю свой провал с Гаррисоном! Разворачиваюсь, и понуро бреду обратно, к своим. Проснулся я с мыслью, что надо срочно подтягивать английский, а то вдруг окажусь в бане с ДиКаприо, а поговорить не смогу. И даже начал ходить на курсы, но... Сложно там все было. Не срослось. Но это уже совсем другая история.

Английский у меня по-прежнему на уровне собаки, но после самостоятельного путешествия в Турцию я обнаружил, что и не зная языка я могу неплохо общаться с людьми в чужой стране. С дочкой нашего арендодателя, не знавшей ни слова по-русски, я легко нашел общий язык с помощью жестов, мимики и какой-то матери.

Так вот. Вижу я Гаррисона... Вижу цель, но вижу и препятствие. Языковой барьер, высотой как забор колонии строгого режима! Но все равно иду к нему, потому что, блин, это же ТОТ САМЫЙ Гарри Гаррсион!

Подхожу. Время замедляется, дыхание – учащается. Передо мной, молодым фантастом, только-только издавшим свою первую книгу в "ЭКСМО", сидит легенда, на которой это самое "ЭКСМО" сколачивало свои первые капиталы, когда я еще бутылки собирал, чтобы на жвачку хватило. Гаррисон поднимает на меня глаза, усталые глаза пожившего мэтра, видевшего на своем веку тысячи таких восторженных фанатов, как я. Но взгляд у него все равно теплый, душевный, улыбающийся. Он все понимает. Понимает, зачем я иду к нему, и что я ему сейчас скажу. Вот только я понятия не имею, как передать своим нелепым английским, насколько я люблю его, и насколько уважаю!

Я молча тяну ему руку, пытаюсь в это рукопожатие вложить ВСЕ, что я хочу ему сказать. Гаррисон протягивает мне руку в ответ, и смотрит мне в глаза. Смотрит... Ждет, что я скажу.

И раньше, чем я успеваю понять, что я несу, я выдаю:

– Mister Harrison! You are... CHUVAK!

И знаете, он понял! Он улыбнулся мне, тепло и душевно, как может улыбаться только престарелый мэтр, который видел взлеты и падения издательств, экономические и литературные кризисы, при котором менялись жанры, и КОТОРЫЙ менял жанры.

Гаррисон улыбнулся мне, крепко пожал мне руку, и сказал:

– Spa si bo!

Так я поговорил с Гарри Гаррисоном. Надеюсь, что однажды, в старости, меня, пожилого мэтра мистики и юмора, спросят: а с кем из великих писателей я был знаком? И тогда я расскажу эту историю, предварив ее анекдотом: "А сейчас – эксклюзивный материал, о своей жизни нам расскажет большевик, ДВА РАЗА говоривший с Владимиром Ильичом Лениным!"

Вы же знаете этот анекдот, да?

Но нет, и это не финал истории.

В 2015 году я открыл для себя "Ведьмака" Сапковского, все книги о котором я прочел запоем. А в 2016-м году я сел писать рассказ "Усатая девственница Катя", главного героя которого звали Ведьмак.

Да, именно звали. Это имя, а не профессия. И мой Ведьмак с ведьмаком "Сапковского" не имеет совершенно ничего общего, кроме одной шуточной параллели. И именно для создания этой самой параллели я и полез гуглить биографию Сапковского.

И вот, в ходе своих изыскания я наткнулся на фразу: "Сапковский с удовольствием общается со своими поклонниками по всему миру. Он легок на подъем и всегда с радостью принимает приглашения на конвенты. В частности Россию он посещал в 2008-м году, в ходе "РосКона".

От моего вопля, полного отчаяния, содрогнулись стены. На крик прибежала перепуганная Света, с бинтом и перекистью, думая, что я опять воткнул себе в ладонь нож. Да, опять.

Был в моей биографии такой момент...

Со слезами на глазах я пересказал ей то, что только что прочел.

– И чо? – спросила жена.

– Ты не понимаешь? В 2008-м году где-то в "Лесных даях" мимо меня ходил Сапковский. Возможно мы сидели с ним рядом на встрече с Гаррисоном, а я – не знал, понимаешь? Я и так себе простить не могу, что не поговорил тогда с Дивовым, потому что я тогда еще не знал, кто такой Дивов! Я открыл для себя его "Мастера собак" два года спустя. А тут – САПКОВСКИЙ, понимаешь? Я тогда просто не знал, кто это такой!!!

– Так может его там и не было? – спросила моя здравомыслящая супруга, – Ты же там с людьми общался, наверняка бы ты услышал: "Оооо, я сегодня Сакповского видел..."

Это звучало логично. Ведь в самом деле, никто мне этого не говорил, и за все прошедшие с того момента семь лет я ни разу не слышал слов "РосКон-2008" и "Сапковский" рядом...

Я полез гуглить новости о "РосКоне"... Новости семилетней давности гуглились плохо. И тогда я вдруг вспомнил про Инну.

Инна Живетьева, Новосибирская писательница, не пропускавшая, кажется, ни одного РосКона. Если кто и знает, был ли тогда, в 2008-м, Сапковский, то этой она...

– Инна, привет. Помнишь 2008-ой год? РосКон, на кото-

ром мы с тобой, собственно, и познакомились?

– Ну, примерно помню... А что?

– Тогда была дикая шумиха вокруг приезда Гаррисона на конвент, но я вот наткнулся на ничем не подтвержденную пока информацию о том, что там был еще и Сапковский... Гуглю, копаюсь, но везде речь только про Гаррисона. Он затмил собой все... И я себя чувствую редкостным неудачником, потому что я, получается, мог взять автограф у Сапковского, но не взял... Успокой меня, или добей, пожалуйста. Скажи, был тогда Сапковский на конвенте, или нет?

И знаете, что ответила мне Инна?

Когда я рассказываю эту историю лично, я всегда делаю здесь МХАТовскую паузу...

Пусть ее роль в тексте сыграют несколько абзацев...

Пусть они помогут нагнетанию атмосферы... Почувствуйте, как пауза висит в воздухе, как нарастает напряжение...

Представьте себе мои чувства, пока я ждал ответа Инны...

Итак, вы готовы узнать, что же ответила мне Живетьева?

Готовы?

Она ответила:

– А что, Гаррисон приезжал?

И вот тогда я понял, что у меня-то еще все хорошо!

25. 27,5 грамм масла.

Однажды на моей кухне готовил профессионал!

Настя – кондитер. Кондитер от Бога. Настины сладости и Настина выпечка ничуть не уступают блюдам лучших ресторанов мира. Хотя откуда мне знать? Я же не ел десертов в ресторанах со звездами Мишлен... Но пусть это будет мое художественное допущение, потому что Настины десерты воистину шикарны.

В своем искусстве Настя – не только гений, но и перфекционист. Наверное, так оно и надо, когда готовишь шедевр. Никаких тебе: "Так, сахара у нас нет, так что заменим на соль... Яйца страуса у нас кончились, так что заменим на яйца орангутана... О, у нас нет пера из жопы полярной совы... Кирилл, сбегай, поймай мне белого голубя! А, впрочем, и шизокрылый тоже сойдет!"

Я-то готовлю как? "300 грамм мяса... Блин, мне лень доставать весы. Вроде вот этот кусман, который я с трудом до дома дотащил, отдаленно похож на 300 грамм? Сойдет, его и порежем... Мясом кашу не испортишь, верно? Или как-то не так говорят? Ну да не важно. Лук порей... Порей... Звучит, как глагол. Полярная сова – пари! Лук – порей! В общем, репка, я приказываю тебе, ПОРЕЙ! А теперь покрошим его в маринад... 100 мл. соевого соуса... Блин, полную кружку налил, не выливать же... В следующий раз мариную в вине, там я знаю, куда деть лишку..."

Настя готовит совсем не так. У Насти все четко, выверено, продумано. Каждый ингредиент – следствие десятилетий эволюции в руках шеф-поваров всего мира, у которых моя

дорогая подруга черпает знания. Сейчас Настя работает в ресторане, в одном из лучших ресторанов Петербурга, и работает она там во многом потому, что с молодых ногтей усвоило главное правило ресторанной кухни: ПОВТОРЯЕМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ. Салат Цезарь, который я заказал в ресторане сегодня, должен быть АБСОЛЮТНО тем же Цезарем, который я ел месяц назад. Тот же вкус. Те же ингредиенты. Те же пропорции.

А у меня же бефстроганов сегодня будет несколько отличаться от бефстроганова месяц назад. Потому что в этот раз я захотел добавить мяты, а в прошлый – чеснока. Поэтому Настя – ресторанный повар, а я – домашний.

И вот однажды мы с Настей решили что-то приготовить вместе. Десерт! Апельсиновые кексы.

– Посуда у тебя есть, – уточняла она перед поездкой ко мне, – духовка у тебя хорошая... Венчик у тебя тоже по-любому найдется. Мука?

– Есть.

– Хорошая?

– "Макфа".

– Не "Барилла", но сойдет. Итальянский апельсиновый ликер?

– Французский виноградный сок, забродивший и выдержанный.

– Что?

– Коньяк.

– Кто бы сомневался... Ладно, ликер я принесу с собой.

Весы?

– Конечно есть!

– Ну ок. Еду!

Настя приехала... Настя приступила к работе.

– Мука!

– Держи.

– Сито!

– На!

– Скальпель!

– Европейский шеф-нож или сантоку?

– Фруктовый! Мне цедру срезать! Весы!

Я вытащил из шкафа простенькие кухонные весы за 200 рублей. Настя воззрилась на этого монстра, как микробиолог на лупу.

– Это что?

– Весы.

– Где?

– Вот они! – для убедительности я потряс весами перед носом подруги. Те попеременно показывали то текущее время, то атмосферное давление.

Настя смотрела на меня примерно также, как я много лет назад смотрел на своих учеников, не способных вспомнить число пи.

– И как я, по-твоему, отмерю на этих весах 27,5 грамм сливочного масла?

Весы согласно закивали своей чашей. Весы совершенно не хотели, чтобы на них кто-то что-то отмерял.

– Ты бы еще на напольных мне что-то взвесить!

– У меня и напольные есть! – зачем-то сказал я, прикидывая, что надо бы взвеситься на них после того, как Настя оторвет мне голову. Узнать, сколько я вешу без головы.

– Кирилл... Когда я спрашивала тебя, есть ли у тебя весы, я имела в виду весы, погрешность которых хотя бы плюс-минус грамм! А не плюс-минус масса черной дыры!

– Да они с точностью до грамма вешают! – вступился я за агрегат, служивший мне верой и откровенной ложью вот уже лет пять.

– Ясно! А теперь скажи мне: как на твоих весах я отмерю 27,5 грамм масла?

Я взял кусок масла. Взял нож. Воткнул одно в другое. Протянул Насте получившийся кусок...

– Вот!

– И ты хочешь сказать, что здесь именно 27,5 грамм?

– Примерно!

Кексы получились вкусными. На мой личный взгляд они были вполне обыкновенными кексами с легкой ноткой апельсина. Настя бухтела, что это все из-за меня и из-за моих весов. Кажется, в ее глазах я упал ниже уровня Марианской впадины, и слово "повар" она не будет применять ко мне никогда.

26. Как я просрал олимпиаду

2000 год. Оптический лицей. Весьма странное учебное заведение, канувшее в Лету уже через пару лет после того, как я окончил его. В современном мире наш лицей закрыли бы сразу же после открытия, он не прошел бы ни одной проверки департамента образования, да и родители вряд ли захотели бы отдавать туда детей.

Но тогда времена были другими, да и наш лицей изнутри смотрелся гораздо лучше, чем снаружи. Год, проведенный там, был одним из лучших годов моей жизни, и именно благодаря лицейю я поступил в ВУЗ (хотя до 11-го класса мне пророчили максимум ПТУ), ощутил тягу к знаниям и вообще получил путевку в жизнь.

Вот серьезно, не повернись моя судьба так, что я оказался в Оптическом лицее, сейчас я в лучшем случае был бы никем. Приемщиком стеклотары, или сотрудником мастерской по ремонту часов. Впрочем, учитывая, что руки у меня золотые, но растут из задницы – я был бы безработным. При ремонте часов у меня оставались бы лишние детали, а бутылки я бы постоянно бил.

Уровень образования в лицее был вполне приличным, учителя – любящими свою работу, но обстановка... Обстановка там была весьма специфической.

Начнем с того, что сам лицей базировался на территории режимного предприятия. На втором этаже цеха. Внизу гре-

мели станки и матерились рабочие, а наверху, за партами, которые помнили еще Сталина, учились мы. Да, у нас у всех были пропуска на режимный объект, дававшие нам возможность дойти от проходной до лица. Шаг вправо, шаг влево – расстрел. Отклонения от маршрута не допускались. На практике мы, конечно же, шарахались по всему заводу, и наши пацаны пили пиво в заводском долгострое. Хотя сам факт проноса алкоголя на военный завод был поводом для увольнения всего персонала проходной и начальника отдела безопасности за компанию.

В первый же день учебы я получил по морде. От души получил. С оттягом. Учебником геометрии. А все потому, что в первый же день наш директор, он же учитель геометрии, куда-то свалил, и всю пару (а уроки у нас были сдвоенными, без перемен, как в институтах) мы пинали балду. Кто-то кинул в кого-то скомканным листом бумаги. В ответ прилетел коробок спичек... Коробок был отбит учебником, и часть класса принялась играть спичечным коробком не то в теннис, не то в бадминтон.

Я сидел на первой парте. Коробок летел в мою сторону. Женька Шамаев с занесенным для удала учебником – тоже. На уровне моего лица траектории этих двух объектов пересеклись...

Дисциплина в лицее была едва-едва отличной от нуля. Пацаны курили на лестнице в туалет вместе с рабочими завода. На нескольких учителей, не особо одаренных педагоги-

ческими талантами, мы откровенно забивали, занимаясь на уроках какой-нибудь фигней.

Но при всем при этом мы были ЛИЦЕЕМ! Насколько я знаю, сейчас, чтобы называться лицеем, нужно пройти кучу проверок и продемонстрировать особые заслуги. Ну а тогда – наш директор создал школу из лома, палок и какой-то матери, назвал ее лицеем, заключил договор с НИИГАиКом о том, что выпускные экзамены лицея будут считаться вступительными в институт (да, это было до эпохи ЕГЭ), и все, Оптический лицей заработал!

И естественно в один прекрасный день выяснилось, что мы должны отстаивать честь нашего учебного заведения на олимпиадах по различным предметам. И апогеем этого стихийного бедствия стала олимпиада по валеологии.

Если вдруг меня читают нынешние школьники, скажите, у вас есть этот предмет? Вот у нас его не было, ибо то ли год, то ли два назад, министерство образования вдруг решило его ввести в школьную программу. Наука о здоровом образе жизни! О том, как правильно сидеть, питаться, чистить зубы и делать зарядку. У нас в лицее валеологию не преподавали... А выступить – надо! Честь лицея и все такое...

Валеология в Оптическом лицее... Это звучало фантастически. Несколько месяцев назад, перед Днем Лицеиста, мы с классной устраивали мозговой штурм, придумывая номер для выступления.

Марина Николаевна:

– Ребята, ну соберитесь. Нам нужен стих! Ну? Приходите к нам учиться...

Кто-то:

– Чтобы водки здесь напиться...

Марина Николаевна:

– М-да...

Имидж класса наш таков,

Нынче любят дураков!

В чем заключалась олимпиада? Не задачи как на физике или математике, а НОМЕР! Сцена о здоровом образе жизни!

Марина Николаевна оглядела 11а класс, выбирая команду лучших, которой предстояло порвать на британский флаг остальные школы Заельцовского района.

– Кто у нас самый артистичный? Игорь, Коля, Женя. Вы классно на день лицеиста "Тополиный пух" перепели. Едете на олимпиаду!

– А что мы там делать будем? – резонно спросили ребята, – Снова "Тополиный пух"? Как-то не в тему...

– М-да, нужен сценарий...

Взгляд Марины Николаевны упал на меня.

– Кирилл. Ты у нас писатель? Писатель. Сценарий на день лицеиста, опять же, здорово написал. Едешь на олимпиаду.

– Сроки? Продолжительность выступления? Декорации?

– 2 дня на подготовку. Остальное – как в твоей любимой физике.

– Все значения – константы?

– Нет. Планкова неопределенность! Кудряшов, дерзай!

За два дня я написал сценарий, оставив в нем место и для себя. Как Тарантино, я не собирался быть в своей пьесе главным героем, но роль себе выбрал яркую и нетривиальную.

Общая идея – мы презентуем школьную столовую будущего, где все продукты – исключительно полезные, и где для каждого, вне зависимости от его предпочтений и особенностей организма, найдется что покушать.

В столовую по очереди приходят то спортсмен, которому официант предложит блюдо с избытком белка, для набора мышечной массы, то усталый ботаник, которому нужно зарядить мозги, то... Барабанная дробь... Язвенник-невротик в исполнении вашего покорного слуги, который всячески старается выбесить официанта, и требует что-то СЛАДКОЕ, но без сахара!

– У меня *ulcus gastrica*! – сыпал я латынью на сцене, презрительно глядя на Женьку Шамаева поверх огромных очков в роговой оправе, – Мне нельзя есть что попало! Белки у меня усваиваются плохо...

И в итоге все посетители столовой будущего уходили сытыми, довольными и проникшимися духом валеологии.

Прекрасный сценарий, изобилующий латынью и изысканным юмором, артистичные друзья-раздолбаи, хорошее настроение и стремление отстоять честь школы. Что еще нужно для победы? Знание валеологии? Да нафиг она вообще нужна? Мы порвали всех! Первое место! Победа! Мы – луч-

шие!

– Вы вышли на городской уровень! – грустно сказала Марина Николаевна, – придется выступить еще и там.

– А почему так грустно? Нужен новый сценарий? – деловито поинтересовался я, крутя в руках ручку. +20 к боевому духу команды способствовали желанию победить и на новом уровне олимпиады.

– Нужен, но пишешь его не ты... Пришел приказ: для выступления за честь района объединяются две команды. Первое и второе место. Завтра едете в школу на Гагаринской, там вас возьмет под крыло завуч. Она – преподаватель валеологии с огромным стажем. Деятель образования и культуры. В вашей команде главная – она.

– Если она такая крутая, то почему у их школы второе место, а у нас – первое?

Марина Николаевна развела руками.

– И почему главная – она, а не мы? Ведь у нас же первое место?

Снова тот же жест.

Я вырос, сам поработал в школе и понял, почему главной должна была быть она. У нее были связи в департаменте образования...

Понурые и недовольные мы поплелись в указанную школу следующим вечером. Школа была образцово-показательной, не чета нашему выскочке лицу. Аквариум и телевизор на первом этаже. Бдительный охранник на входе. Современные

парты и чистые шторы... Все это было так дико и непривычно после мата рабочих и гула станков, после наших убогих парт и полного отсутствия штор...

Завуч была сама теплота и доброта. Милая, изящная женщина неопределенного возраста, свято верующая в свою непогрешимость. Хотите примерный визуальный образ? Долорес Амбридж. Роулинг словно в той школе училась...

– Итак, дети...

Наши лицеисты, каждый – метр восемьдесят, с трехдневной щетиной и мечтами о пиве в выходные, недовольно поморщились.

– Нам выпала высокая честь...

Закатали глаза не только мы, но и ее собственные ученики.

– Тематикой нашего выступления будут исконно русские мотивы. Хотелось бы, конечно, найти народные костюмы... Но времена нынче такие... Зато у нас будет звучное название. "Добродеи"! Этим мы подчеркиваем, что несем добро людям...

– И возмездие... – прошептал рядом Женька Шамаев, – Во имя Луны, мать ее...

– Вот, я тут набросала сценарий... Смотрите, выступление мы начинаем с песни.

"Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны,
Выплывали "Добродеи"..."

Дальше я не дослушал, потому что Женька шепотом закончил:

– И давали всем 3,14зды!

Мы слушали сценарий с выражением О_о на лицах, периодически хватаясь за голову. Если бы дело происходило лет так на 15 позже, в сценарии по-любому было бы пару строчек у духовных скрепах!

А наша завуч, войдя в раж, вещала о важности возвращения к корням, о народных мотивах, о истоках и прочем, прочем, прочем...

– Эм... Простите... – робко подал голос Коля Сурков. Тут важно понимать, что имя Коля рядом со словом "робко" я упоминал за годы знакомства с ним всего раз. Сейчас. Коля был здоровым лосем из весьма обеспеченной семьи. У него мобильник появился раньше всех в нашем классе!

Колю боялись окрестные гопники и окрестные учителя. Больше, чем Колю в лице боялись только Макса Никулина, но не потому, что Макс был злым или наглым. Это был добрейшей души человек, просто тоже лось, и весьма неуклюжий. Макс никогда не смотрел, куда бежит. А ходил Макс редко, обычно он бегал... Однажды они с Вовкой играли в парашу в коридоре цеха, и Вовка забежал от него в туалет, закрыв за собой дверь. Дверь Макса не смутила, он ее просто не заметил, и снес с петель, не успев затормозить. Впрочем, зная Макса, он, скорее всего, даже не пытался...

– Простите... А какое все это имеет отношение... Ну...

К валеологии?

– Ну а как же? Здоровый образ жизни возможен только при возвращении к корням, к истокам, к нашему прошлому!

– Эм... Простите еще раз, но... Вы уверены, что все это возвращение к корням оценит жюри? Ведь возможно оно будет мыслить... эм... Более узко, что ли? Мы-то, конечно, все полностью понимаем! Мы – прониклись и осознали... Но жюри...

– Хм... Николай... Возможно вы правы. Стоит, пожалуй, подстраховаться на случай присутствия в жюри людей, не осознающих важности истоков. Поэтому мы оставим вашу сценку со столовой. Она, пожалуй, была неплоха.

В общем, согласно итоговому сценарию мы сначала выплывали из-за острова на стрежень, что-то там пели про корни и связь с ними, а потом – плавно переходили к столовой будущего. Мы связи не видели. И подозревали, что жюри тоже не увидит. Ни нашей связи с корнями, ни связи корней и валеологии.

– Неплоха? – уже привычным голосом, безо всякой робости, ревел Коля по дороге к остановке, – Да она была великолепно! Да мы с Игорьком там так отжигали! А она... "Неплоха"! Ха!

– Просрем мы олимпиаду! – вынес вердикт Игорь Антонов. Как он был прав... Как прав...

На следующий день нас отчитывала Марина Николаевна. За что? За то, что наши пацаны пошли по привычке курить

в туалет. А школа – образцово показательная. Там вообще никто не курит, не говоря уж о том, чтобы делать это в туалете. Кто-то из учителей, унюхав запах дыма, принес нашим ребятам пепельницу!

Казалось бы, тут нам всем должно было стать стыдно, даже некурящему мне – стыдно за друзей. Но почему-то после простора речной волны и расписных челнов, стыдно нам было только за то, что мы во всем этом участвуем.

Примерно через неделю наступил день X. Точка встречи – отдел образования Заельцовского района. Там нас забирал автобус и вез в НГПУ, в актовом зале которого и должна была пройти олимпиада по валеологии.

Помню, в разговоре учителей и чиновников, я выхватил фразу о том, что автобус сделает две ходки. Сначала он забрет всех отсюда, увезет в Пед, а потом рванет в школу на Гагаринской и увезет туда оставшуюся часть команды, болельщиков и зрителей. Почему нельзя было выделить автобус покрупнее ПАЗика – я не знаю. Почему было столько желающих попасть на олимпиаду – не знаю и подавно. Но хорошо, что я услышал хотя бы этот кусочек разговора, потому что...

Часть народа расселась в автобусе, стартовать он должен был минут через 10. Часть – курила, бродила и тусовалась вокруг, как обычно и бывает, когда куда-то везут кучку неорганизованных старшеклассников и кучу еще более неорганизованных взрослых.

И тут у меня возникла проблема. Простите, что я о низ-

менном, но проблема была кишечного характера. И ехать с этой проблемой через весь город я совсем не хотел.

Мне было 16 лет. Я уже не был совсем уж скромным и застенчивым пареньком. Три учебных четверти в Оптическом лицее и памятный удар учебником по мордасам, здорово меня изменили. Но мне было 16 лет... Я был подростком с кучей комплексов, и еще только учившимся общаться со сверстниками, не говоря уже о взрослых. Сказывалось тяжелое детство в гетто и воспитание в однополой семье (мама + бабушка). Это сейчас я могу сказать: "Простите, я – срать! Не уезжайте без меня!" В 16 лет я банально постеснялся это сделать. Тем более, что проблема-то требует минутного решения. Ну, максимум пятиминутного. А минут у меня целых 10!

Не уедут же без меня, верно?

Я метнулся в туалет. Когда я вышел оттуда, я обнаружил...

Правильно, я не обнаружил ничего и никого. Автобус уехал. Мои одноклассники, мои коллеги-олимпийцы-валеологи, уехали, начисто забыв про меня.

Знаете, это был полезный опыт. Я считаю, это чувство должен испытать каждый. Оно помогает понять твою ничтожность перед превратностями судьбы. Помогает осознать то, что ты – песчинка, в бурном потоке мироздания. Что ты – муха в самолете! Голубь в урагане "Катрина".

Оно помогает понять, что ты только что просрал олимпи-

аду, и в перспективе можешь просрать всю свою жизнь.

Чтобы не просрать жизнь нужно что? Правильно, собраться! Я собрался, встряхнулся, вспомнил про две ходки автобуса, и поехал в школу на "Гагаринской", в которой я не знал никого. Моя близкая к нулю память на лица не позволила бы мне даже опознать ту завучиху с ее духовными скрепами, если она будет в другой одежде. Представляете, какой это стресс для застенчивого подростка: приехать в чужую школу (в моем родном гетто визит в чужую школу вообще мог закончиться парой переломов), найти там хоть кого-то, кто в курсе ситуации с поездкой на олимпиаду, и уехать в автобусе в Пед с чужими людьми?

Это вам не в маршрутке крикнуть "Остановите на следующей!"

Напоминаю, 2000-ый год, мобильник – только у Коли Суркова из всего класса. Связаться с учителем – никак.

И я поехал...

Опущу все подробности моей короткой поездки. Благо, топографическим кретинизмом я не страдал никогда, и, пройдя по маршруту один раз, без проблем повторю его в любой момент. Школу я нашел легко...

Опущу подробности и робкого разговора с охранником, который смутно знал, что какая-то олимпиада где-то будет, и кто-то куда-то едет. Впав в отчаяние, я просто уселся в уголке на первом этаже и стал ждать появления ПАЗика...

Спустя примерно час ПАЗик появился. Учительница, от-

вечавшая за нашу доставку на олимпиаду, всплеснула руками, увидев меня!

– Кирилл, ну е-мое! Прости меня, пожалуйста! Я не думала, что ты можешь куда-то деться... Молодец, что сюда добрался! Поехали!

В дороге меня немного отпустил стресс, и ко мне даже вернулась способность шутить.

– Знаете, мне на олимпиаде сегодня не придется играть невротика...

– Да...

– Я и так весь на нервах... Что???

– Да, ты ж не в курсе... Ваша главнокомандующая уже там. Она по дороге изменила сценарий. Вашу сценку со столовой будущего вырезали...

– В СМЫСЛЕ???

– Ну... Она решила, что останутся только "Добродеи" с их расписными челнами...

– А наши ребята? Коля, Женька, Игорь? Я? Нафига мы там тогда вообще?

Я аж задрожал от возмущения. Это же НАША олимпиада! Это у нас первое место, а у них – всего лишь второе по району! А она так внаглую проталкивает своих учеников...

– Ну, наших парней она оставила в команде. Говорит: поют здорово!

Зачем я вообще поехал на "Гагаринскую"? Зачем прибил-ся обратно к команде? Лучше б уж я просто поехал домой,

чтобы не быть свидетелем этого позора... Щас еще нашу надо мной ржать начнут: "Вот ты, Кудряшов, засранец..." Ну как так-то, вашу ж мать, а? За что мне это все?

Меня не пустили за кулисы к своим. Некогда. Они там готовятся. Репетируют, получают последние указания. Меня усадили в зал, как простого зрителя. Меня, автора сценария "Столовой будущего", занявшей первое место по району. Меня, с моим *ulcus gastrica*! Такого обязательного невротика, которому Женька Шамаев должен был предложить молочную кашу и маковый рулет...

Как так?

Нет, надо мной никто не смеялся. Про мой конфуз даже никто не вспомнил. Не до того было... Олимпиаду мы просрали с треском, заняв одно из последних мест. Жюри ожидаемо покрутило пальцев у виска, увидев поющих о корнях и истоках "Добродеев". Где валеология? Где здоровый образ жизни? Тьфу!

В молчании мы ехали домой, думая каждый о своем... С районной олимпиады мы возвращались со щитом, а с городской – на щите.

Чему меня научила эта история? Трем вещам. Во-первых – настороженно относиться к инициаторам внедрения корней, истоков и скреп, а во-вторых – всегда носить с собой "Иммодиум". На всякий случай...

Ну а в-третьих – тому, что никакой "Иммодиум" не спасет ваше событие от спуска в унитаз, если главенствует в нем

фанатик с расписными челнами.

"Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные,
Острогрудые челны.

На первом Стенька Разин.
Стенька Разин на втором.
И на третьем Стенька Разин.
На четвертом тоже он!

А на пятом тоже Стенька.
Стенька Разин на шестом.
На седьмом же тоже Разин.
Стенька Разин на восьмом!

На девятом проплывает.
На десятом он опять.
На одиннадцатом – Разин,
И на двенадцатом он, @ля#ь...

С тех пор эта песня почему-то навевает на меня грусть...

27. Сортирные истории.

Мои коллеги называют этот жанр "Сортирные истории". Начинаются они обычно с того, что я возвращаюсь в офис и произношу "Вы простите, что я о низменном, но..."

Вот вам две сортирные истории. Одна – офисная, другая – из культурного заведения.

Вы простите, что я о низменном, но...

История №1.

Офисный туалет. Две кабинки. Одна – занята. Судя по положению ботинок за дверью – там кто-то сидит.

Захожу во вторую. Стою. Делаю свои дела... Из соседней кабинки раздается характерный кишечный звук... И ничего не предвещало беды, но именно в этот момент "Сбербанк" решил уведомить меня о том, что мне одобрен очередной кредит. Уведомить смской...

"Ну началось!" – зычно сказал в кармане мой телефон.

Секунд на тридцать отправление естественных надобностей было прервано и мной, и чуваком из соседней кабинки... Мы ржали.

История №2. Театральная.

Театр "На Левом берегу". Уборная. Несколько кабинок в ряд, но, видимо, чтобы увеличить в очень тесном пространстве количество посадочных мест, кабинки были сделаны ну очень узкими. Как в том стихотворении про современные квартиры: "Зато в квартире туалет, в которыйходишь задом!" Вот серьезно, развернуться в нем проблема. Особенно с поправкой на то, что за спиной у меня рюкзак.

Вхожу в кабинку, пытаюсь закрыть за собой дверь, но из-за того, что пространство слишком узкое – выходит у меня это очень неловко, и дверь я закрываю слишком резко.

Пустой туалет с высокими потолками. Обшитые кафелем стены. Эхо – как в пещере! И я со всей дури хлопаю дверью!

Звонящая тишина в пустом, как мне казалось, туалете, и секунду спустя – голос из дальней кабинки:

– Ну... Зато запор прошел.

28. Почему я – Кирилл?

Стою в садике, жду, когда мелкий оденется. Звонит мобильник.

– Добрый вечер, Кирилл на связи.

Я ж деловой человек, я терпеть не могу тех, кто говорит в телефон безликое "Аллё"! Понятное дело, если номер знакомый – я скажу что-то совсем другое. "Привет, сексуальная красотка", или "Здорово, ночная фурия!" Последнее всегда адресовано брату, который год назад лишился части зубов в абсолютно идиотской уличной драке, которую сам и затеял, и заработал тем самым прозвище Беззубик.

Ну а если номер незнакомый, то официально и по-деловому...

А в трубке – весьма озадаченный и потерянный голос:

– Эм... А... Э... А почему вы – Кирилл?

Теперь уже озадачиваюсь я.

– Мама так назвала. А кем я, по-вашему, должен был быть?

Тут стоило бы рассказать моему собеседнику всю историю происхождения моего имени. Например о том, что мама вообще-то хотела назвать меня Силантием, но Бог миловал, передумала... Но я тоже порядком растерялся от такого начала разговора, и не спросил.

– Эм... А... А почему вы – не Владимир?

– Ну, раз уж мама назвала меня Кириллом – значит, ничего менять не стоит, правильно? Даже не смотря на то, что Кирилл довольно неприятно рифмуется.

В такие моменты я всегда думаю, что хорошо, что я не Антон... Им в детстве приходится еще тяжелее. Но тут уже я понимаю, что к моему разговору это явно отношения не имеет.

– Эм... Кирилл, а где вы работаете?

– Уважаемый, – начинаю терять терпение я, – А давайте теперь я задам вам пару вопросов? Почему вам бы хотелось, чтобы я был Владимиром, и где, как вам кажется, Владимир должен работать?

– Простите. Да, я это самое... Эм... Просто я думал, это телефон "ЮНИТ КС".

Происходящее становится чуточку понятнее. В "ЮНИТ КС" я работал 8 лет назад. Ушел оттуда, когда компания зашаталась, и задержки зарплаты превысили месяц. Вовремя ушел, потому что шаталась компания все сильнее, и год на-

зад накрылась тазом окончательно. Ну и первые несколько лет после моего увольнения мне периодически звонили на сотовый, находя его на всяческих форумах и просто в базах, где я был отмечен как "Кирилл ЮНИТ".

– Ааааа, "ЮНИТ" ... Дык он помер год назад!

– ВОЛОДЬКА? – в ужасе вопрошает мой собеседник?

– Да не, Володька живой!

– Слава Богу! – облегчение прям хлещет в трубку, как бы пошло это сейчас не звучало.

– Если вам нужен Володька, так он сейчас в "ИПЕКСИ" работает. Еще какая-то часть сотрудников ушла в "Зазеркалье". Не в смысле к Алисе, а в смысле, к давнему конкуренту "ЮНИТа".

– Понятно, спасибо! – к чуваку наконец-то снова вернулось самообладание, – А вы в какой сфере работаете?

– В смежной с той, в которой я работал в "ЮНИТе". Продаю офисную технику!

– О! А принтеры продаете?

А чувак – молодец! Хороший продажник. Видишь возможность – продавай!

– Увы, тут я вас вынужден разочаровать. Не продаю. И встречный вопрос: переплетчики, ламинаторы, резаки – хотите?

– Не, это не наша тема. Принтеры и картриджи – наше все.

На том и попрощались... Но мысль о том, почему я – Кирилл, накрепко засела в моей голове.

29. Нож в руке

Захотел я как-то на работе съесть яблоко...

Как и у всякого нормального маньяка у меня с собой всегда нож. Нет, не громадный тесак мамыши Вурхес. Швейцарский перочинный нож, который не раз меня выручал... В нем и штопор, которым я как-то отбился от стайки гопников, и несколько лезвий, и ножницы. Впрочем, если вы читаете меня регулярно – о моем ноже и его презентации полицейскому в метро вы уже знаете.

Им-то я и решил порезать яблоко.

Порезал, съел... Пошел в туалет помыть свое оружие убийства. Прохожу по офису, меня провожает взглядом Таня, и видимо рефлексивно выдает:

– А зачем тебе нож?

– Вам! – вспомнив старый добрый анекдот, поправляю ее я.

– Чо?

– Зачем ВАМ нож! К человеку с ножом лучше обращаться на "вы".

Но нет, история не об этом... Иначе она была бы слишком скучной и короткой. История о другом.

Опять же, если вы читаете меня давно, вы знаете, что я люблю готовить. Правда, полюбил я кулинарию уже в зрелом возрасте, и начал сразу с оригинальных и необычных блюд,

вроде утки по-пекински, лягушачьих жопок по-французски, осьминогов по-средиземноморски. Многие простые блюда, которые можно считать базовыми, я в начале своего пути к плите пропустил, и начал осваивать их уже потом, что регулярно вызывало гомерический хохот у супруги.

То есть я, способный вкусно запечь цельного карпа, впадал в ступор, готовя банальный суп. Потому что... "А сколько вообще варится курица на бульон?" Однажды я взорвал яйца, кинув их в кипяток, логически рассудив, что если так поступают с пельменями, то и яйца стоит варить также. Я не знал, что макароны слипаются, если просто оставить их после варки. Не знал, что в пельменный фарш не добавляют хлеб... Ведь в котлетный же добавляют? Так какая разница?

В общем, курьезов было много, но этот переплюнул все.

К приезду в гости дорогой подруги, я решил приготовить домашние макароны с куриными тефтельками в сливочном соусе. Причем тефтельки были не простые, а с сюрпризом, с шариком моцареллы внутри.

Процесс вовсю шел, и шел хорошо, но тут на кухню заглянула хмурая и помятая жена, маявшаяся в тот день повышенным давлением.

– Ты сейчас опять на раз поесть приготовишь. А чего ты завтра на работу возьмешь? У меня еще котлеты есть, а вот гарнира нет... Сделай картофельное пюре, пожалуйста!

Да легко! Я же профессионал! Мне пюре сделать, как два пальца отрезать!

Картошка оперативно почищена, варится, надо бы растопить в молоке кусочек сливочного масла... Но для этого нужно отколоть небольшой кусочек масла от большого.

Что сделает нормальный человек? Возьмет разделочную доску, положит на нее масло и отколет, верно? Но доску потом надо мыть, а мыть – лень. Настя скоро приедет, а у меня еще тефтели не готовы. Сэкономлю-ка я время, и откажусь от доски!

И вот я, как и подобает хроническом ебалаю, кладу на левую ладонь кусок масла, в правую руку беру нож, примеряюсь, и втыкаю нож в замороженное масло.

Короткая вспышка боли, кусок масла, естественно откалывается, как и было задумано, а я озадаченно смотрю на небольшой бугорок на тыльной стороне ладони. Почти насквозь руку проткнул... Сложенная лодочкой ладошка начинает наполняться кровью.

Откладываю в сторону нож и масло, иду в спальню к жене, аккуратно держа правую руку под левой, чтобы не залить пол кровью.

– Дорогая, ты не могла бы мне помочь?

В спальне полумрак. Когда у Светы скачет давление, она превращается в вампира, не выносящего яркого света.

– Кирилл, мне как бы хреново вообще-то. Что такое?

– Да тут такое дело...

Она замечает мое странное положение рук. Крови уже полная ладошка, на заботливо подставленную правую пада-

ют первые алые капли.

– Что у тебя с рукой?

– Да я тут это... Того... Случайно нож в руку воткнул. Ты не могла бы покатасть за меня тефтели? А то они получатся чуть более сочными, чем хотелось бы. И не только куриными...

Света тяжело вздохнула и ушла на кухню, катать тефтели, ну а я пошел заливать ванну кровью, промывая рану. Наша ванна вообще видела в своей жизни много крови. Здесь жестоко убивали карпа, разбрызгивая кровь по стенам, здесь света перевязывала меня, после лечения пиявками... Я выглядел так, как будто мне в спину дали очередь из автомата, причем кровотечение не останавливалось вообще. Ничем!

В этот раз крови было меньше, конечно...

– Шов накладывать надо? – раздался позади меня загробный голос супруги. Когда верхняя цифра давления у нее пробивает отметку в 160, голос у нее становится очень даже загробным.

У Светы есть один большой минус. Она бесшумная, как электромобиль. И она обожает внезапно положить мне руку на плечо, во время просмотра ужасов, или положить мне в раковину тарелку, подкравшись со спины, когда я, полностью поглощенный мыслями о чем-то своем, мою посуду. Вот скажите, что бы вы ощутили, если бы тихо и мирно мыли посуду, а тут к вам в раковину протянулась рука? Уж лучше бы голос из водостока, честное слово.

– Дорогая, у меня, кажется, рубец образовался... – выдохнул я.

– На руке?

– Нет, блин, на сердце. У меня от твоей манеры подкрадываться – инфаркт будет! Спазмы гонорарных сосудов, в рот тебе ноги.

В общем, обошлось все. И сердце, привычное ко всему, выдержало, и рана оказалась не такой широкой, все прекрасно срослось и без кройки и шиться. Но как же удивилась Настя, когда ее встречали на пороге бледная Света-гипертоник, и я с перебинтованной рукой.

– А мы к твоему приходу ужин готовим! – сказала Света.

– Из Кирилла? – спросила Настя, косясь на мою руку.

В общем-то на этом история о ноже в руке и закончилась, но вот история о базовых кулинарных навыках неожиданно обрела продолжение пару лет спустя.

Настя эмигрировала в южные регионы страны. Ну, южные – относительно Новосибирска. В Барнаул. В Барнаул же собрался на гастроли и я. Выступить в одном тамошнем антикафе. Остановиться нас с Катей, еще одной моей подругой и коллеге по выступлению, пригласила к себе Настина подруга Снежана.

Наслышанная о моей страсти к кулинарии, Снежа поставила только одно условие: "Кирилл, я хочу от тебя еды!"

Блюдо на вечер я выбрал то же, которым потчевал Настю в тот злополучный вечер. Тефтели с моцареллой, только не

с домашней лапшой, а с магазинной, и не в сливочном соусе, а в томатном. Вечером после выступления мы завалились к Снежане домой, затаренные едой и пивом, и приступили к готовке.

Учитывая, что утро я провел в дороге, а большую часть дня – в шатании по Барнаулу, я остро нуждался в водных процедурах. Поэтому, распределив задачи на кухне, я полез в душ.

– Пока я там плещусь, нарежьте лука, и почистите чеснока и помидоров!

Сколько времени я провел в душе, наслаждаясь горячими струями воды? Минут 10-15. наверное. Вполне достаточное время для того, чтобы три девушки на одной кухне справились с поставленными задачами. Но... Когда довольный и чистый я вышел из ванной, меня ждала удручающая картина. Девчонки, со слезами на глазах, чистили помидоры. И я не знаю, что было причиной слез... Конечно, стоящая на столе тарелка нарезанного лука – это безумно трогательно, но по моему плакали они все же от своих безуспешных попыток почистить помидоры. Один помидор кромсала ножом Снежана, другой скребла ногтями Настя, третий ласково гладила овощерезкой Катя...

– Вы что, все трое никогда в жизни не чистили помидоры??? – возопил я, включая чайник. Все дальнейшее заняло несколько минут. Обдать помидоры кипятком, и в два движения снять с каждого его мерзкую кожицу, которая нам в

соусе ну просто нафиг не сдалась.

В этот момент я вспоминал все свои трагически ошибки, совершенные на кухне. Взорванные яйца, недосоленные (и пересоленные) супы, сухие отруби, добавленные в хлеб, и прочее, прочее, прочее... Но не смеяться, глядя на вытянувшиеся лица девчонок, увидевших, как легко чистятся ошпаренные помидоры я не мог.

– Зато никто из нас себе нож в руку не воткнул! – не осталась в долгу Настя.

И ведь была права...

30. Азарт

Я – довольно азартный человек. Причем азартен я вполне безопасно. Я не могу спустить деньги в игровой автомат – меня задавит жаба. Я не поспорю на глаз, что друг мне руку не сломает – я достаточно адекватный для этого. Я не поставлю на кон в картах квартиру, жену или собственную задницу. Тормоза у меня работают...

Но вот в каких-то мелочах – отключаются начисто.

– Ты весь день дома сидел, я специально детей с собой забрала, чтобы тебя ничто не отвлекало, и ты мог без помех работать. Много написал?

– Эм... Два абзаца.

– А остальное время что ты делал? Убирался? Готовил?

– Эм... Играл.

– Во что? В ту дебильную игрушку про "три в ряд"?

– Ага... Там понимаешь... Было соревнование... Ну и китаец лидировал... А я не могу уступить китайцу! Я же их ненавижу!

– Ну и как?

– У китайца второе место. У меня – первое.

– Герой... Сколько времени потратил?

– Шесть часов...

– На кой черт ты купил 22 "Чупа-чупса"?

– Акция была в "Магните"! Если ты купишь за неделю 50 позиций, не важно, по какой цене – в следующем месяце у тебя кэшбэк по карте 2%!

– И сколько стоили эти "Чупа-чупсы"?

– 150 рублей в общей сложности... Мне как раз 22 позиций не хватало до 50!

– Ну и примерно, учитывая наши средние траты в неделю, сколько это 2% от покупок на следующей неделе?

– Ну... Примерно 150 рублей.

– А в чем выгода?

– В "Чупа-чупсах"!

– Усосаться!

– Кирилл, помой посуду, а?

– Я не хочу.

– Я тоже!

– Давай решим это по-взрослому?

По-взрослому – это сразиться в "Камень-ножницы-бумага"! На работе мы так делим клиентов. Дома – решаем, кто моет посуду. Причем вне зависимости от того, выиграл я, или проиграл – я буду счастлив. Потому что азарт! Потому что так веселее!

Видели бы вы лицо продавца в магазине, когда мы с подругой в Томске решали по-взрослому, что у нас будет сегодня на ужин!

– "Синдром Стендаля" – это Дарио Ардженто!

– Да не, его кто-то другой снимал.

– Ардженто! Забьемся на щелбан?

"Забьемся на щелбан" – это мое все. По каждому поводу, по которому со мной кто-то не согласен, я рвусь забиться на щелбан!

Редко-редко ставка может быть повышена до бутылки,

или еще какой-нибудь ерунды. Кстати, мне вот уже года полтора, как надо в Йошкар-Олу. Проиграл бутылку эля подруге... Не по почте же ее пересылать, верно? Даже если ее максимально надежно упаковать – хороший эль требует правильных условий транспортировки. А рядом с этим словосочетанием слова "Почта России" обычно не употребляются.

Чтобы я поспорил на что-то глобальное и серьезное – я должен быть либо абсолютно уверен в победе, либо... Либо у меня должны отключиться тормоза. В тот день они и отключились.

Место действия – съемная квартира в Красноярске. Персонажи: я, любимая жена и лучшая подруга. Тема беседы – "Кирилл, по-моему ты поправился!" Состояние – блаженная усталость после целого дня гуляния по Красноярску, плюс легкое подпитие.

– Кто поправился? Я поправился? Ну да, чутка... 96 кило – это немного больше моего оптимального веса.

– И что ты собираешься предпринять в связи с этим?

– Допить эту бутылку.

– И?

– И все.

– Ясно. Слабо тебе похудеть...

– Кому слабо? Мне слабо? Да я в любой момент могу похудеть!

– Да-да, я помню. А еще ты хоть завтра можешь новый "Мерседес" за 100 тысяч купить.

– Стоп, – вмешивается в беседу Катя, – "Мерс" за 100 тысяч?

– Да. Могу. Хоть завтра!

– 100 тысяч рублей?

– Ага.

– А почему не покупаешь?

– А никто не продает!

– Вот так и с похудением, да? Можешь хоть завтра, но не хочешь?

– Ну, завтра не могу, тут время нужно, диета... Ну, за месяц я бы килограмм 10 сбросил.

– Слабо!

И тут что-то пошло не так... Тормоза отказали.

– Мне слабо? ЗАБЬЕМСЯ???

– А забьемся! – подскочила на кровати Света, – На щелбан?

Тут я начал понимать, что сболтнул что-то лишнее... Но если тормоза у меня есть, то задняя передача отсутствует напроць. Тронул фигуру – ходи.

– Тут тема серьезная, щелбан – это как-то слишком мелко.

Надо подумать, на что забиться...

Следующие полчаса мы обсуждали, что может быть достаточной ставкой в таком интересном споре.

– Если я выиграю, – предложил я, – Я иду учиться летать на планере!

Маленькая историческая справка: я люблю все, у чего есть

крылья. Ну, кроме голубей и страусов. Я хочу летать! И в идеале – не пассажиром, а вполне себе полноценным первым пилотом. Хоть на АН-2! Хоть на планере, у которого хоть и нет двигателя, но который грациознее многих самолетов будет. Детей у нас тогда, в 2013-м году, еще не было, так что я вполне мог позволить себе на протяжении нескольких месяцев тратить все выходные на обучение. Цена вопроса – около 150 тысяч рублей. Для понимания масштабов суммы – это примерно две недели отдыха вдвоем в теплых краях в режиме "Ни в чем себе не отказывай".

– Согласна! – протянула руку Света, – а если выиграю я... То ты... Ты... Ты будешь сам гладить свои рубашки. ДО КОНЦА ЖИЗНИ!!!! НАВСЕГДА!

Маленькая историческая справка: даже сейчас, освоив эту науку, и оперируя крутым утюгом с парогенератором, я трачу на каждую рубашку минут по 10. А тогда я считал, что эта задача в принципе не имеет решения в плоскости. Попытка погладить рубашку для меня заканчивалась в лучшем случае парой ожогов. В худшем – нервным срывом и запоем.

Ангел на правом плече шептал: "Не ведись! Ты только представь: НАВСЕГДА! Если ты проиграешь, ты ВЕЧНОСТЬ будешь гладить свои рубашки сам! ВЕЧНОСТЬ, понимаешь? До конца жизни!"

Демон на левом плече орал мне в другое ухо: "АЗАРТ!!! ИГРАЙ!!! СОГЛАШАЙСЯ!!!! БУДЕТ ВЕСЕЛО!!!!"

Никто из них не верил в то, что я выиграю. Ни ангел, ни

демон. Ни Катя, ни Света.

А моя кровь уже вскипала от предвкушения ИГРЫ!

– СОГЛАСЕН! – воскликнул я, протягивая руку в ответ, – Забились?

– Забились! Катя, разбей!

На календаре было 19 сентября. Я весил 96 кило. К 19 октября я должен был весить 86, или до гроба жизни гладить свои рубашки.

Квест стартовал.

Вернувшись в Новосибирск, я рванул в магазин за месячным запасом льняной каши и льняного же масла. Обнаруженная на полках клетчатка и льняная мука также пошли в дело. На месяц я отказался от сладкого и алкоголя. Минимизировал мясо и отказался от жареного, оставив в своем меню только вареное и печеное. Программа максимум также предусматривала ходить на работу и с работы пешком, по широкой дуге обходя кондитерские и булочные.

Зная, как я люблю пожрать, жена заранее торжествовала победу. И изысканно издевалась.

– Дорогой, ужинать будешь?

– Нет, спасибо.

– Да ладно тебе, еще даже восьми нет...

– Никакой еды после шести.

Главной проблемой оказалось именно отсутствие ужина. Я не привык засыпать голодным. Учитывая, что за пару лет до этого спора у нас в доме появилась хлебопечка, ужин

обычно представлял из себя кусок свежего белого хлеба со стаканом молока или какао... Думаю, вы понимаете, почему свои лишние 10 кило я набрал как раз за эти пару лет?

Теперь, придя с работы, я пил кефир. На ночь, когда было совсем невмоготу – готовил себе льняной кисель. Чайная ложка льняной муки, разбодяженная в стакане теплой воды. Сделав глоток этой гадости, жена меня даже пожалела, и предложила сдаться прямо сейчас.

– Русские не сдаются! – гордо провозгласил я, и, закрыв глаза от ужаса, опрокинул стакан этой серой кашицы.

– Все, я спать, пока желудок не понял, что его облапошили.

Желудок протестующее урчал. Я ворочался, гнал от себя мысли о вкусном белом хлебушке, бил себя по ногам, порывавшимся встать и идти на кухню за едой, и пытался уснуть.

Пытался считать баранов, но вскоре понял, что от этого становится только хуже. Бараны вскоре начинали не прыгать через забор, а перелетать через него. Запеченные целиком на вертеле барашки, истекающие жиром...

Первые несколько дней чувство голода было со мной всегда. Я засыпал голодным, голодным спал, видя сны о шашлыках, отбивных и запеченных утках, и просыпался голодным. Ненадолго заглушал голод тарелкой льняной каши, обильно запивал ее пуэром, ускоряющим обмен веществ, и ехал на работу. То ли пуэр так ускорял обмен веществ, то ли льняная каша в принципе была для моего желудка как дробина

для гориллы, но голод я начинал чувствовать, уже дойдя до остановки.

Дальше – работа. Как-нибудь дотянуть до 11 часов, и сожрать контейнер салата. Помидорки, огурчики, обильно приправленные льняным маслом. И снова голод, до 14-00. Если совсем не вмоготу – вода или чай. Интересно, сколько в чае калорий? Я смаковал его, представляя, что в кружке свежее парное молоко. Психосоматика рулит, на какое-то время желудок даже переставал урчать.

Обед... Наконец-то мясо! Отварная куриная грудка, или отварной же кусок говядины. С гречкой. Пресной, без соли и масла. Ах, какая она вкусная, гречка эта, когда весь день нормально не жрамши... На полдник, если совсем не вмоготу – снова тарелка льняной каши, ну а дальше – вечер. Нужно как-то выжить, и уснуть, игнорируя настойчивые требования желудка положить в него хоть что-нибудь!

За первые же три дня диеты я сбросил три килограмма. 30% успеха! Мысль об этом помогала мне держаться в первые, самые тяжелые и голодные вечера.

– Ну что, дорогая, готовь деньги! Я буду летать!

– Три кило за три дня? Я тебя умоляю... Я сидела на диетах, я знаю, как легко сходят первые три килограмма. Это ты просто покакал хорошо, с чем я тебя и поздравляю. Дальше будет сложнее.

Да, дальше пошло сложнее. К исходу первой недели я сбросил четыре кило.

К исходу второй – шесть. Статистика была в мою пользу, я шел с опережением графика.

К исходу третьей – восемь. Оставалась неделя и два килограмма, которые, правда, никак не хотели уходить.

Все друзья восхищались тому, как я похудел. Первым, что бросалось в глаза, были мои исчезнувшие щеки. Правда вторым, на что все обращали внимание, был голодный и слегка безумный блеск моих глаз. Вскоре я подметил, что девушки стали бояться оставаться со мной наедине.

– Ты так посмотрел на мою попу... – сказала мне одна подруга. Да, интерес к филейным частям у меня был далеко не эротический. Но видела бы она, как я смотрел на куриные ляжки на полках магазинов... А уж что творилось у меня в душе в мясном отделе – вообще не передать словами.

Вес встал. 88 килограмм и 6 дней до окончания спора.

88 килограмм и 5 дней... Стрелка весов намертво застряла на этой цифре, и упорно не желала с нее сдвигаться.

Я уменьшил порции мяса, увеличил количество льняного масла... Взгляд стал еще более голодным.

На работе меня вызвала к себе в кабинет начальница.

– Сколько тебе осталось? – спросила она.

– До смерти? Надеюсь, что еще хотя бы лет 50. Но подозреваю, что несколько дней.

В животе у меня что-то заворчал. Судя по звуку – это был разъяренный гремлин. Или медведь, которому наступили на тестикулы.

– До часа X. До конца спора.

– 5 дней. И, кажется, я проигрываю. Вес не уходит.

– Попробуй касторку. Съешь сразу несколько пилюль...

Прохватит будь здоров! Килограмма два из тебя выйдет только так.

– Лена, во мне уже ничего не осталось.

– Это ты так думаешь! Попробуй касторку... Тебе же в конечном итоге важно контрольное взвешивание, верно? А то, что эти два килограмма вернуться через пару дней – уже не так страшно. Ты выиграешь! Еще в сауну можно сходить... И мочегонного выпить. Сделать себе обезвоживание...

Я представил, как добавляю к сосущему голоду еще и бесконечную жажду, и меня передернуло.

– Ты мне еще кровопускание сделать предложи.

– А что? На сдаче крови берут 400 мл. Ты разом похудеешь на 400 грамм.

– Идея хорошая...

В тот день я отказался от гречки. Съел кусок отварной куриной грудки, обильно запил чаем...

Вечером, пошатываясь, взобрался на весы.

88 килограмм. Выдохнул... Стрелка не пошевелилась. Из гардероба мне помахала рукавом рубашка. "Пропью, падла!" – сказал я ей, и показал ей кулак. Рубашка испуганно спряталась обратно в шкаф. Судя по всему от голода начались галлюцинации.

На следующее утро я уполовинил дозу каши, и не взял с

собой обед, чтобы соблазна не было. Кое-как дотянув до вечера, взгромоздился на весы, и возликовал: 87,5. Оставалось 4 дня и полтора килограмма.

Касторка, мочегонное и донорство... Нет, донорство отпадает. Света увидит повязку на руке, и обвинит меня в нечестной игре. Да и с сердцем у меня не все гладко: загремлю в больницу, и все, там льняной кашей меня кормить точно никто не будет. Разжирею на больничных харчах. Значит, остается касторка и мочегонное...

За моей спиной грустно вздохнула Света...

– Кирилл, ты знаешь... Я за тебя волнуюсь.

– Боишься, что я на планере разобьюсь?

– Нет, боюсь, что ты в оборок грохнешься по дороге на работу.

– Фигня, блокадники и не такое переживали...

– И, между прочим, далеко не все пережили. Слушай, может это... Того? Мировая?

– Третья мировая? Из-за меня? Уже идет? Ах, идиот... – азарт снова вспыхнул в моей крови, но быстро погас. Гореть там уже было нечему. Энергии оставалось только на то, чтобы дойти до кровати. – Какая мировая? Я почти выиграл!

На моем правом плече снова материализовался ангел, который зашептал мне на ухо: "Соглашайся, придурок! Лучше расторгните спор, пока не поздно! Ты же видишь, ты проигрываешь..."

На левом плече зашевелился демон: "Она предлагает ми-

ровую потому, что боится проиграть! Не сдавайся!"

Света протянула мне руку:

– Ну что? Аннулируем спор? Я по-прежнему глажу твои рубашки, а ты – не тратишь все наши деньги на полеты?

Я покосился на ангела. Тот кивал. Покосился на демона. Тот свернулся в комочек от желудочных резей и, кажется, тоже кивал. А может просто бился в припадке?

В животе снова взвыли белугой голодные гремлин с медведем.

– Аннулируем! – воскликнул я, пожимая руку.

– Я тут свинину пожарила... Будешь?

– Буду! И коньяка мне налей.

Я так и не пошел учиться летать... Но и рубашки я глажу лишь по собственному желанию, а не по проигранному пари. Хоть и давно нашел решение этой задачи в плоскости.

А еще я похудел на 8 кило за 3 недели.

Хотя потом наел все обратно, конечно... Возможно, жрать я действительно люблю больше, чем летать?

31. Ветрянка

2016 год я до сих пор вспоминаю с дрожью. Этот год пытался меня убить. Как в мае начал, так до декабря и молотил меня как Мухаммед Али на ринге. Удары сыпались со всех сторон, и были настолько разноплановыми, что сгруппироваться и подготовиться было нереально. То по психике, то

по печени...

В декабре год осознал, что он скоро заканчивается, а я – все еще жив, и пошел в решающую атаку, швырнув в меня ветрянку.

С момента рождения Стаса я панически боялся того, что однажды он принесет из садика ветрянную оспу, и заразит меня. А я не болел в детстве ветрянкой! Меня вообще миновали все детские болезни, а заодно и большинство прививок. Да, моя мама, врач, терапевт с огромным стажем, не позволила меня ничем привить, и в садик я отходил всего несколько недель. До первой простуды. После чего из садика я был забран, и до самой школы сидел с бабушкой.

Фиг с ним, что в школу я пришел странным и нифига не социализированным. Это все уже позади, я как-то выжил... Но вот переживу ли я ветрянку, уверен я не был.

На случай, если кто не знает, во взрослом возрасте ветрянка переносится на порядок тяжелее, чем в детстве, ну а если вас угораздит впервые подцепить ветрянку на старости лет – это уже очень вероятный билет на тот свет.

Ветрянка в 30 лет – это температура под 40 на протяжении недели, это осложнения чуть ли не на все внутренние органы, несколько дней в бесспамятстве и пара недель в инфекционной больнице. На этом фоне рубцы от оспин на лице – такая мелочь, что они не заслуживают даже внимания. Выжить бы.

И вот в конце ноября возвращаюсь я домой, а жена мне с

порога: "У Стаса ветрянки!"

Первой моей реакцией было развернуться и поехать обратно на работу. И жить там 21 день, не появляясь не то, что дома, но даже и в своем районе.

Даже если ветрянки не ударит по мне всей мощью (в чем в 2016 году я сильно сомневался), если я останусь жив – все равно как минимум на неделю я лягу на больничный. А в конце года полиграфист этого себе позволить не может. С октября по декабрь у нас СЕЗОН! Это время, когда на работе такой завал, что порою в туалет сбегать некогда. Время шквала заказов, время перевыполнения планов в три раза. Время зарабатывать деньги!

Но выбора нет. Как-то нужно было жить под одной крышей со стремительно покрывающимся пятнами и зеленеющим ребенком.

Я нарисовал вокруг своего стола пентаграмму и строго-настрого запретил пересекать ее границы. Едва придя домой, я запаливал аромалампу с маслом пихты или эвкалипта. Я не ел за общим столом, тщательно мыл посуду не только после еды, но и ДО, шарахался от ребенка как от огня, и горстями жрал иммуномодуляторы.

И что вы думаете? Спустя неделю после первых пятен на Стасе, ветрянки перекинулась на... СВЕТУ!

На мою супругу, иммунитет который способен убить даже таракана на расстоянии в пару метров, которая крайне редко простывает, знать не знает, как выглядит грипп, и главное,

которая БОЛЕЛА ВЕТРЯНКОЙ В ДЕТСТВЕ!

Для многих это может оказаться сюрпризом, но да, ветряной оспой можно заболеть дважды. Да хоть трижды. Вирус мутирует, его попадание в ваш организм может прийти на ослабление иммунитета, стресс, переохлаждение, или запой. Но в любом случае, если вы болели ветрянкой в детстве – второй заход будет гораздо менее тяжелым и опасным.

Света обошлась сыпью и парой дней температуры не выше 38. Ну а я... Я очертил вторую пентаграмму вокруг первой, стал обходить по широкой дуге не только сына, но и супругу, и при их приближении начинал читать "Отче наш".

Время стремительно приближалось к Новому Году, а заодно и к самому ожидаемому мною событию. Нет, не о годовой премии речь. Речь о новогоднем квартирнике "Флампа".

"Флампа" – сервис отзывов о товарах и услугах. Для повышения мотивации авторов отзывов, несколько раз в год "Флампа" устраивал квартирники для лучших из лучших. Квартирник – это концерт, угощение, куча подарков, куча мастер-классов и всяких интересных активностей... В числе лучших авторов я был с 2014 года, но вот ходить на квартирники начал как раз в 16-м. От тоски и безысходности, когда в мае я насмерть разругался с лучшей подругой и впал на этой почве в самую глубокую в своей жизни депрессию. Именно летний пикник "Флампа" ознаменовал мой выход из нее! И как же я ждал зимнего квартирника... Я уже знал, что приглашен на него. Дата была определена, тематика ве-

черинки известна, подарки для игры "Тайный Санта" куплены... Оставалось только дожить до 18 декабря, не подхватив ветрянку...

Было ли мне страшно? ДА НЕ ТО СЛОВО!

К 15-му декабря Стас полностью выздоровел и уже снова ходил в садик. Света смывала с себя последние пятна зеленки. Все позади, не так ли? Если бы... Инкубационный период ветрянки – до 21 дня, и тот факт, что я еще не покрылся пятнами, не означает, что вирус не сидит внутри меня, подготавливая плацдарм для решительного наступления.

15-е декабря. Стас возвращается из садика с разнообразью желудочного гриппа. Бедный ребенок температурит, срется и блюет практически одновременно.

16-е декабря. Подумав немного, Света присоединилась к сыну в его инфекционных приключениях.

Дольше всех держался я. Видимо взвинтил иммунитет до предела, готовясь встречать ветрянку... Но к вечеру 16-го декабря накрыло и меня. Домой доплелся на ватных ногах, и занял за Светой очередь в туалет.

Ночь. Меня прет как бобра, мне плющит, тарацит, колбасит и сосисит. Температура – 38,5. Первая мысль – ветрянка все-таки пришла. Атаковала сразу же за желудочным гриппом.

17-е декабря. День до квартирника. Температура спала до приемлемых 37,5. Желудок успокоился, во всем теле слабость, но постепенно меня отпускает. Пятен нигде нет, и я

начинаю верить, что на квартирник я все-таки иду...

18 декабря. День Хы. Утром – все та же слабость, но у меня появляется аппетит, а дома рассасывается очередь в туалет. Никто не торопится прощаться ни с завтраком, ни с ужином... Кажется, все страшное позади, и я принимаю твердое решение: ЕХАТЬ!

И вот, вечер 18 декабря, долгожданный зимний квартирник "Флампа". Угощения, общение, подарки, конкурсы. Я доволен и счастлив, мечта сбылась, я дожил до квартирника... Все событие длится часов пять, но к исходу четвертого часа я понимаю, что у меня подкашиваются ноги. Слабость во всем теле, самочувствие весьма помятое, не смотря на пару бокалов глинтвейна, выпитых в баре...

Ну и ладно, в общем-то. Чего я хотел после болезни? Конечно устал, пора бы домой. Тем паче, что основные события квартирника уже завершились, и народ начал потихоньку расходиться по домам.

Поехал домой и я...

С порога супруга поинтересовалась у меня: "А что это у тебя за пятна на лице?" У утра сомнений в природе пятен не осталось. Если вечером их было штук пять, то к утру количество перевалило за полста на одной только морде. Да и температура в 38,5 не оставляла сомнений в том, что ветряная оспа все-таки не прошла мимо меня.

Неделю спустя, когда было уже понятно, что ветрянка отступает, подоспели фотографии с квартирника... На кадрах

со мной можно заметить, как на мне проступают пятна. Вот я только пришел в клуб, с чистым и светлым лицом... Вот середина праздника, у меня на лбу появляется первое красное пятно. Вот, ближе к концу, пятен уже три штуки...

А знаете, какая фотография с того квартирника – моя любимая? Та, где все мы, активные фламперы, радостно обнимаемся... А я – в самом центре.

Первый день ветрянки. Пик заразности... Еще пару месяцев после этого события, я ждал появления в новостях статьи о внезапной вспышке ветрянки в Новосибирске. Но нет, обошлось. Надеюсь, все, кто пришли в тот день на квартирник "Флампа", переболели этой гадостью в детстве, и были защищены толстенным и непробиваемым иммунитетом.

Но как же мне было стыдно... Собственно, только 3 с лишним года спустя я набрался смелости, чтобы признаться: да, я вполне мог запустить в Новосибирске эпидемию ветряной оспы... Если вдруг эту заметку читает кто-то из фламперов, кто в конце декабря 2016 – начале января 2017 вдруг покрылся пятнами... Простите меня! Я искренне был уверен, что это всего лишь желудочный грипп, и он позади!

32. Угрозы вашей жизни нет!

Самые интересные квесты в России – медицинские! Впервые сталкиваясь с работой медицинских учреждений лет в 20-25, ты зависаешь и теряешься, не понимая, как в этой

системе вообще можно функционировать и выживать. К 30 ты постигаешь некоторые лайфхаки, позволяющие тебе находить лазейки в поликлиниках и больницах, и начинаешь понимать, что наша система здравоохранения – все-таки рабочая, хоть и кривая и косая.

Лучший лайфхак, который вы можете приобрести к тридцати годам – это доктор-собутыльник. Оптимально иметь в собутыльниках также полицейского, в звании не ниже капитана, и профессионального юриста. Но это так, лирическое отступление.

К 50 годам ты мастерски обходишь в поликлинике молодых на виражах. Пока они робко стоят в регистратуре, ты идешь напрямую к тому врачу, который тебе нужен. Ну а к 70-ти, судя по всему, ты напрочь забываешь все лайфхаки, твои друзья-медики выходят на пенсию и уже ничем не могут тебе помочь, и ты начинаешь тупо ездить каждый день в поликлинику сдавать анализы, уже не помня, зачем.

Все, что после 30 – это мои гипотетические рассуждения. Доживу – проверю.

Ну а теперь – собственно, история, содержащая в себе один маленький лайфхак...

Наши с ней отношения продлились дольше всего. Даже свою супругу, с которой мы знакомы больше половины жизни, я знаю меньше, чем ее. Мы вместе с семилетнего возраста, а может и раньше. Может она была со мной с рождения, просто ее обнаружили в семь лет?

Имя ей – паховая грыжа.

Тридцать лет она была со мной, и в общем-то особенно не нервировала. Начинала болеть, если я, возомнив себя качком, таскал перед собой чан с водой в процессе чистки аквариума. Могла зануть, если я отмахаяю пешком километров 15, и делала это, в общем-то довольно часто, потому пешие прогулки я люблю едва ли не больше, чем хорошее пиво. Но болела не сильно, и обычно все симптомы благополучно исчезали на следующий день, поэтому можно сказать, что в целом мы с грыжей жили в мире и согласии. Порой она меня раздражала, но не более того.

Вот только, оглядываясь назад, я понимаю, что с каждым годом раздражать она меня начинала все сильнее, просто я не придавал этому значения. Грыжа росла, и начинала создавать проблемы.

Для несведущих в медицине, и обделенных этим мерзким диагнозом, поясню, что такое грыжа. Это дырка в стенке брюшины. Дырка там, где ее быть не должно. И через эту дырку наружу вываливаются ваши внутренности, небольшое их количество. Как правило, это пара петель кишечника. Кишка трется о края отверстия, сдавливается, воспаляется, болит. Ну а в самом худшем варианте – грыжа ущемляется! Поскольку брюшина – это голимые мышцы, в определенный момент они могут внезапно напрячься, дырка – сожмется, и крепко защемит торчащую в ней кишку. Боль – адская, вплоть до потери сознания, но даже и после этого мышцы

не расслабляются, а продолжают давить и душить несчастную кишку, которая от такого обращения, лишившись притока крови, умирает, то бишь, говоря медицинским языком, некротизируется. Ну а дальше – все закономерные последствия от некротической и разлагающейся ткани внутри организма, передавленной кишки и болевого шока.

При защемлении грыжи счет идет на часы. Чем больше времени прошло, тем большая часть кишечника отмирает и требует удаления. Тем сложнее операция, тем дольше период реабилитации, и тем больше шансов так никогда полноценным человеком так и не стать. Ну а если при защемлении оказаться в сутках пути от ближайшей больницы, так могут и вообще не откачать. Некроз внутренних органов – штука опасная.

В общем, защемление – это крайне неприятная ситуация, до которой лучше не доводить.

И вот одним светлым декабрьским днем 2019 года я обнаружил, что у меня довольно сильно болит грыжа... В целом ничего удивительного в этом не было, хоть и болело немного сильнее обычного. Болит и болит, не в первый раз. Вот только на утро следующего дня она болеть не перестала. И на утро следующего. И следующего... И боль только усиливалась.

Утром субботы, 14 декабря, терпеть стало невмоготу. Я погуглил отношения организма и грыжи, подумал, что возможно это как раз оно, защемление, и решил, что надо что-то

делать. Русский мужик ведь когда идет к врачу? Когда копьё в паху, то есть, простите, в спине, начинает мешать спать. Я нормально не спал уже третьи сутки...

Я позвонил в "скорую".

– Вы умираете? Диктуйте адрес и мы вас спасем! – сказала мне трубка. Не этими словами, конечно, но смысл был такой.

– Здравствуйте! Нет, я не умираю, и мне даже карета "скорой помощи" не нужна, если что – сам доеду. Просто скажите мне, куда ехать. Грыжа у меня. Болит. Сильно.. Мне к вам, или в поликлинику по месту жительства, где приема у хирурга я буду ждать две недели и за это время, вполне возможно, начну умирать?

– Езжайте во вторую больницу "скорой помощи". Только запомните, в приемном покое вам нужно сказать: "У меня самообращение!"

– А это что за пароль такой?

– По нему дежурный врач поймет, что вы нам звонили, вы в теме, и вас нужно принять!

Зафиксировали себе лайфхак? "У меня самообращение"! А знаете, что будет, если этот лайфхак не использовать?

– Зря смеетесь, – сказала мне трубка, когда я прыснул после объяснений, – У нас знаете, сколько случаев было, когда люди приезжали в больницу, про самообращение не упоминали, и их выгоняли оттуда со словами: "Выходите за ворота, вызывайте "скорую", вас официально привезут, и тогда мы вас примем!"

– Это ж бред! – сказал я.

– Не бред, а особенности здравоохранения в России! – возразила трубка, и мы попрощались.

Я наполнил тревожный чемоданчик всем, что счел необходимым в больнице. Долго доказывал жене, что коньяк мне там может потребоваться как средство дезинфекции, свободно конвертируемая валюта и средство восстановления нервных клеток. Понят не был, коньяк у меня отобрали. Поцеловал детей, обновил завещание, обнял жену, и поехал в больницу.

Утром субботы там было на удивление тихо. Кроме меня было всего двое пациентов: женщина с проломленной головой и пьяный в хлам мужик с отказавшей почкой и белой горячкой. Не исключено, что между этими двумя пациентами была прямая связь... Белочка у мужика была очень белой и очень горячей, поэтому он периодически начинал ломиться в разделявшую нас пластиковую перегородку с криком "Убью, падлу!"

Я назвал пароль. Дежурный врач грустно вздохнула, услышав про самообращение, и принялась заполнять документы. У меня взяли анализы, 14 подписей на различных документах, которые я успевал лишь бегло прочитать. Кажется, я подписался под утверждениями, что врачи не несут ответственности за ценные вещи, которые найдут у меня после вскрытия, и что в случае, если хирург ампутирует мне не ту конечность – я не возражаю против повторной ампутации,

чтобы все-таки отрезать нужную. Не исключено, что я согласился стать донором крови и органов, причем прижизненно. Ну и, конечно же, дал согласие на все возможные оперативные вмешательства, которые больнице только придут в голову.

После всего этого меня допустили до хирурга.

– Раздевайтесь до пояса!

– С какой стороны? – привычно пошутил я.

– С левой! – с каменным лицом ответила хирург, после чего приступила к петтингу. Ну, то есть ощупала меня там, где обычно щупали только самые близкие мне женщины.

– На УЗИ! – скомандовала хирург, и дала мне бумажку, на которой было написано слово из трех букв и какие-то цифры. Ни в буквах, ни в цифрах я уверен не был.

УЗИстка оказалась молодой, симпатичной и, видимо, недавно окончившей институт.

– Покашляйте!

– Кхе-кхе!

– Еще покашляйте!

– КХА-КХА, блин!

– И еще разок покашляйте!

– КХА-КХА, в рот вам ноги! Доктор, тут есть маленькая проблема. Я как раз к вам и приехал потому, что мне очень больно кашлять! Можно я больше не буду?

– Ну еще разок, пожалуйста! У вас такая грыжа классная! Как в учебнике прям! Хоба, кишка выпала! Хоба, обратно

втянулась! Прямо смотреть приятно! Покашляйте еще разок, а? Ну для меня...

Потом снова была хирург. И вот тут началось самое интересное.

– Значится, смотрите... Паховая грыжа, размер 1,2 на 1,8 см. Содержит петлю тонкого кишечника. Признаков защемления – нет. Надо оперировать...

– Отлично! Вот, у меня тревожный чемоданчик со мной. Кладите меня! Режьте! Я готов!

– Дослушайте, пожалуйста... Рекомендована плановая операция после дообследования по месту жительства. Обратитесь к хирургу в поликлинику.

– Но... Я же... Вот он я! С тревожным чемоданчиком! Готовый лечь на операционный стол хоть сейчас. Вы же сами сказали, операция нужна... Возьмите меня, доктор!

– Мы – больница "скорой помощи", понимаете?

– Понимаю. Вот скоренько и оперируйте меня! – сказал я, и с надеждой заглядывая хирургу в глаза, добавил, – У меня самообращение. И грыжа. И коньяк! Не с собой, но я найду!

– Мы оперируем при угрозе жизни. Угрозы вашей жизни нет. Уходите.

Мужики, вам знакомо это чувство, когда женщина после петтинга вас отталкивает, и говорит: "Я не такая! "? Она 10 минут назад держала меня за это самое, а теперь вдруг – "Уходите!" Обидно, да?

– Хорошо, хорошо. Ухожу. То есть я сейчас иду в поли-

клинику, записываюсь на прием к хирургу, он дает мне направление, и я иду оперироваться... Куда? На горбольницу?

– Да нет, вероятнее всего – к нам направят!

Я снова сел. Хорошо, что далеко от стула отойти не успел...

– То есть вы оперируете только в случае непосредственной угрозы жизни, а планово не оперируете, но планово меня, скорее всего, снова отправят к вам? Так?

– Так.

– Я не понимаю...

– Что тут непонятного? У нас разные направления. Экстренное и плановое..

– Ну так можете вы меня сейчас...

– Нет. Ваша жизнь вне опасности. Уходите!

– Нет уж! Объясните мне, дураку, разницу между экстренной и плановой операцией в одной и той же больнице?

– Ну смотрите... Экстренно – это если бы у вас было защемление. При защемлении – есть угроза вашей жизни. Вас разрежут, удалят некротизированные части кишечника и сошьют кишку заново. А грыжевое отверстие просто стянут нитками. Практика показывает, что очень часто случается рецидив. Грыжа рвется снова. А планово – вас разрежут не торопясь, кишку трогать не будут, ведь с ней все хорошо. А в отверстие аккуратно поставят заплатку. Сеточку из полипропилена. Авоську. Вероятность рецидива – минимальна. Операция – проще, и для вас, и для хирурга. Кстати, такую опе-

рацию чаще всего делают лапароскопически... А, нет, вам лапароскопия не светит.

– Это потому, что я черный, да?

– Это потому, что вам удаляли аппендицит, судя по шраму справа.

– И?

– При лапароскопии в брюшину нагнетается углекислота. Много углекислоты! Чтобы живот вздулся, как барабан. А у вас – нарушение целостности передней стенки брюшины.

– Так 24 года ж прошло.

– Не важно! Нарушение целостности стенки брюшины. Вы можете рвануть во время операции. Масштабно рвануть, с разлетом кишок по операционной. А оно нам надо?

– Нет...

– Вот и я о том же. Поэтому оперируйтесь традиционным способом, и планово. А сейчас – уходите. Угрозы вашей жизни нет.

– Но я вообще-то не сплю ночами. У меня грыжа болит! Что мне делать?

– Что делать? Страдайте! Ну, можете еще "Но-шпу" попить. А сейчас – уходите.

– Да-да, я понял, угрозы моей жизни нет...

Я ушел...

Отчаявшись понять, почему меня нельзя положить в больницу прямо сейчас, я ушел. В ближайший же понедельник, 16 декабря, я позвонил в поликлинику, и 10 минут по-

слушав музыку, дождался наконец-то возможности поговорить с регистратором.

– Мне бы к хирургу...

– Ближайшая запись – на 30 декабря.

– Круто... На две недели вперед, как я и ожидал. Ну, норм. Пишите меня на 30 декабря.

– Точно записывать? А то 30-е – это ж почти новый год...

– И?

– Ну, все пьют...

– Простите, а ваш хирург 30-го уже намеревается быть пьяным в дым?

– Нет, но... Вдруг вы собираетесь?

– Не, я начну 31-го. Если доживу. Записывайте!

Наивно было думать, что 30-го декабря в поликлинике никого не будет. В очереди к хирургу стояло полсотни человек, переругивавшиеся между собой на тему: кому просто спросить, кто ногу на войне потерял, а кто просто мудака. Часть, как я, пришли по записи, часть – потому что доктор сказал прийти, и еще часть – просто пришли. Первых двух категорий в совокупности было больше, поэтому третья категория опасаясь попасть вместо хирурга к травматологу, молчала в тряпочку и ждала, пока мы рассосемся.

Спустя полчаса сидения в коридоре я попал к хирургу.

– Здравствуйте, доктор. Вот я, моя грыжа, вот заключение из "скорой". Хочу прооперироваться. Планово. Потому что моя жизнь – вне опасности, чего не скажешь о моей психике.

В "скорой" мне велели страдать...

– Да, надо оперировать. Но понимаете, квот нет... Конец года же, сами понимаете, ни хрена не понятно. Собственно, квот уже с начала декабря нет. Приходите после 15-го января, там новые квоты будут. Наверное.

– Зашибись... А что мне пока что делать?

– Хе-хе... Что вам в "скорой" сказали? Страдайте! Собственно, больше вам ничего не остается.

10 января я снова позвонил в поликлинику и записался на 20 января. Снова очередь, снова "Мне только спросить", снова я прорываюсь к хирургу.

– Доктор, я за квотой!

– О, это вы вовремя... Квоты дали. Сестра, запишите его...

Сестра открыла журнальчик из тонкой газетной бумаги, разлинованный вручную, и стала туда что-то записывать.

– Все! Вы в очереди...

– Эм, доктор, а как думаете... Ну, по вашему опыту... Как скоро мне дадут квоту? А то я, знаете ли, устал уже страдать.

– Да тут сложно все, сами же понимаете, начало года, ни хрена не понятно...

Месяц спустя, устав страдать и понимая, что близится лето, которое я хочу провести в приключениях, а не в больнице, я задумался о платной операции. В самом деле, послеоперационная реабилитация займет несколько недель. Промежуток, после которого я снова смогу отмахивать по 20 ки-

лометров – еще минимум месяц. К лету я хотел уже снова чувствовать себя полноценным человеком, а не придатком грыжи, или жертвой доктора Франкенштейна. И я задался вопросом: а какой я в очереди?

В регистратуре мне помочь не смогли. "Этими данными владеет только ваш лечащий врач!" Да, я снова записался к хирургу, снова на две недели вперед.

– Здравствуйте, доктор. Это снова мы. Я, и моя грыжа. Я – по-прежнему страдаю. Простите мне мое неумное любопытство, но... Можно ли узнать, какой я в очереди на операцию, и как быстро эта очередь движется?

– Отчего ж нельзя? Можно! Сестра! Покажите страдающему молодому человеку, какой он в очереди!

Сестра снова открыла журналчик, и принялась листать странички.

– Вот тут вы... Перед вами еще вот... И вот... И вот этот лист полностью... И вот этот... Да, вот, до сюда – все перед вами. А этих – уже прооперировали. В прошлом ноябре.

– А можно мне в штуках? Сколько людей передо мной?

– Минутку... Два пишем, шесть в уме, синус квадрат альфа-самца, да косинус министра здравоохранения... 25 человек.

– Классно! А сколько было передо мной, когда я пришел записываться?

– Два пишем, шесть в уме... Кажется, я это уже говорила... Да, точно, 25 человек.

– То есть за прошедший месяц ни одного человека не прооперировали?

– Да. Но вы не волнуйтесь, сейчас февраль, можно сказать, начало года. Ни хрена не понятно еще. Оно как может быть... Придет пакет квот из минздрава, и всех разом раскидают по больницам. В течение несколько дней.

Ее прервал залиvistый смех хирурга. В крайний раз я видел такой искренний и восторженный смех в 2010-м году. Так ржал весь кинозал на "О чем говорят мужчины".

– Всех разом! Ха-ха-ха! Уморили! Всех разом!!!

– Ну... – поникла медсестра, – да... Так не бывает! Но ведь возможно же?

– Хорошо, что угрозы моей жизни нет! – сказал я, уходя, – А то мог бы уже и помереть, пока квоту ждал.

Дома добрая супруга предложила мне: "А давай я тебе коленом в пах дам? Может у тебя от этого грыжу защемит, и тогда тебя экстренно, по "скорой", прооперируют?" Но я от такого щедрого предложения предпочел отказаться.

Я психанул, и пошел оперироваться платно. Просто не мог больше... В один прекрасный день из-за снегопада город встал наглухо, и я пошел на работу пешком, по занесенному тротуару, вдоль забитой машинами дороги. 4 километра. Еще год назад это было бы легкой разминкой и увеселительной прогулкой. Сейчас же, пройдя половину пути, я лег в сугроб, свернувшись калачиком, и боролся с желанием попросить прохожих меня добить, чтоб не мучился. Жить так

было больше нельзя.

Сумма вышла вполне божеская, хоть и ударившая мне по бюджету на фоне разгорающегося в стране кризиса. Сейчас, когда я пишу эти строки, я уже неделю как спокойно сплю без болей, и легко могу сходить в магазин, или просто погулять по массиву. Пожалуй, уже и до работы дойду. Не легко и непринужденно, но и восставшим мертвецом к концу пути выглядеть не буду.

Ну и... Я все еще жду, когда мне позвонят из поликлиники, чтобы сказать: "Ваша очередь подошла! Приходите оперироваться!" Мне просто интересно, когда этой произойдет?

Когда это случится – я вам обязательно расскажу.

33. "Путинский заговор"

Вчера к нам в офис заглянула соседка. Ее офис находится на нашем же этаже, и она периодически заходит у нас что-то купить "Как у своих, по лучшим ценам, мы ж соседи... Я, правда, без понятия, чего мне надо, ты мне там подбери что-нибудь..." Именно после этих слов ее цены навсегда закрепились на уровне "РОЗНИЦА", без каких либо скидок.

Ну так вот, пришла она что-то купить и вчера.

– Привет! Как у вас дела? Что думаете о сложившейся ситуации с коронавирусом?

Время сейчас такое. Раньше светские беседы начинались с погоды, а сейчас – с коронавируса.

Подумав, я решил, что не по статусу шутить на тему путаницы между ситуацией и проституцией, и выбрал самый нейтральный вариант ответа.

– Мы все умрем!

– Вы что, верите в существование вируса?

Я поднял голову от клавиатуры. Давеча я сам затираю эту дичь в чате литературного клуба, и один чувак даже поверил, став меня убеждать в том, что вирус существует, и даже очень опасен. Я записал его себе в отдельную тетрабочку, написав напротив имени: "Считает меня идиотом!"

Но у нашей соседки и тени улыбки на лице не было. На всякий случай я шутку поддержал.

– Да-да, конечно... Нет никакого вируса, это все происки мирового правительства.

– При чем тут мировое правительство? Это заговор Путина, чтобы под шумок протолкнуть нужные ему правки в конституции. И чипировать население.

– Но ведь голосование из-за пандемии как раз и отменили?

– Это потому, что Путин понимал, что все равно никто на голосование не пойдет.

– И тогда зачем ему это?

"Стоп!" – одернул я себя. Зачем я начинаю с ней спорить? Она не шутила, не разыгрывала меня, это было уже очевидно. Она серьезно верила в то, что Covid-19 – это всего лишь фикция, придуманная президентом-тираном.

– Вот поэтому и нужно!

Так... Занятый своими мыслями я пропустил объяснение, зачем это Путину. И слава Богу. Но мой язык за зубами не удержался.

– А как же вышки 5G? Они в этом участвуют?

По ее лицу я понял, что она понятия не имеет, что такое вышки 5G. Впрочем, логично. 5G относится к заговору мирового правительства и масонов. Это уже не Путинская вотчина...

– А что тогда в "Векторе" делают? – вставила Таня, которая также как и я при малейшей нотке идиотизма покрывается сарказмом.

– А, в "Векторе" у меня тетка работает! Я все знаю. Там вакцину от гриппа делают. А поскольку сделали ее очень много, а эпидемии в этом году не было...

Дальше я опять выпал из беседы, поэтому не понял, как это все связано с заговором Путина...

– ... так что никто не умрет! Чушь это все!

Соседка ушла. Мы с Таней переглянулись, поржали, и вернулись к работе.

Но сегодня в соседский офис заглянул уже я. Манагеров там двое. Дама с заговором головного мозга, и вторая, вроде бы более адекватная.

– Добрый день! Скажите, у вас граненые стаканы есть? А то у меня жена, запертая на время самоизоляции со мной, малость психанула, и расколотила часть посуды.

– А вам нафига? Вы ж помирать собрались!

– Ну так потому я за стаканами и пришел. Водка, граненый стакан, черный хлебушек... Поминать-то меня как будут?

Впервые я увидел, как у человека стекает с лица улыбка.

34. Во гробе том...

Дело было в 2019-м на "Музейной ночи". Если кто не знает – это такая ежегодная акция, когда музеи всей страны устраивают масштабные экскурсии по своим экспозициям поздним-поздним вечером, а иногда и ночью.

В 2019-м я пошел на "Музейную ночь" в "Музей Смерти". Опять же, если кто не знает – "Музей мировой погребальной культуры", или просто "Музей смерти" – одна из достопримечательностей Новосибирска, боюсь соврать, но кажется единственный в стране и один из немногих в мире, музей, экспонаты которого посвящены культуре погребения разных народов. Расположен на территории парка памяти крематория и представляет собой действительно интересное и атмосферное место, где можно узнать многое о похоронных обрядах, траурной моде и прочих вещах, связанных со смертью. Причем не мрачный он ни разу. Не давящий.

В тот вечер парк памяти кишел людьми, а в залах музея было не протолкнуться. Народ фланировал между экспонатами, иногда – в сопровождении экскурсовода, а чаще – про-

сто так, разглядывая, трогая и обсуждая.

Помимо традиционных экспонатов, музей в ту ночь пестрел всяческими аттракционами. Жуткий аквагрим, селфи с зомби, читка пьесы в зале крематория и т.д. Одним из аттракционов был тур виртуальной реальности.

Очередь к гробу мы с моей спутницей заметили издалека. Ведомые любопытством подошли. Встали в хвост очереди человек так из шести.

– Что дают? – по-советски спросили мы.

– VR-тур "Последнее путешествие". Ложишься в гроб, на тебя надевают очки виртуальной реальности, и ты в этом гробу совершаешь путешествие от морга до крематория. Видишь, как тебе проводят вскрытие, как готовят к прощанию, вокруг тебя плачут родные и близкие, а потом тебя заталкивают в печь.

– Клево! Посмотрим? – спросил я Софу.

– Посмотрим! – неохотно согласилась та. Не потому, что боялась, или была суеверной. Единственная примета, в которую Софа верила – это "Если я проснулась – день будет хорошим", а единственное чего боялась – это апокалипсиса, потому что в случае апокалипсиса в ее любимой кофейне не будут подавать кофе. Просто Софа в отличие от меня, в музее была впервые, была ограничена по времени, и хотела успеть посмотреть как можно больше. А я хотел в виртуальный тур... Но очередь выглядела небольшой, путешествие занимало минуты две, так что в теории минут за двадцать

мы должны были этот аттракцион посетить.

Очередь двигалась. Люди по одному ложились в гроб, вертели головой, осматривая что-то в виртуальности, вставляли и уходили. Когда в очереди перед нами оставался всего один человек, в последнее путешествие отправились VR-очки.

– Простите, – сказал нам сотрудник музея, – очки сели. Пойду, заряжу. Это минут на 15...

– Гори все синим пламенем крематория! – сказала Софа, – Мы так нифига не успеем!

– Но если мы уйдем – мы потеряем очередь, – сказал я. Я был постарше, и застал советские времена с их очередями и дефицитом. Правила стояния в очередях я всосал с материнским молоком.

– Ладно, ждем! – согласилась моя спутница. В конце концов, мы отстояли почти всю очередь! Признать, что мы это сделали зря – не хотелось!

От скуки мы принялись фотографировать друг друга в гробу. С открытой и закрытой крышкой. В процессе открытия крышки. Ну, если быть точнее – с закрытой крышкой фотографировалась только Софа. Я это делать отказался категорически. Не потому, что боялся, или был суеверным. Единственная примета, в которую я верил – это "Если ты пришел домой пьяный и без денег – жена прибьет!", а единственное чего боялся – это как раз свою жену. Просто гроб не был рассчитан на людей больше 170 сантиметров в длину, и при моем 181-м сантиметре крышка больно придавливала

или голову, или ноги.

Мы по очереди лежали в гробу, потому что стоять рядом уже задолбались.

Чувак с очками не возвращался.

Мы пугали проходивших мимо людей внезапными вопросами в духе "Как пройти библиотеку?", раздававшимися из гроба.

Очки все еще заряжались.

Мы укладывали в гроб других людей, фотосессии ради, причем Софа ругалась на всех, кто неправильно складывал руки на груди, потому что "Если уж изображаете покойника – делайте это правильно!" И ругалась на меня, потому что чувак с VR-очками все еще заряжал очки, а Софино терпение потихоньку заканчивалось.

Я не знаю, сколько времени мы провели возле гроба. Впоследствии я утверждал, что полчаса, стоявшие с нами люди – что час, а Софа – что прошла вечность. Но пусть даже прошла вечность, главное – что она прошла, очки – вернулись, и аттракцион продолжился.

Сначала в гроб лег парень, отстоявший очередь вместе с нами. Затем подошла наша очередь, и я, как джентльмен, пропустил Софу вперед. Та улеглась в гроб, повертела головой в очках, после чего спросила: "Все?", и получив утвердительный ответ – вылезла.

– Ну как? – спросил я, подразумевая: "Оно того стоило вообще?"

– Сам увидишь! – ответила Софа, подразумевая, что она меня точно убьет, потому что эти две минуты в гробу с VR-очками на лице не стоили не то, что проведенной здесь вечности, но даже и пяти минут ожидания.

В очереди за нами стояло человек пять...

Я лег в гроб. Надел очки и наушники. Путешествие началось...

Надо мной склонился патологоанатом. Помахал перед носом пикселизованным скальпелем, что-то отрезал, что-то заштопал... Знал бы я, что спустя чуть меньше года подобную сценку я буду видеть в реальности, лежа на операционном столе под спинальной анестезией, и умоляя анестезиолога отвязать мне хоть одну руку, потому что у меня дико чешется нос, а хирург в это время будет ворчать, чтобы я заткнулся и затих, потому что у меня внутренности колыхнутся и он боится что-то не то отрезать...

Вокруг меня раздавались голоса.

Люди спрашивали, что это за аттракцион, сколько стоит, и кто последний. И я понимал, что слышу их не в наушниках, а в реальности. В виртуальности меня, тем временем, отвезли в зал крематория. Вокруг меня собрались какие-то хмурые морды, а женщина, похожая на 45-го президента США, невнятно рассказывала, что "Мы собрались здесь, чтобы..."

И так мне обидно стало... За то, что мы проторчали тут в очереди как минимум полчаса, а как максимум – вечность, а это "Последнее путешествие" заслуживало максимум пяти

минут. И так завидно стало мне, что другие люди ходят по экспозициям, узнают что-то новое, общаются с экскурсоводами, а я – лежу тут, в гробу, из которого торчат мои ноги...

И тогда я закричал.

Не от отчаяния, а просто чтобы мне не так обидно было. Закричал еще раз, замахал руками, отгоняя похожую на Трампа тетку, которая, естественно, полностью игнорировала орущего в ее гробу покойника.

Для верности я попытался сесть, и сделал вид, что от чего-то уворачиваюсь. Закричал еще раз, в притворном ужасе замах руками, и попытался зацепиться за край печи крематория, когда меня стали в нее запихивать.

Вокруг меня гудело пламя, но даже через него пробивались людские голоса:

– Интересно...

– Ишь, как бурно реагирует...

– А кто последний?

– Нифига себе...

– Постоим?

– Походу там что-то интересное.

Я вылез из гроба, снял VR-очки и огляделся. Очередь из пяти человек разрослась минимум до двадцати, и продолжала увеличиваться. Советское наследие давало о себе знать. Если видишь большую очередь – это явно за чем-то важным дефицитным. Значит надо вставать, и уже встав – задать главный вопрос советского гражданина:

– Что дают?

"Что дают?" – "Конан-Дойля!" – "А это лучше, чем женские трусы 56-го размера?" – "Не знаю, но литра два себе возьму, должно хватить!"

Я ждал, что Софа спросит меня: "Ну и нафига ты это сделал?" Но Софа не спросила. Софа все понимала...

"Музей смерти", не благодарите! Я рад был помочь вам создать ажиотаж на "Музейной ночи". Зовите еще, еще что-нибудь создам.

Люди, отстоявшие очередь на "Последнее путешествие", простите меня. Я не со зла. Но согласитесь, человек, орущий в гробу, здорово привлекает внимание?

35. Как лечь в больницу

Про мои попытки прооперировать свою многострадальную грыжу по страховой медицине вы уже читали. Пришла пора рассказать, как попасть на платную операцию!

Лето приближалось, а моя очередь – нет. И где-то в середине февраля я осознал, что если я прямо сейчас не приму меры, то часть лета я могу провести в лучшем случае в состоянии реабилитации, а в худшем – в больнице. Памятуя свой детский опыт полостной операции я знал, что раньше, чем через месяц после выписки из больницы полноценным человеком мне не быть. А о том, чтобы гулять по городу так, как люблю я, до гудения ног, речь может идти минимум ме-

сяца через два. Поэтому меры решено было принимать прямо сейчас.

Я позвонил в одну частную клинику. От названной мне цены в 50 тысяч я испуганно икнул в трубку. Девушка администратор сказала мне, что раз 50 тысяч мне не по карману, она может сделать скидку... До 48 тысяч. Я испуганно икнул еще раз.

На горбольнице меня пообещали прооперировать за 30 – 50 тысяч. Большая часть суммы – оплата койко-места в больнице. 4 тысячи в сутки за место в 4-6 местной палате. Соответственно, чем дольше я там пролежу после операции – тем больше платить. Это меня слегка напрягало, учитывая что то, сколько я там проведу, напрямую зависит от того, насколько хорошо хирург сделает свое дело. То есть хирургу **ВЫГОДНО** сделать свое дело не слишком хорошо...

На мое замечание, что 4 тысячи в сутки стоит одноместный номер в неплохом отеле в Москве, да еще и с завтраком, мне предложили там и прооперироваться.

Испуганная икота грозила перейти в хроническую стадию.

Погуглив отзывы о больницах Новосибирска, я решил позвонить в 11-ю больницу. После звонка туда к икоте добавился дергающийся глаз.

- Здравствуйте. Я хочу у вас грыжу прооперировать.
- Приезжайте.

– А сколько это будет стоить?

– Откуда я знаю. Я же администратор.

– А кто мне может ответить на этот вопрос?

– Откуда я знаю? Я же администратор. Попробуйте позвонить в отделение платных услуг. Вот вам телефон тамошнего администратора.

– Здравствуйте! Это отделение платных услуг?

– Да.

– Я хочу у вас грыжу прооперировать.

– Приезжайте.

– Скажите, а у вас бывает дежа-вию?

– Дежа-вию вы тоже хотите прооперировать?

– Уже начинаю хотеть... Так сколько будет стоить грыжесечение?

– Откуда я знаю. Я же администратор!

– Тааак... А кто может мне дать ответ на этот вопрос?

– А вам зачем?

– В смысле "зачем"? Вас ничего не смущает в постановке вопроса? Я хочу получить некую платную услугу, но мне никто не может сказать, сколько она будет стоить.

– Ну, вам дадут счет при выписке.

– А если я не смогу его оплатить? Меня снова разрежут и вернут все как было? Или предложат расплатиться почкой?

– Да... Логично. Ну, тогда вам надо поговорить с заведующим хирургией.

– Отличный план. По какому телефону ему можно позвонить?

– А он не разговаривает по телефону.

– Хорошо... А как же мне тогда с ним пообщаться?

– Приезжайте. К 8-30 утра к нам в отделение. В фойе. Он в начале дня, перед обходом... Ну, если у него срочных операций нет... Выходит к людям, и...

– И благословляет паству?

– Что?

– Ничего, продолжайте.

– Ну, он выходит и разговаривает...

– Аллилуйя! То есть, чтобы узнать цену операции, мне нужно ранним утром проехать через весь город и смиренно ждать сошествия заведующего? А если именно в этот день у него будет срочная операция?

– Тогда просто приедете на следующий день.

– Скажите, а много у вас вообще платных пациентов?

– Эм... Да как-то не очень.

– Кажется, я начинаю понимать, почему.

Я уже почти собрался совершить паломничество к заведующему, когда само Мироздание подкинуло мне счастливый билет. В комментариях к отзыву о моей поездке во вторую "скорую", одна девушка рассказала, что оперировала грыжу как раз в 11-ой больнице, и предложила дать личный телефон оперировавшего ее хирурга. Врача с золотыми руками,

специализирующегося как раз на паховых грыжах.

Я позвонил.

– Здравствуйте, доктор! Хочу попасть к вам на операционный стол!

– Приезжайте завтра к 10 утра.

– Что, вот так сразу резать?

– До "резать" мы еще дойдем! Мне вас посмотреть надо!

Доктор оказался хватким. В выписку из "скорой" даже не взглянул. Потрогал мою грыжу, задал пару наводящих вопросов, без раздумий назвал цену в 20 тысяч и спросил, когда я готов лечь.

– Да хоть завтра! – бодро ответил я.

– Завтра – не надо, а вот через пару дней – уже можно. Значит схема такая: 10 марта приезжаете, сдаете анализы и стандартные обследования, и уезжаете домой, потому что нафиг вы мне тут нужны. 11 марта – заселяетесь. Утрясаем последние формальности, анестезиолог решает, как мы вас будем вырубать, и 12-го марта я вас режу. Принято? Принято!

Естественно, уже 10 марта начались приключения.

Захожу в больницу. Март. Дубак. На мне, естественно, куртка. Снимаю, сворачиваю, сую под мышку, надеваю бахилы и чапаю по длинному коридору до поста охраны.

– Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, где гардероб?

– Вы – ложиться?

– Нет, раздеться.

– Это понятно. Вы у нас остаетесь?

– Нет, пока только анализы сдать.

– Тогда одежду у вас не примут. Ее принимают только по истории болезни! Проходите так.

Вызываю лифт. Приезжает сначала грузовой... Ну, знаете, такой, с дверями, которые открывает вручную дежурящая там женщина. Женщина, естественно, на месте, и тут же упирается рукой в грудь мне, пытающемуся войти в лифт.

– Куда? Не положено! Ждите пассажирский.

Ну ладно, жду. Я ж откуда знал, что тут положено, а что нет? Я в больницах 20 лет не лежал. Но женщина не унимается.

– А какого лешего вы с верхней одеждой наверх собрались? Развели тут антисанитарию! Таскают бактерии с улицы, и таскают. Почему с курткой?

– Да я бы ее сдал, но у меня ее не принимают! – оправдываюсь я в ожидании лифта.

– Не принимают у него, видите ли... Ходят тут, бактерии таскают и таскают...

К ней приходит подкрепление, еще одна дама бальзаковского возраста и санитарного вида.

– Людк, а Людк? Ну ты посмотри! Ходят тут и ходют!

– И не говори! С верхней одеждой! Совести нет совсем!

А у нас карантин по гриппу! Еще коронавирус этот...

Коронавирус этот в те дни как раз только начал наводить

шороху в стране. В Москве он уже появился, и в Новосибирске уже начали готовиться к его встрече.

Ко мне тоже прибывает подкрепление в виде еще одной женщины с курткой под мышкой. Лифт, зараза, все никак не едет. И мы стоим вдвоем под огнем нападок двух больничных теток, которые без устали бухтят о том, что "ходят тут и ходют!"

Наконец лифт приезжает, и я добираюсь до III хирургического отделения, где мне предстоит провести следующие пять или шесть дней.

Где-то через час, пока я жду следующего обследования, мимо меня, откуда-то из глубин отделения, проходит старушка, по виду помнящая еще Ильича. В верхней одежде и без бахил, оставляя грязные следы на полу. Я провожаю ее офигевшим взглядом. Не менее офигевшим взглядом ее провожает старшая сестра, но секунду спустя она приходит в себя и встает на бабкином пути.

– Бабушка! Вы как сюда попали? И почему в таком виде?

– Таки я это, внученька, заблудилася... А где тут выход, а?

– Выход – там. Но какого черта вы в верхней одежде ходите по отделению хирургии?

– Так заблудилася я...

Типичная русская больница. Меня на входе облаяли, хотя я честно пытался сдать куртку в гардероб, а бабуля прошла как есть. Видимо она тут своя.

Но вернемся на час назад.

Сначала был анализ крови.

– Кулачком работаем... Так, расслабили руку... Сидим...

Как выяснилось, у меня должны были взять пять пробирок по 5 миллилитров крови. Сразу на все возможные анализы. Тут тебе и ВИЧ, и сифилис, и туберкулез, и еще куча всякой гадости. Но взяли у меня шесть пробирок. Почему? Потому что на четвертой у меня, видимо с голодухи (анализ же сдается натощак, а я еще и через весь город ехал) и от внезапной потери 20 миллилитров крови слегка поехала крыша. Видимо, мои закатывающиеся глаза напугали стоявшую рядом медсестру, потому что она тут же бросилась принимать меры.

– Таааак, мы его теряем!

– Да не теряете вы меня! Все в норме!

– Щас все будет!

– Да уже все есть, все хорошо!

– Щаааас! – и у меня под носом оказалась ватка, щедро смоченная нашатырем.

– Фууу, мля! – сказал я, рефлекторно отодвигая от себя сей вонючий предмет!

– Воооо, мля! – радостно сказала медсестра, отодвигая руку от меня подальше. В аккурат под нос сестре, которая в этот миг заканчивала наполнять пробирку.

– Нуууу, мля! – сказала та, отшатываясь от вонючей ватки, и роняя на пол пробирку. Кровь, стекло, осколки, и у ме-

ня забирают еще 5 миллилитров крови.

Потом были обследования. Сначала – рентген легких.

– Чисто! Можете идти.

Потом – УЗИ.

– Надо же, здоровая печень!

– В смысле, огромная? Другие органы из-за нее уже не помещаются?

– Нет, в смысле не больная. Отличная печень! Обычно к этому возрасту она уже посаженная. Мало пьете. Можете пить больше.

Затем – ЭКГ, а следом – кардиолог, которая, кажется, была стара уже в те годы, когда строили эту больницу. Но сначала к кардиологу нужно было отсидеть небольшую очередь перед закрытым кабинетом. Первой в очереди была бабуля божий одуванчик, недоумевавшая:

– Двадцать минут уже тут сижу. Доктор взяла мою карточку, сказала: "Щас вас позову" и куда-то ушла...

Примерно на 25-ой минуте бабулиного ожидания врач откуда-то вернулась и с ходу накинулась на бабулю.

– Вы что тут сидите? Я ж вас жду!

– А где вы меня ждете?

– В кабинете! – заявила доктор, и скрылась в вышеупомянутом помещении. Бабуля пожалала плечами, и под хохот остальной очереди вошла следом.

Наконец настал и мой черед. Доктор померила мне давление, и изрекла:

– У вас паразиты.

– Да, доктор. Двое. Старшему – пять, младшенькой – пока что ноль лет.

– Ноль лет? Это как?

– Ну, еще года нет. Значит ей ноль лет, правильно?

– Чушь какая-то... Паразиты у вас, говорю. В желудке.

– А как вы это определили?

– Вы кашлянули сейчас.

– Эм... Доктор, я, конечно, в академиях не обучался, но...

Разве мы кашляем желудком?

– Нет, но у вас паразиты. Идите.

– А сердце?

– И сердце. Идите.

Спорить я не стал. Сердце есть – уже хорошо.

Уже потом, срастаясь после операции, я болтал с мамой по телефону и рассказал ей о странной кардиологше. Мама сильно ею заинтересовалась.

– А как выглядит? Не, ну понятно, что хреново. Ага... Фамилию ты, конечно, не запомнил. А имя? Татьяна Батьковна? Надо же... Работает еще. Она у нас в медицинском преподавала. Потом, я слышала, ушла в больницу работать. Хороший доктор!

– То есть она у тебя вела занятия?

– Ну да.

Моей маме, на минуточку, 74 года в этом году исполнилось.

После прохождения всех обследований, я стою в коридоре, все также с курткой подмышкой, и жду возвращения хирурга, для финальной консультации. Мимо меня на завтрак начинают вереницей тянуться больные разной степени помятости и потрепанности. Перевязанные и забинтованные, хромоногие и перемещающиеся на инвалидных колясках. Один мужик так и вообще идет в столовую, катя перед собой капельницу.

Моя первая мысль: "Неужели тут все настолько плохо, что лежачим больным даже еду не приносят в палаты?" Я еще не знал, что на второй день после операции я гордо откажусь от предложения привезти мне еду и, едва переставляя ноги, поплетусь в столовую. Потому что после суток лежания пластом невероятно хочется ходить. Даже через боль. Потому что хочется почувствовать себя живым, нормальным, способным выполнять хотя бы простейшие действия вроде "поесть" и "почистить зубы".

Так вот... Вереница больных тянется мимо стоящего у окна меня, и тут один дедок отделяется от нее и ковыляет ко мне. Останавливается рядом, смотрит вместе со мной в окно, и тяжело вздыхает:

– Как там? – спрашивает он, кивая в сторону воли.

– Холодно, – отвечаю я.

– Но хорошо?

– Хорошо!

– Эх... – вздыхает дедок, и плетется дальше в столовую.

Я еще не знал, что два дня спустя буду с такой же тоской смотреть в окно, и мечтать о серой и грязной сибирской весне. Два дня спустя! А сколько тут провел этот дедушка – фиг его знает...

Но все это было еще впереди, а пока меня ждал последний разговор с хирургом перед госпитализацией.

– Так... Анализы – еще в лаборатории. Это понятно. УЗИ... Ух ты, какая печень! Мне бы такую... ЭКГ... тут все в норме. Кардиолог? Ага... Сама она паразит. Она всем их ставит. А где рентген легких?

– Там.

– Где? Тут нет. Вы там были?

– Был.

– А где результат?

– Откуда ж я знаю? Мне сказали, что его потом вам принесут.

– Ясно. Видимо "потом" будет сильно потом...

Как вы уже поняли, в первый же день в больнице кто-то потерял мой рентген легких.

Если честно, после разбитой пробирки, бабки в коридоре, потерянного рентгена и паразитов у кардиолога, лечиться на операцию было откровенно страшно.

Но надо...

И я лег!

Продолжение следует.

36. Как не ржать на операционном столе

Итак, я лег в больницу. Меня поселили в одиночную палату, на которой красовалось гордое "Изолятор". До введения президентом режима самоизоляции оставалось еще недели три, но я уже чувствовал себя вполне изолированным.

Заселился я утром. Улегся. Я же лег в больницу, верно? Надо соответствовать. Часов в 9 утра на обход пришел мой доктор.

– Доброе утро! Лежите?

– Лежу.

– Вот и лежите! – и собрался уходить.

– Доктор... Ну, чисто из любопытства... А на кой я лежу? Я же с тем же успехом мог бы приехать завтра утром, и лечь сразу на операционный стол.

– Надо, чтобы с вами поговорил анестезиолог...

– А дистанционно – никак?

– Надо, чтобы вы полежали и успокоились.

– Да, больничная обстановка очень успокаивает...

– Кудряшов! Тебе чего надо? ПОЛОЖЕНО ТАК! Лег?

Вот и лежи.

Доктор ушел, а я остался лежать. В обед я осознал главную проблему этой больницы. Еда! То, что подавали здесь, на еду смахивало очень мало... Еще утром, уезжая в больницу, я приготовил себе вкусную яишенку с беконом, а здесь на обед мне дали горячую воду с парой макаронин, и нечто кот-

летообразное, которое грустно смотрело на меня из тарелки с клейстером. Я закинул все это за ухо, понял, что нифига не наелся, и пошел за добавкой.

– Знаете, у вас такая котлетка вкусная была... Мне б еще одну, а? Можно?

– Ишь чего захотел! Добавки! – возмутилась тетка на даче.

– Да наложи ему! Видишь, молодой, красивый... – расплылась в улыбке повариха, котлетам которой, похоже, никто не делал комплиментов уже лет 10, – ты это, заходи еще...

Всегда будьте вежливы и обаятельны с больничными поварихами. Понравитесь им – они не дадут вам умереть с голоду!

После обеда сестра позвала меня в процедурную.

– Кулачком работаем...

– А что вы мне колите?

– Антибиотик широкого спектра действия... Как уколою – сразу бегом в палату. У него побочные действия интересные.

– Очень интересные?

– Очень! Головокружения, тошнота, возможны обмороки...

Следующие 15 минут после укола я осознавал, что испытывала моя супруга во время токсикоза. В гробу я видел эти интересные побочные действия.

Еще несколько часов ничего не происходило. Я лежал, си-

дел, читал, играл, болтал с друзьями и женой в социальных сетях, и мечтал о еде. Воображение рисовало мне полоску сыровяленого бекона, которую я, даже не заморачиваясь обжаркой, кладу себе в рот. Я прямо таки чувствовал на языке его вкус... Жрать хотелось неимоверно, и я с нетерпением ждал ужина.

От скуки я попытался очаровать дежурную медсестру, и попросить ее, чтобы она познакомила меня с местным венерологом. Должно же быть в больнице отделение венерологии, верно? А у венеролога всегда есть коньяк, я в кино видел.

Не получилось. Очаровать танк Т-90 и то было бы проще. Вспомнив шутку из "Годвилля": "Добивался внимания у медсестры. Добился клизмы", я ретировался обратно в палату.

Часам к 16-ти ко мне пришел анестезиолог.

– Хронические заболевания есть?

Я перечислил, не забыв упомянуть и хроническое ебалайство.

– Последнее – это серьезно, но поправимо. Ну-с, рекомендую вам спинальную анестезию. Это когда вам делают укол в спину, и у вас отнимается все, ниже грудной клетки. Вы в сознании всю операцию. Минимальный стресс для организма.

– А стресс для меня?

– Ну... Есть маленько. Еще, правда крайне редко встречаются побочные эффекты вроде адских головных болей и

полного паралича нижних конечностей, но... Не будем принимать их в расчет, верно?

– Доктор, а может все-таки общий наркоз? Я тихонечко просплю всю операцию, и...

– И у вас могут начаться суровые глюки при пробуждении. Большинство, конечно, из наркоза выходят тихо и спокойно, но все-таки это стресс для организма.

Я вспомнил, как мне в 12 лет удаляли под общим наркозом аппендицит, и меня передернуло. При наркозе в горло вводится интубационная трубка. Мне ее ввели настолько "аккуратно", что запрокидывая голову чуть не свернули шею. Минус три шейных позвонка, вылетевших во время этого действия.

Подумав, я согласился на спинальную анестезию.

Доктор ушел, и время снова потянулось медленно, как вползающий в комнату пьяный питон.

Еще час спустя заглянул мой хирург.

– Лежите?

– Лежу.

– Анестезиолог был?

– Был.

– Ну и хорошо. После полуночи ничего не есть, после 6 утра ничего не пить. Часов в 9-10 за вами придут. Операция простая, так что управимся быстро, минут за двадцать.

Стемнело. Затихли шаги пациентов и медсестер в коридоре. Я собрался спать, когда ко мне заглянул восточного вида

санитар.

– Кудряшов? Пойдемте со мной в манипуляционную...

Мне как-то сразу это слово не понравилось. Противное оно. "Манипуляционная"... Но раз говорят, значит надо...

– Ложитесь на бок, колени прижмите к животу...

Так я узнал, что манипуляционная раньше называлась клизменной... С тех пор строчки из стихотворения моей любимой поэтессы обрели для меня новый смысл.

"Ваши манипуляции, ваши амбиции, акции напоказ можете сунуть в..."

В гробу я видел эти манипуляции. Хотел было пошутить, что после того, что он со мной сделал, санитар должен на мне жениться, но не стал. У меня внезапно появились новые, более насущные дела.

Но не будем о плохом.

Ночь прошла беспокойно. Мне снились бекон и манипуляции. От снов о первом я просыпался, урча животом на весь этаж, от второго – просыпался с гулко бьющимся сердцем, и тоже, в общем-то, с урчащим животом. Хотелось жрать, но нельзя.

Завтрак прошел мимо меня. Читать не хотелось, хотелось чтобы за мной поскорее приехали и забрали... Но время шло, а за мной никто не приезжал. Я болтал с женой, думал о беконе и о грядущем лете, в котором я буду здоровым, и снова смогу путешествовать и гулять по новым городам, проходя в день километров по двадцать. И вечером после таких

прогулок у меня будут приятно болеть ноги, а не адски болеть грыжа...

Откуда мне было знать, что к концу мая только по официальной статистике число заболевших коронавирусом будет каждый день увеличиваться на сотню человек только в моем городе, и поход в магазин станет подобным выходу в зону посещения?

И вот, наконец, двое студентов вкатили в мой изолятор теплежку. Точнее – тощенький и явно голодный студент, и симпатичная девочка, ростом мне до пупка.

– Раздевайтесь, ложитесь. Очки, крестики, цепочки, кольца, оружие, наркотики – все оставьте в палате.

Отписавшись супруге лаконичным "Повезли!", я выполнил все предписанные действия, вольготно разлегся на каталке, и приготовился к главному событию этой весны.

Укрытого простыней меня подкатили к лифту.

– Поехали через урологию? – предложил парень. – Этого лифта хрен дождешься.

– Не хочу через урологию! – возмутился я. – В этом лифте тетка вредная дежурит! Она на меня бухтела, что я с верхней одеждой. Я хочу ей показать, что теперь я вообще без одежды! Побуду немного эксгибиционистом.

Девочка прыснула, но мое замечание проигнорировала. Меня повезли через урологию...

Минут 15 езды по коридорам больницы и ожидания лифта, и меня вкатили в операционный блок.

– Кого привезли?

– 418-ая.

– Завозите. Перебирайтесь на стол.

На соседнем операционном столе лежала девушка, с которой мы недавно вместе сидели в очереди к кардиологу. В больницах вообще все помнят друг друга по диагнозам. Кирилл Грыжа. Татьяна Камень-в-желчном... Пока я укладывался на стол, у нее изо рта вынули интубационную трубку. Судя по длине трубки, она доставала в аккурат до желчного пузыря.

Меня чуть не стошнило, и я порадовался, что у меня анестезия будет спинальной.

Зря...

Вокруг меня засуетелись врачи. Померили давление, прищипали на палец правой руки прищепку. Рядом тут же запищал прибор, отмеряющий удары моего сердца.

– Садитесь. Согнитесь. Прогнитесь...

Девушка-анестезиолог водила пальцем мне по позвоночнику.

– Доктор... У меня это первая в жизни спинальная анестезия, и я немного волнуюсь. Хотя кого я обманываю... Я в панике, в рот мне ноги. Поэтому я буду вам признателен, если вы будете комментировать свои действия.

– Первая, говорите! Надо же, у меня тоже! Хе-хе! Щас будет немного больно.

– Ай, мля! – игла вошла мне в позвоночник.

– Щас больно быть перестанет... Не дергайтесь! А то у нас тут бывали случаи, что пациенты на нервах пытались со стола прыгнуть и убежать. Далеко не убежали...

– Поймали и скрутили?

– Зачем же "поймали"? Подобрали. Ноги-то отнимаются.

Все, ложитесь.

Я улегся обратно на стол. По ногам побежали мурашки... Где-то в этот момент я понял, что больше не слышу писка кардиомонитора.

– Доктор, а это прибор сдох, или у меня сердце остановилось?

– А, точно! Шняга отошла. Она все время отваливается. Ща...

Сестры споро установили передо мной тканевый экран, чтобы не травмировать меня видом моих собственных кишок. Воткнули мне в правую руку катетер и прикрутили к нему капельницу.

Спустя пару минут, возле меня снова возникла анестезиолог. Я как раз шевелил ногами, которые слушались все хуже и хуже.

– Так чувствуете? – спросила она, что-то сделав за занавеской.

– Нет.

– А так?

– Нет.

– Олег Анатольевич, можете оперировать!

Материализовавшийся у меня в ногах хирург кивнул мне, и принялся что-то там делать...

– Доктор, я еще чувствую ноги!

– Это ненадолго.

Судя по его движениям, он всю меня резал.

– Доктор! Но я ими еще шевелю!

– Вот и перестаньте это делать, а то я вам могу что-нибудь лишнее отрезать. Расслабьтесь!

Легко сказать "Расслабьтесь", когда вы лежите, почти не чувствуя себя ниже пояса, и зная, что вас сейчас режут.

Неожиданно в себя пришла все еще лежащая на соседнем столе Татьяна Камень-в-желчном.

– Сколько времени? – хрипло спросила она.

– Кажется 10-30, – ответил я.

– Сойдет! – ответила она, и снова провалилась в сон.

– Оклемалась. Увозите! – скомандовал кто-то, и мою соседку погрузили на каталку и, дважды врезавшись в косяк, укатали в палату.

Я лежал. Доктор резал. Рядом с ним стоял ассистент, подававший ему инструменты, и, судя по всему, практикант, время от времени задававший ему вопросы.

– Олег Анатольевич, а вот это как?

– Вот так.

– А вот это?

– А это – вот так...

– Слушайте, но ведь в учебнике же не так...

– Как это не так? У него тут все как в учебнике!

– Нет, но... Смотрите, вот тут оно вот так, а в учебнике было вот так...

– Тогда смотри, вот это перекладываем сюда, и теперь все как в учебнике. Ага?

– Ну, допустим, ага...

И вот тут я осознал, что не могу вдохнуть. Анестезия подействовала полностью, и у меня полностью отнялось все, что ниже грудной клетки. Мой большой и годами отъедаемый живот полностью расслабился и придавил все, что в нем находилось. И я, привыкший дышать животом, мог теперь дышать только грудью. Маленькими такими вдохами... Я попытался вдохнуть глубже, поднять раскрывшимися легкими живот, но тут же получил гневный окрик от хирурга.

– Кудряшов! Отставить дышать! Вы мне мешаете!

Пришлось дышать неглубоко и тихонечко...

Несколько минут спустя нарисовалась новая проблема, еще более серьезная. У меня зачесался нос. Нос вообще такая штука, которая любит чесаться в тот момент, когда в каждой руке у тебя по тяжелой сумке, на руках спит грудной ребенок, или когда вы ты лежишь на операционном столе, привязанный к этому самому столу.

– Доктор, – обратился я к анестезиологше, – вы не могли бы отвязать мне хотя бы одну руку?

– Не положено.

– У меня нос чешется!

– Терпите!

– Ну доктор! Пожалуйста! Дико чешется! Я тихонечко и аккуратно! Давайте я вам анекдот расскажу? Если он вам понравится – вы меня отвяжете?

– Хех. Давайте!

– Горит больница. Пожарный расчет ликвидирует возгорание, после чего начальник расчета докладывает главврачу: "Пожар потушен. Пострадали пять человек... Трех мы откачали, а вот двоих, увы, спасти не удалось!" Главврач, медленно оседая на пол: "Как трех откачали? Вы же морг тушили!"

– Гыгы. Ладно, уговорили. Чешите свой нос, но потом я вас опять привяжу.

Время ползло. Хирург сосредоточенно копался в моих внутренностях. Лишенный возможности залезть в карман за смартфоном, хотя бы в виду отсутствия на мне штанов, я смутно представлял, сколько уже здесь лежу. Но по моим субъективным ощущениям, обещанные двадцать минут прошли достаточно давно.

Выглядеть Ослом из "Шрека" и спрашивать: "Мы уже приехали?" – не хотелось, да и отвлекать засунувшего руки тебе в живот хирурга – не самая удачная идея. Поэтому я просто лежал, пока предатель нос не зачесался снова.

– Доктор...

– Что? Опять?

– Да...

– Рассказывайте! – улыбнулась она. – Нос за анекдот!

– Ладно. Идет операция. Вдруг из-под стола раздается протяжное "Мяяяу!" Хирург ворчит: "Пшла вон! Не отвлекай!" Снова "Мяяяу!" Хирург, отрезая что-то скальпелем и бросая под стол: "Да на, подавись!"

– Боян! – сказала анестезиологша.

– Мяу! – сказал ассистент.

Ржали все, даже я.

– Кудряшов! – снова рыкнул хирург. – Отставить ржать! Я устал уже ваши вываливающиеся кишки заправлять обратно! Не мешайте работать!

Тут уж я не удержался, и спросил. Тем более, что анестезиолог в это время все-таки отвязала мне руку, и я смог наконец почесать нос.

– А чего так долго? Вы же говорили, что 20 минут?

– У вас грыжа давно?

– Кажется, она была со мной всегда.

– Болела часто?

– Да, частенько.

– Ну и вот. У вас тут все в застарелых рубцах. Убираю их... Работы дофига. Лежите.

– Куда ж я денусь-то с подводной лодки, да еще и без ног?

– И то верно! И хватит ржать. Seriously, кишки вываливаются. Нервируют.

Когда у меня в третий раз зачесался нос, в операционную вкатили еще одну женщину, и принялись готовить ее к об-

щему наркозу. Давление, пульс, катетер, капельница... Она же, видимо, волновалась еще больше меня, поэтому без конца задавала один и тот же вопрос.

– А когда вы меня вырубите?

– Скоро. Руку вытяните, пожалуйста.

– Уже вырубаете?

– Нет. Пока только ставлю катетер.

– А когда вы меня вырубите?

– Поверьте, вы узнаете об этом первой.

– Как я узнаю-то? Вы ж меня вырубите!

Наконец, хирург закончил копаться в моих внутренностях, все зашил, наложил повязку и дал отмашку везти меня обратно. Все те же тощий студентик и маленькая девочка вкатили в операционную каталку.

– Перекладывайте его!

– Э... Мы не сможем.

Логично. Они даже вместе весили меньше меня.

– Так... Кудряшов, перелезайте.

Я честно попробовал. Но когда ты не чувствуешь себя ниже грудной клетки, перелезть куда-то весьма проблематично.

– Тааак... Нам когда-нибудь будут присылать практикантов поздоровее, а? Батенька, я вас щас подтолкну сзади. Ваша задача – вцепиться в каталку руками и лечь на бок. Начали!

Я лег.

– А теперь... Толчок!

– Пиздык! – рефлекторно сказал я, падая мордой на каталку. Кажется, нижняя часть меня последовала примеру верхней. Впрочем, уверен я не был, я же ничего не чувствовал.

– Везите!

Бренча на стыках плит, и традиционно врезавшись в косяк на выезде из операционной, меня покатали в палату.

37. Как выйти из больницы

Меня привезли обратно в палату и тем же макаром, через поворот на бок, толчок и пиздык, сгрузили на кушетку. Поверх повязки уложили ледяную грелку, и оставили меня наедине с мыслями о скором выздоровлении.

Минут через 5 ко мне заглянула старшая сестра.

– Болит?

– Не-а, – ответил я, – вообще ничего ниже ребер не чувствую.

– Вот и хорошо. При первых признаках боли – зовите. Вот кнопка на стене...

Рядом со мной в самом деле красовалась красная кнопка с надписью "Тревога".

– Если что нужно – мы сразу прибежим.

– Пожрать!

– Что?

– Пожрать мне нужно! Срочно! Дико жрать хочу.

– Нельзя. Лежите.

Я снова остался один и принялся пытаться шевелить ногами. Отвратительное, скажу я вам, чувство, когда кажется, что ног у тебя нет. Я сосредотачивался, посылал импульс к ноге, и... Импульс возвращался обратно! Я прямо физически чувствовал этот откат тока по нейронам. Это было даже больно, и верхнюю часть тела, которую я еще чувствовал, сводило легкой судорогой. Попробовав несколько раз шевельнуть хоть пальцем, я забил на это гиблое дело и занялся делами насущными.

Позвонил жене и маме. Написал пост о том, что меня прооперировали и я жив, проиллюстрировав его фотографией своих бесчувственных ног. Дотянулся до тумбочки и сожрал припасенный льняной батончик. Немного полегчало, пустота в животе хотя бы частично заполнилась.

Небольшой запас еды, принесенной из дома, лежал в холодильнике, но до него было не добраться никак.

Главный минус спинальной анестезии – необходимость сутки после нее лежать пластом. Лидокаин (или новокаин? В общем, анестезия) вводится между позвонками, в пространство вокруг спинного мозга. Если встать, дав нагрузку на позвоночник – фиг знает, как поведут себя остатки этой жидкости. Куда сольются, на что надавят, что сместят? Так можно остаться в моем нынешнем положении, без ног и таза, на всю жизнь. Поэтому сутки – пластом. Даже садиться нельзя. Максимум – поворачиваться на бок, или чуть приподни-

маться на локтях. Так что холодильник для меня еще 24 часа – недостижимая мечта.

Пришла сестра со шприцом.

– Что это?

– Обезболивающее. Морфин.

Не чистый, конечно. Какое-то вещество на основе морфина, я просто название забыл. Наркота, в общем.

– Так у меня пока ничего и не болит.

– А меня это мало волнует. Мне сказали колоть – я пришла колоть.

Еще полчаса спустя анестезия начала понемногу отходить, и ко мне решила вернуться правая нога ниже колена. Чуть-чуть стали откликаться на нервные импульсы пальцы... Потихоньку стала возвращаться возможность нормально дышать.

Часа через полтора после операции я всю шевелил ногами, но меня слегка беспокоил тот факт, что то, что выше ног, что мужики пуще всего берегут, возвращаться не торопилось.

Заглянул хирург. Состоялся уже вполне привычный диалог.

– Лежите?

– Лежу.

– Вот и лежите.

Хирург ушел, время снова потянулось...

В обед, ожидаемо, принесли обед.

– 418-ая... Ага, после операции. Диета номер 42, для почти покойных. Вот вам суп. И чай.

– Хоть хлеба к нему дайте!

– Не положено.

– Так положите! Я не знаю, что там у вас за диета прописана, но мне грыжу штопали! Это даже полостной операцией в полной мере не считается!

– Не положено! Ешьте суп!

Супом оказалась тарелка прозрачной субстанции, пахущая капустой и отчаянием. От желания вызвать такси и сбежать, меня удерживала только перспектива остаться паралитиком на всю жизнь.

Часам к четырем мое тело снова стало принадлежать мне полностью. Онемение прошло, все работало как надо. Пришла и боль, но боль вполне терпимая, особо мне не мешавшая. И снова я лежал, читал, играл, болтал с друзьями в соцсетях, и тихонько ждал, что будет дальше.

Зашел хирург.

– Лежу! – сказал я ему с порога, предчувствуя стандартный вопрос.

– Ноги работают?

– Да.

– А это самое?

– Побочную функцию выполняет. Основную пока проверить не было возможности. Женщина нужна. Желательно красивая.

– Ясно. Как себя чувствуете в целом?

– Отлично! – я не кривил душой. Защищенный живот болел, но боль эта ничуть не мешала жить. Я вспоминал, как меня корежило от боли в 12 лет после аппендицита, и радовался тому, что скоро поеду домой. Будущее рисовалось радостным и простым. Вот завтра мне можно будет вставать, и я сбегу отсюда! Вот ей Богу сбегу!

Я все продумал, еще ложась в больницу. Специально надел старую куртку, которую все равно собирался выкинуть. Ну и пусть мне не отдадут верхнюю одежду без бумажки о выписке! На улице -5. В кофте доплетусь до такси, и домой. Дома и стены помогают.

К вечеру возникла первая серьезная проблема. Простите за интимные подробности, но принесенная санитаром бутылочка наполнилась под завязку. Нужна была новая, а по сему я не колеблясь нажал на кнопку возле кровати.

В коридоре, на сестринском посту, раздался противный писк, и... И ничего не произошло. Пульт на посту попищал пару минут, и заткнулся. Никто ко мне не пришел.

Я нажал на кнопку еще раз. И... Не произошло **ВООБЩЕ** ничего. Не было даже писка.

Вот тут я слегка запаниковал, потому что бутылочка нужна была уже очень срочно. Спасительная уборная была в двух шагах от меня, но вставать-то нельзя!

Еще одно отвратительное чувство в копилку послеоперационных ощущений. Я **МОГ** встать. Реально чувствовал се-

бя вполне прилично, и был уверен, что спокойно дойду до туалета, сделаю все свои дела, и вернусь обратно. Но НЕЛЬЗЯ! Может быть, введенный мне в позвоночник лидокаин уже рассосался и как раз сейчас пытается вывестись из моего организма, а может быть одна капелька все еще лежит между позвонками, и только и ждет, чтобы я сдавил ее, и она в свою очередь надавила на спинной мозг...

Русская рулетка, в которой ты не знаешь, есть ли патрон хоть в одном гнезде барабана. Может, револьвер не заряжен, а, может быть, заряжены все шесть гнезд.

Вставать нельзя.

Услышав шаги в коридоре, я довольно вятно и громко крикнул:

– Человек, проходящий мимо моей двери, позовите, пожалуйста, сестру!

Реакции ноль. Шаги удалялись. Уверенные такие шаги. Ровные. Пациенты так не ходят. Пациенты передвигаются медленно, зачастую – шаркающей походкой. Это явно был кто-то из персонала, только ему было пофигу.

Когда в коридоре снова раздались шаги, на этот раз уже вполне пациентские, я не стал размениваться по мелочам.

– ПОМОГИТЕ! – от души заорал я, для верности толкнув стул, так что он с грохотом отлетел к стене.

– Вам что-то нужно? – спросил женский голос из-за двери.

Нет, в этой стране определенно можно умереть среди бела дня, и никто не обратит внимания.

– Да! Позовите, пожалуйста, сестру!

– Сейчас...

Еще минут пять спустя пришла сестра...

Я лежал и вспоминал голливудские фильмы, где на писк кардиомонитора сбегается весь персонал, уже с дефибрилятором наготове. Здесь я мог умереть раз 11, и нашли бы меня, наверное, только во время обхода.

– Вы чего-то хотели?

– Да. Вот...

– Щас поменяем. А чего просто на кнопку не нажали?

Я молча кивнул ей на мигающую красным кнопку "тревога".

– Хм... Надо же... Видать сломалась. Ну ладно.

– Простите меня, конечно, за мое назойливое любопытство, но что мне делать ночью, если мне вдруг поплохее?

– А вам может поплохеть?

– Откуда я знаю?

– Ну, вы сейчас нормально себя чувствуете?

– Сейчас – да.

– Ну вот и лежите!

Логично... Вот умрете – тогда и паникуйте.

Однако, после того, как сестра выполнила какие-то манипуляции у себя на пульте, красный огонек у меня возле кнопки все-таки погас, и кнопка соизволила среагировать на мое следующее нажатие. "Тревога" работала, спать я мог спокойно.

Вечером принесли тот самый антибиотик с интересными побочными действиями.

– Простите, а куда мне блевать, если побочные действия снова дадут о себе знать?

– На пол, пожалуйста. Я постараюсь успеть отбежать на безопасное расстояние.

Обошлось. Второй раз лекарство пошло лучше.

Часам к 22, снова пришла медсестра с морфином. Уже и без того сонный я ожидал, что провалюсь в приятный сон, изобилующий легкими наркотическими глюками, но вместо этого меня куда-то повело и принялось качать на волнах. Не спал я практически всю ночь, просыпаясь от любого шороха и движения. В этот раз морфин почему-то практически не снял боль, а при каждом движении шов отзывался огненной вспышкой.

Промучившись до 5 утра, я не выдержал и снова нажал на "тревогу".

– Что-то случилось?

– Да. Скажите, во сколько придет фея с волшебным уколом? А то я из-за болей что-то толком уснуть не могу...

– А морфин вам теперь только вечером положен. Но знаете, я могу вас уколоть ненаркотическим обезболивающим. НПВП хотите?

Да, я хотел. И практически сразу же после этого укола, подействовавшего лучше морфина, провалился в крепкий и почти здоровый сон, но... Всего на пару часов. Проснулся я

в семь от рыданий под дверью.

Спросонок подумал о самом плохом. Что кто-то ночью в отделении умер. Вроде никого тяжелого у нас не было, но мало ли? Но рыдания под дверью были вызваны куда более трагической причиной. У заступившей на дежурство сестры кто-то спер только позавчера принесенный, свежий, новый, только что выстиранный халат.

Слушая ее стенания, я решил, как только смогу встать, проверить наличие кошелька в рюкзаке. Мало ли, что тут было, пока меня оперировали. В этой больнице возможно все.

Подали завтрак. Как всегда скудный и тоскливый. В этот раз мне хотя бы полагался кусок хлеба с маслом...

– Так, 418-ая... Не ходячий?

– Это ненадолго! – чувствовал я себя в самом деле отлично, и снова начал думать о том, что сбегу, как только мне разрешат встать.

– Что у нас тут... Диета №23, для восстающих мертвецов. Каша из серого нечто и хлеб с маслом. Чай вам можно с сахаром.

Потом был обход.

– Лежите?

– Нет, от тоски и безысходности парю над кроватью, потому что отлежал уже все, на чем можно было лежать. Когда мне можно вставать, доктор? Я отлично себя чувствую и готов хоть сейчас к выписке.

– Хехе. Оптимистичный больной – это хорошо. Повязка в норме, крови нет, значит, зашил я вас хорошо. Менять повязку будем, пожалуй, завтра. Встать можете через 2 часа. А пока – лежите. Будете вставать – делайте это плавно и аккуратно. Голова может закружиться.

Я весь извертелся, ожидая, когда пройдут эти два часа. И вот, наконец, дождался.

Все! Прошли сутки после операции! Можно вставать! Чувствовал я себя отлично, живот практически не болел, и я очень хотел домой: к любимой жене, детям и бекону... Ну, пункт первый: сесть на кровати!

Сесть оказалось больно, но не критично. Я посидел немного, удостоверился, что голова не кружится, и я не рухну в обморок при попытке встать, собрался с силами, оттолкнулся от кровати и встал на ноги.

Живот словно разрезали заново, только уже безо всякой анестезии. А потом в него засунули раскаленные пассатижи, ухватили ими кишки и принялись завязывать их в узелки. Я согнулся пополам, постоял так несколько секунд, понял, что выпрямиться все равно не смогу, и повалился обратно на кровать. Ни о каком побеге не могло идти и речи. Оказалось, что лежать и ходить – это две принципиально разные вещи.

Минут 15 спустя, я предпринял вторую попытку. Оказалось, что самым тяжелым было переждать первые 10 секунд боли после подъема, и выпрямиться. Дальше дело пошло лучше. Через боль, с матами и паузами после каждого шага,

я пошлепал-таки до уборной и впервые за сутки умылся.

К обеду по отделению разнесся вкусный аромат. Шепоток: "Гречка, гречка!" бежал среди пациентов, будто в том анекдоте про монашек и ожидаемую на обед морковку. И таким же, как в анекдоте, был финал. Облом. Масштабный облом!

Походкой покореженного Т-800, я приковылял в столовую, как бурундук Рокфор на аромат сыра. На тарелку мне плюхнули бурое нечто и сосиску...

– Берите, берите! – видя мое недоумение, поторопила меня повариха.

– Но... Я же отчетливо чувствовал запах гречки! Мне показалось?

– Нет. Гречка есть,

– Тогда... Почему вы положили мне эту слизь ксеноморфа?

– Гречки мало. Ешьте что дали. Пока кашу не раздам – гречку не открою.

– Знаете, я тогда, пожалуй, подожду, пока не кончится эта, с позволения сказать, каша.

– Ждите. Ваше право. Но сосисок тоже мало. На всех может не хватить... И к тому же, тем, кто соглашается на кашу, я даю ПЕЧЕНЬКУ!

Так я понял, что кухня 11-ой больницы на темной стороне. Они – жестокие изверги, и у них есть печеньки.

Вечером в дверь палаты с трудом протиснулась медсестра размером с двух меня. Жестом велела мне вытянуть руку,

подцепила к катетеру шприц и что-то молча в меня влила. Интуитивно я предположил, что это снова был антибиотик, но спросить не рискнул.

Когда стемнело – пришла фея с волшебным уколком.

– А можно мне не морфин, а НПВП? Мне тут просто утром его кололи, и я с него лучше сплю, чем с вашей наркоты.

– Нет.

– Но позвольте... Морфин – дорогой, подотчетный. И я не хочу морфин! Можно мне другое обезболивающее?

– Нет. Сказано колоть морфин – я колю морфин.

Ночь прошла лучше и быстрее предыдущей. Угнетало меня только одно: скудный запас принесенной из дома еды в виде связки бананов, двух йогуртов и трех льняных батончиков таял на глазах. А на больничной слизи, даже если заедать ее печенькой, я определенно долго не протяну.

Утром, после завтрака, пока я задумчиво рассматривал катетер и думал: а что будет, если я случайно сорву его во сне – не истеку ли я кровью? – случился обход.

– Лежите?

– Хожу.

– Самочувствие?

– Отличное!

– Приходите на перевязку.

Прогулка до перевязочной была самой долгой прогулкой с момента попадания на операционный стол. Я передвигался

все еще походкой Т-800, которого крепко отделал Т-1000, но ходить уже мог, и в мою голову все навязчивее пробиралась мысль о побеге.

Меня перевязали, констатировав, что шов отличный, и заживление идет по плану. Попутно сняли и катетер, видимо сочтя, что он больше не нужен.

Время потянулось дальше.

От тоски и безысходности я принялся гулять по больнице, медлительным серым призраком перемещаясь по коридорам и любуясь солнечными бликами на окнах. Свобода манила, мои мысли целиком и полностью занимал сочный бекон, так контрастировавший с больничной жратвой. Но сбегать было страшновато. Мало ли... Я и так недооценил масштаб операции, и недооценивать время реабилитации после нее не хотелось.

Что есть паховая грыжа? Если очень грубо и утрировано, то это щель в мышечной ткани там, где ее быть не должно. И через эту щель содержимое брюшины вываливается в паховую область. Кишки, проще говоря. Лишившись в детстве аппендикса я знал, как тяжело и больно срастается брюшная стенка, и потому ожидал, что после грыжесечения я буду бодро ходить уже на следующий день. Операция ведь проще. Брюшину не разрезают, а значит срастаться ей не надо. Разрезают только кожу, вшивают сеточку-заплатку на то место, где завелось несанкционированное отверстие, и зашивают кожу обратно.

Вот только я не учел, что вшитая в меня сеточка будет размером примерно 15*3 сантиметра, и вот как раз этой сеточке нужно довольно много времени, чтобы прижиться.

Вечером третьего послеоперационного дня мне наконец-то отменили морфин и стали колоть НПВП. А вот со вторым уколом возникла заминка.

– А где ваш катетер? – спросила сестра.

– Олег Анатольевич снял.

– Зашибись... А как я вам антибиотик уколою? Блин, может он назначение снял, но забыл об этом в карточке написать?

– Все возможно, особенно у вас в больнице, где даже халаты пропадают. Халат-то нашли?

– Не, так и не нашли. Ладно, значит, не буду колоть...

Утром четвертого дня я получил ответ на свой вопрос о том, что будет, если сорвать катетер.

Я неторопливо (по-другому я еще долго не мог) прогуливался по коридору отделения, кайфуя от сознания того, что у меня не вываливаются кишки. Со стороны это может показаться идиотизмом, но... Я упрямо, через боль, бродил взад-вперед по коридору, пока хватало сил, периодически касаясь рукой живота. Удостоверяясь, что он зверски болит, но вшитая в меня авоська держит надежно, и кишка, доставлявшая мне массу неудобств чуть ли не всю мою жизнь, надежно лежит там, где ей и полагается лежать! И вот в одну из ходок по коридору, я обнаружил в процедурной залитого кровью

мужика. Буквально с ног до головы залитого!

Фильм ужасов на натуре!

– ...соседи по палате разбудили, – услышал я обрывок разговора, – так бы еще спал и спал. Видать вырвал во сне. Не знаю, как...

– Голова не кружится?

– Да вроде нет. Как думаете, сколько я крови потерял?

– Думаю, миллилитров сто – точно.

Выглядел он так, как будто потерял ее всю!

Я порадовался, что катетер мне уже сняли, и опасность нечаянно вскрыть себе вену меня миновала. Зря порадовался.

Ближе к вечеру ко мне заглянула сестра с уже знакомым 10-миллилитровым шприцом, наполненным бурой жидкостью. Антибиотиком.

– Давайте руку. Нет, не эту. С катетером.

– А у меня нет катетера.

– Как???

– Олег Анатольевич снял. Я думал, курс антибиотика уже закончен...

– Нифига. Он сегодня после обхода нам выговор сделал, что вчера вам укол не сделали. Надо колоть. Ну что ж, будем делать как многое в России...

– Через жопу?

– Ага. Через нее, родимую. Поворачивайтесь на бок. Мужайтесь!

Зачем надо было мужаться, я понял спустя несколько секунд. Левую ногу парализовало, как только сестра начала вводить мне лекарство в мышцу. Более страшного укола я не видел никогда в жизни! Даже "Актовегин", сыворотка крови молодых телят (кому кололи, тот поймет) – мерк в сторонке в сравнении с этим лекарством.

– Терпите, скоро всосется, – сказала мне сестра на прощанье.

"Скоро" на практике было равно примерно получасу. На эти полчаса я забыл обо всем! Даже ощущения от чихания с разрезанным животом меркли в сравнении с уколом этой гадости внутримышечно. Я дал себе зарок, что больше никого в этой больнице к своей жопе не подпущу. Ни санитары с его манипуляциями, ни сестер с их шприцами. Колите в вену, ставьте мне катетер, делайте что угодно, но жопу я буду беречь как зеницу ока!

Вечером меня пришла навестить подруга. Начитавшись моих полных трагизма и отчаяния голодных постов, милая Катя принесла мне пожрать. Не бекон, конечно, но пару йогуртов, связку бананов и пачку печенья. Я воспрял духом! Теперь, даже если мне придется провести здесь еще неделю, голодная смерть мне больше не грозит! И пусть идут лесом поварихи с их печеньками и темной стороной!

Ну а на следующий день меня выгнали домой!

После обхода доктор опять погнал меня в перевязочную, осмотрел, перевязал, и велел через полчаса зайти к нему в

кабинет.

– Собирайте вещи, я вас отпускаю!

– Ура!!! Выписка!!!

– Не выписываю, а отпускаю. Лежите тут, одиночную палату мне занимаете. Надоели! Срастайтесь дома. Через неделю приедете, я вам швы сниму, и уже тогда выпишу! Все, вот вам расписка, чтоб вам вещи в гардеробе отдали.

Но вы же не думаете, что моя больничная эпопея закончилась вот так просто и без финального аккорда? Нет, конечно же вы так не думаете!

Я вернулся туда через неделю. Снова стоял с курткой подмышкой у лифта, ожидая скандала на тему "Ходят тут всякие с верхней одеждой!", и внезапно нос к носу столкнулся со своим хирургом.

– А вы чего тут делаете? – спросил он.

– Ну как же... Вы же мне сказали сегодня прийти, швы снять?

– Я? Вы у меня на завтра записаны... Рановато еще.

– Эм... И что мне теперь делать? Обрато ехать?

– Ладно, поднимайтесь в перевязочную. Сниму. Авось не разойдется...

Как же я люблю этот медицинский авось...

В общем, как вы уже поняли, ничего не разошлось. Сейчас, почти три месяца спустя, авоська хоть иногда и отливается легкой болью на резкие движения, но работает исправно. И я уже без страха таскаю на руках обоих детей, даже од-

новременно. Но финальное указание хирурга все еще блонду...

– Женщин на руках ближайшие полгода не таскайте. На всякий случай...

38. Техногенные чудовища

Вы наверняка сталкивались с ними. С предметами, обретшими разум. Чаще всего сознание зарождалось у старой Советской техники... Это мог быть телевизор, который бьет током именно вас, утюг, который плюется паром только в ваших руках, или радиоприменник, который самопроизвольно включается в 2 часа ночи...

Как правило, если предметы обретают разум, то разум этот полон злобы и ненависти. Зачастую – направленной на одного конкретного человека. Или же наоборот, как питбуль-убийца, эта штукавина будет подчиняться только одному хозяину, и пытаться откусить левое полулопие всем остальным.

В моем доме таким питбулем работают недавно купленные супругой римские шторы. Она поднимает и опускает их одним движением руки. Я – корячусь по 10-15 минут, тягая и дергая, то с проклятиями, то с молитвой. И все без толку... Шторы подчиняются только жене, меня же они пытаются извести.

Но никогда еще я не встречал монстра, подобного тому,

что стоял в квартире на Плющихе, кою мы сняли с подружкой на время пребывания в столице.

Сначала о нас с Юлей. Я не могу сказать, что у нас с ней есть традиция по нечетным годам ездить гулять в Москву. Потому что два случая – это еще совпадение, а вот если мы снова полетим в Москву в 21-м – это точно будет закономерность. Но тот факт, что в 2019-м мы пытались полететь в Петербург, но оказались в Москве – определенно свидетельствует о том, что Златоглавая нас так и манит.

Мы бронировали квартиру на Airbnb. Если верить описанию, то это была изысканная аристократическая квартира в самом центре столицы. На фотографиях красовались позолоченные подсвечники, резные спинки стульев и хрустальная люстра, а в описании говорилось, что квартира оснащена всем необходимым для путешественника и гидромассажной ванной.

Хозяйку, если верить профилю звали Джоанна. Джоанна опоздала на вручение нам ключей минут на 30, и оказалась вполне обычной Жанной, хоть и не стюардессой. Квартира действительно была в самом деле в центре, с видом на шпиль МИДа, подсвечники, похоже, кто-то спер до нас а в хрустальной люстре горела только половина лампочек. Резные спинки стульев присутствовали в количестве двух штук, так что когда к нам в гости завалился Гена, Юля чокалась с нами бутылкой пива, вальяжно развалившись на диване. Главным сюрпризом в квартире, в которое "Есть все необходимое для

путешественника" (с) Джоанна, оказалось отсутствие микроволновки. Мы аж задумались: в самом деле, зачем путешественнику микроволновка? Впрочем, на квартире в Подмосковье, которую мы снимали в прошлый раз, не было холодильника. В сравнении с этим перспектива греть пиццу в газовой духовке была просто мелочью.

Газовая духовка нас, правда, чуть не убила...

Учитесь переключать ответственность! Чувствуете разницу между "Газовая духовка нас чуть не убила" и "Я забыл выключить газ"? В первом случае мы имеем дело с обретшим разум предметом интерьера, а во втором – с классическим раздолбаем, впервые в жизни использовавшим газовую духовку.

А как было дело? Нам привезли пиццу. Уже слегка остывшую. Решили погреть... А микроволновка-то, по мнению Джоанны, путешественнику не треба. Открыли духовку, а она газовая. А я никогда в жизни с газовой духовкой дела не имел. С плиткой – да. На газовой плите – готовил. Там все просто: газ включил, спичку поднес, потом пальцы под струей холодной воды подержал, и все. А где поджигать духовку?

Я включил газ, послушал непонятно откуда сходящее шипение, закрыл духовку и пошел есть холодную пиццу.

Какое действие я пропустил? Правильно, выключить газ...

Был вечер. Мы собирались отужинать и лечь спать. Нас спасли два факта: я – эстет, и я – гордец. Эстетство не поз-

волило мне есть остывшую пищу, а гордость – не позволила признать, что я, обладатель двух красных дипломов о высшем техническом образовании, не могу разобраться с какой-то духовкой!

Был бы я всеядным и не гордым – легли бы мы спать при включенной газовой духовке. В принципе велик шанс, что я бы выжил. Я спал в отдельной комнате за закрытой дверью и приоткрытым окном. Вполне возможно, что я проснулся бы с жуткой головной болью, но проснулся бы. А Юля спала в гостиной, между которой и кухней даже двери-то не было, одно перетекало в другое...

Но я был эстетом и гордецом, да еще и занудой, к тому же. И это спасло Юле жизнь.

Ну, можно сказать, что жизнь ей спасли современные технологии, потому что я погуглил, как поджигать газовую духовку, и пошел применять свои знания на практике. Минут, наверное, через 20 после первой попытки.

Сколько газа утекает в духовку за 20 минут? Достаточно ли это для взрыва, если поднести спичку?

Я опустился на колени перед духовкой. Зажег спичку. Чуть приоткрыл дверцу. Потом вспомнил, что чтобы поджечь газ, его сначала надо включить... Осознал, что я его и не выключал. Закрыв духовку. Дунул на спичку, уже в тот момент, когда она обожгла мне пальцы. Изрек несколько нецензурных выражений...

– Обжегся? – спросила меня Юля.

– Поверь, это меньшая из бед, которые могли со мной сегодня произойти...

Но эта заметка – она не о духовке и не обо мне, героически спасшем подругу от смерти, пожертвовав частью эпидермиса на пальцах правой руки.

Вы могли бы подумать, что разумным техногенным монстром из квартиры Джоанны я назвал смертоносную духовку? Но нет, духовка сама не включала газ... Духовка была опасна лишь для жопоручкого неумехи, избалованного электричеством.

В квартире Джоанны были вещи и пострашнее...

Одной из них была стиральная машинка.

Хорошо, что это было наше второе с Юлей совместное путешествие. Юля в принципе уже была готова ко всему. К тому, например, что мы с Геной, предпочтем прогулке с ней на Арбат и ужину во вкусном ресторане, остаться в тайм-кафе гладить ежиков и умильно радоваться тому, что ежик обосрался у Гены на груди, или куснул меня за палец, перепутав меня со сверчком.

В первую поездку Юля сильно удивлялась тому, что я разговариваю со стиральной машинкой...

– Милая, ну отдай мои трусы! Что тебе стоит, а? Ну постирала и хватит. Открой дверцу, дорогая моя... Очень тебя прошу, это мои последние трусы. Моя жизнь без них будет полна трагизма и мозолей в ненужных местах.

Во вторую поездку на стиральную машинку в квартире

Джоанны я откровенно матерился.

Это чудовище с вертикальной загрузкой ненавидело всякого, кто пытался заставить ее работать. Попытка открыть барабан была чревата потерей пальцев. Она так громко и жутко распахивала свою железную пасть, что я испуганно отдергивал руку, а белье закидывал в нее с расстояния в пару шагов. На всякий случай.

Конечно, она и рядом не стояла с описанной мной много лет назад стиральной машинкой по прозвищу Давилка, которая скакала по ванной как бешеная, пытаясь проломить пол, и чуть не сломала мне ногу. Но Джоаннина машина тоже была не подарок... Раз получив по рукам (от нее, а не от меня), Юля предпочитала стирать на руках, боясь, что машинка или покалечит ее саму, или разложит на атомы одежду.

Меня машинка слушалась. Ворчала, рычала, подпрыгивала на месте, пыталась отбить мне пальцы, но исправно стирала мой шмот. Видимо понимала, что если что-то случится с моей любимой футболкой с надписью "Sulaco" – я ее саму на винтики разберу.

Но нет, и не стиральная машинка была главным монстром аристократической квартиры Джоанны.

Главарем мафии ванной комнаты была душевая кабина. – Жанна, – сказал я при первом осмотре квартиры, – в объявлении фигурировала гидромассажная ванна. Не то, что бы это было именно то, за чем я прилетел в Москву, но я уже настроился на то, чтобы полежать в ней. Но я ее не на-

блюдаю!

– Это ошибка Airbnb. Там нет пункта душ с гидромассажем, поэтому я выбрала ванну. А душ – вот он. Душевая кабина.

– Но в объявлении-то ванна.

– Но ведь гидромассаж тут есть!

На этом месте Джоанна сделала вид, что я куда-то пропал, обернулась к Юле, которую она сочла более интеллектуальным собеседником, и принялась рассказывать ей о том, что перемещаться по Москве на метро – это пережиток прошлого века, и что наземным транспортом сейчас быстрее и удобнее.

– Жанна, но все-таки, это же даже не гидромассаж! В гидромассаже вода подается широкой струей под большим напором, с помощью специального насоса, встроенного в ванную. А тут – узенькие форсунки, рассчитанные на напор воды из водопровода...

– А еще я бы вам обязательно советовала посетить выставку картин Мунка в Третьяковке! – протараторила Джоанна, и скрылась в дверях.

Она – ушла, а мы втроем – остались. Я озадаченно смотрел на то место, где минуту назад стояла хозяйка квартиры, Юля – с интересом смотрела на меня (она всегда на меня так смотрит, ждет, что я еще отчебучу), а душевая кабинка угрожающе смотрела на нас обоих.

– Ну и черт с ней, с гидромассажной ванной! – вынес вер-

дикт я. – Что у нас сегодня по плану? ВДНХ? Поехали!

Как вы думаете, чего я больше всего на свете хотел вечером того же дня, после того, как я весь день гулял по городу, в который влюблен всем своим огромным и добрым сердцем?

Ладно, кроме выпить. Выпить я хочу всегда, это не считается.

Я хотел принять душ!

– Дамы – вперед! – сказал я, уступая Юле право привести себя в порядок первой.

Душевая выжидающе смотрела на нас. Ей все равно было, кто станет первой жертвой. Я – пожирнее буду, зато с Юлей проще справиться.

– Знаешь что, иди первым ты. Заодно расскажешь мне, как там все управляется. – решила Юля.

Я забрался в кабинку, ширина которой как раз примерно соответствовала моим плечам. А поскольку жопа у меня немного шире плеч – находиться в кабине было несколько неудобно. Я чувствовал себя шмелем, которого угораздило попасться в пасть росянке.

Я включил воду. Мне на голову полился поток ледяной воды. Я шархнулся в сторону, едва не опрокинув кабину, и размазался по стенке, чтобы спрятаться от воды из широкой лейки в потолке.

Матерясь, я потянулся к ручке переключения режимов работы кабинки. Мне нужна была маленькая ручная лейка...

Одно движение, и ледяные струи ударили мне в спину. Еще одну – спустились чуть ниже.

– Да твою ж мать! Ну уж следующим-то точно должен быть режим "маленькая лейка"!

Но нет, следующим снова был режим "С потолка".

– Да как так-то?

Я принялся вращать переключатель обратно. Задница, спина, макушка, УРА, маленькая лейка! Почему-то при кручении влево этот режим отсутствовал, и включался только движением направо...

Успев продрогнуть, я принялся настраивать температуру воды. Настроил. Намылился. Из лейки полил кипяток...

Настроил снова. Сотворил на голове шапку из пены, принялся смывать... Кабина снова включила холодную воду.

39. Встать, суд пришел!

Сегодня у меня был суд! Первый в жизни суд, к которому я долго шел. И суд я выиграл!

Но я был бы не я, если бы не попал в нелепую и идиотскую ситуацию. Меня задержал судебный пристав и составил на меня протокол за попытку пронести в суд предмет, который можно использовать как оружие, для оказания давления на судью.

Предыстория: хорошо известная в Новосибирске компания kassy.ru повела себя в пандемию весьма мерзко и недо-

стойно, так что подозреваю, в ближайшем будущем ее полностью вытеснит Яндекс.афиша, или кто-то другой. Потому что отзывы у "Касс.ру" такие, что смывать пятно на репутации им придется кровью.

Ребята просто отказались возвращать людям деньги за отмененные концерты. Не отвечали ни по телефону, ни по электронной почте, прикрывшись табличкой с сообщением: "В городе режим повышенной готовности, губернатор запретил нам работать, вот мы и не работаем!"

Видимо, бухгалтер не может работать удаленно, и производить возвраты из дома.

Собирать деньги режим повышенной готовности им никак не мешал. Билеты продавались, афиша обновлялась.

Написав несколько обращений, и не получив ни на одно из них ответа, я решил подать в суд. Сам. Без пап, мам, кредитов и юристов. Ведомый жаждой мести и стремлением к интересным квестам, я засел за изучение статей закона о защите прав потребителей, и образцов заявлений из ситуаций, подобных моей.

Первый блин – комом. Заявление я отправил в арбитражный суд, а надо было в мировой.

Второй блин – тоже. Суд оставил дело без движения, сочтя недостаточными мои доказательства попыток урегулировать ситуацию досудебно.

С третьей попытки, почти через три месяца после начала квеста, назначена была дата заседания.

Я воодушевился. В суд! Впервые в жизни! Интересно же, как это все будет?

"Встать, суд идет!"

"Ваша честь, позвольте заявить отвод секретаря заседания, у нее слишком хитрый прищур, мне кажется, она что-то замышляет!"

"Истец, прошу вас перестать макать ответчика в аквариум, с криком "Где деньги, Лебовски!" Иначе я обвиню вас в неуважении к суду, и пристав макнет вас головой во что-то другое, более близкое к сюжету легендарного фильма!"

Подруга расстроила: "Когда ты придешь, там уже, скорее всего, все будет решено! У тебя спросят фамилию и паспорт, вручат решение и пошлют лесом! Так что ты не жди чего-то романтического и интересного. Ни клятв на Библии, ни присяжных заседателей..."

Присяжных-то я, конечно, не ждал, но надеялся все-таки, что суд будет действительно судом, а не фикцией.

Утром дня "Хы", естественно, хлынул ливень. В ливень все водители, естественно, забыли, как надо держать руль, перепугались, и стали ехать очень медленно и осторожно. А один, на подходах к Речному Вокзалу, так и вовсе умудрился врезаться в фуру, создав могучую пробку во всю Большовичку.

Я, вышедший заранее, вскоре осознал, что мое "заранее" по меркам Новосибирских пробок стоит классифицировать как "тянул до последнего, и вышел за пять минут до со-

бытия!" Где-то на транспорте, а где-то пешком, проклиная "Кассы.ру", ливень и водятлов-неумях, я мчался к суду. На нужный мне этаж я влетел за 5 минут до назначенного мне времени, и тут же был остановлен двухметровым судебным приставом в полной боевой экипировке.

– Оружие при себе имеется?

– Господь с вами! На кой мне в суде оружие?

– Паспорт, пожалуйста!

– Держите!

– Теперь позвольте досмотреть ваш рюкзак.

– Досматривайте на здоровье...

Досматривал он тщательно. Водил вдоль рюкзака металлодетектором, и докапывался до каждого писка.

– Что это?

– Ключи.

– А это?

– Читалка. Кошелек. Пять рублей. Еще пять рублей. О! Целых десять рублей! Так я, получается, мог дать тому бомжу на проезд? Вот незадача-то...

– А здесь?

– Перочинный нож.

– Оружие...

– Перочинный нож! Складной швейцарский нож!

– Оружие! Которое вы пытались тайком пронести в суд, видимо, чтобы использовать в качестве давления на судью!

– Уважаемый... Знаете анекдот? Если человек способен с

помощью перочинного ножа захватить самолет – я считаю, он его заслужил!

– Анекдот хороший, но вы пытались пронести в суд колюще-режущий предмет, который можно использовать как оружие. По закону я должен вызвать полицию, и передать вас им...

Я открыл, было, рот, сказать, чтоб вызывал сразу ФСБ. Они-то меня знают. Я у них в базе давно, за попытку угона вертолета... А год назад моя сообщница еще и Кремль заминировать пыталась. Но какой-то голос внутри меня сказал: "Заткнись, придурок!" Кажется, это был здравый смысл, и, кажется, я услышал этот голос впервые в жизни.

– Вы же не умели злого умысла? – спросил меня пристав.

– Нет.

– Вот туда это скажите! – он кивнул куда-то за мою спину.

– Не понял...

– Камера – там, – перейдя на шепот, сказал он, – мне вообще пофигу, даже если бы вы гранатомет пронесли. Мне до пенсии два года осталось. Доработать бы в этом дурдоме... Но камеры повсюду. Камеры. Меня вые... От меня требуют, понимаете?

– У меня не было злого умысла! – сказал я, обернувшись, – Кажется, у меня вообще никакого умысла не было. Я честно забыл, что у меня в рюкзаке нож. Потому что меня попросили вынуть оружие, а это ж разве оружие? Это ж перочинный нож!

– Нож – оставьте у меня. Вернетесь – составим с вами протокол о происшедшем. А пока – идите. Вам туда.

Офигев от происходящего, я направился в нужный кабинет.

– Я – Кудряшов. Прибыл без оружия и злого умысла на судебное заседание в 13-30.

– О! Кудряшов! Пойдемте!

Меня отвели в комнату судебных заседаний. Пару минут спустя к нам присоединилась судья...

Да, это была настоящая судья. В мантии, даром что без магистерской шляпы. Суровая вершительница правосудия.

– Вы – истец?

– Так точно!

– Садитесь! Начнем заседание.

Это было именно заседание. Серьезное и в меру торжественное, с аудио и видео протоколом в нагрузку к отстукивающему по клавишам секретарю.

– Истец, вам понятно право отвода судьи и секретаря?

– Так точно.

– Вы будете пользоваться правом отвода?

– Никак нет.

Про себя я уже решил, что однажды заявлю об отводе. Просто чтобы посмотреть, что будет, и как это будет выглядеть. Но сделаю это в следующий раз, в следующем квесте.

– К делу прикреплены доказательства... Вот это – чек за покупку билетов?

– Не знаю.

– То есть как, не знаете?

– У меня зрение -5. Я вас-то с трудом вижу, а уж о том, что написано на этой бумажке – могу только догадываться.

– В таком случае я позволяю вам приблизиться.

Офигеть! Судья позволила мне приблизиться! Вот если бы у меня пристав нож не отобрал – какой момент был бы для оказания давления...

– Моральный вред – 1500 рублей. Моральные страдания вследствие того, что вас пилила жена за спущенные в никуда деньги?

– Все верно!

– Суд удаляется на совещание!

Могла бы честно сказать: "Суд удаляется чтобы проржаться!" Я бы понял.

Ржала судья долго. Вернулась минут через 10, все такая же серьезная и торжественная.

– Прошу всех встать!

Всех – это меня. Секретарь как сидела, так и осталась сидеть. Будет она еще вставать из-за какой-то судьи, с которой они вместе на корпоративе водку из горла хлестали?

– Суд постановил удовлетворить иск частично. Вернуть деньги за билет, 50% их стоимости за то, что не сделали этого в досудебном порядке, и моральный вред – 500 рублей. Истец, вам понятно право обжаловать решение суда?

– Понятно!

Здравый смысл внутри меня заговорил снова:

– Не надо! Не вздумай! Я понимаю, что это прикольный квест, но ты потратишь кучу времени, и может быть не получишь вообще ничего! Не надо доказывать, что жена пилила тебя на полторы тысячи, а не на 500 рублей!"

– Но ведь весело же!

– Ты получишь 2 100 рублей бонусом к стоимости билетов! Это бутылка чачи, и еще на закуску останется!

Этот аргумент я счел логичным.

Получив на руки копию решения суда, я отправился к приставу за своим ножом и протоколом.

В протоколе четко и недвусмысленно указал, что склероз у меня был, а злой умысел – нет, расписался, сфотографировал протокол на память и поехал домой, попутно гугля, по какой статье я теперь прохожу.

Оказалось, что за пронос оружия в суд мне светит либо 15 суток, либо штраф от 500 до 1000 рублей. Это что, мне теперь ждать, когда судья вынесет решение по моему случаю? Или раз меня отпустили – на первый раз простят? Что делать-то? Чего ждать? Квитка на штраф, или за мной придут полицейские, чтобы посадить меня на 15 суток?

– А вот это – можешь обжаловать! – сказал мне здравый смысл, – А пока – пойдём, купим пива и вкусного сыра с плесенью!

Вот тут я со здравым смыслом был абсолютно согласен.

P.S. Я не знаю, кто составлял шаблон протокола, но чтоб

вы знали, мировой суд Центрального района находится по адресу Красный прастпект, 86/2.

40. Эталон неловкости

Мне сложно вспомнить более нелепую историю, чем эта.

В сравнении с ней меркнет даже одна моя коллега, решившая посплетничать обо мне с подружкой, но перепутавшая окна "Аськи" и написавшая о том, какой я неприятный тип, мне, а не ей. Уровень неловкости у этой девушки в тот момент просто зашкаливал. У нее даже мочки ушей покраснели...

Что может быть более нелепым?

А вот что!

Я приехал в гости к подружке. На день рождения. Отмечать собирались вельми узким кругом, то ли втроем, то ли вчетвером. Уже не помню, за давностью лет. Пунктуальный я на свою беду пришел первым... Поздоровавшись, и вручив имениннице подарок, я первым делом направился в ванную, помыть руки с дороги.

Буквально на днях читал воспоминания одного живущего в Петербурге британца. О том, как его поражала традиция русских, войдя в квартиру, сразу идти мыть руки. Британцы, оказывается, так не делают! И на него долгое время смотрели с недоумением, видя, как он садится за стол с грязными руками!

Интересно, в других странах действительно так не принято, или это один конкретный англичанин такой негигиеничный?

В общем, я то не англичанин ни разу. Пришел в гости – помой руки! Что я и сделал. В гостях у Юли я бывал частенько, поэтому вопроса "Где у тебя ванная?" я, естественно, не задал. Просто пошел, и помыл. На автопилоте развернулся с мокрыми руками, и принялся вытирать их о белое полотенце.

Странные ощущения были от этого процесса. Полотенце какое-то... Сильно гладкое, не махровое ни разу!

Уже понимая, что делаю что-то не то, я встретился взглядом с обалдевшей подругой, которая в ступоре смотрела, как я вытираю руки о ее белую рубашку, которую она собиралась надеть сегодня в честь праздника!

Ни разу в жизни, ни до, ни после, я не испытывал такой безграничной неловкости! Благо, Юля – девушка милая и адекватная. Поржала, сказала, что сама виновата, раз ожидая в гости подслеповатого меня, повесила рубашку на крючок для полотенца. Но подкалывала она меня потом долго и со вкусом...

Впрочем, была и другая история, связанная с Юлей, происшедшая много лет спустя. Существенно ниже по градусу неловкости, но тем не менее...

В годы нашего тесного общения Интернет еще только входил в нашу жизнь. Он как бы уже был, но был медленным и

неторопливым. "Одноклассники" уже существовали (впрочем, они существовали, кажется, и во времена динозавров, и на них были ориентированы уже тогда). Но до эпохи расцвета социальных сетей оставалось еще как минимум лет 10.

Так сложилось, что наши дороги с Юлей разошлись, оставив обоим лишь светлую память друг о друге. Долгие годы мы не общались совсем, а потом, в какой-то момент, мы нашлись в "Вконтакте". Обменялись парой слов, и снова на какое-то время забыли друг о друге. Вот только у Юли на странице был ее сотовый, и я по привычке записал его себе в телефон.

Ну и принялся время от времени слать ей веселые и озорные смски.

Ну, как "принялся". Только начал. Дня три слал ей пожелания с добрым утром, не получая ответа. Меня это не удивляло, а наоборот настраивало на позитивный лад. Я думал: "Ха! Юля пока еще не понимает, кто ей пишет, я же не подписываюсь! Вот она и думает, что у нее появился тайный поклонник. Отлично, пусть так и думает!"

На четвертый день в ответ на мое "Доброе утро!" телефон зазвонил.

Ну, думаю: "Щас повеселимся! Юля решила выяснить, кто ее таинственный собеседник! Интересно, она после стольких лет мой голос узнает вообще?"

И я бодро гаркнул в телефон: "Доброе утро, Юля! Рад тебя слышать!" А в ответ в трубке позвучал грубый мужской бас:

– Слышь, мужик, ты задолбал уже малость!

"Ревнивый муж?" – удивленно подумал я. Но нет, все было куда нелепее...

– Ты когда телефон бабы записываешь, удостоверься сначала, что она тебе свой телефон дала, в натуре! Нет тут никакой Юли! Иди в жопу!

Я не знаю, успел ли он услышать мое "Извини, чувак!", или раньше повесил трубку... Я полез к Юле на страничку, проверять номер телефона. И точно. Записывая, я ошибся в одной цифре.

Но все равно, вытереть руки о белую рубашку именинницы – это куда более нелепо, чем слать приветственные смски какому-то быдловатому мужику!

Не делайте так!

41. Самая жестокая стоматология города

Стоматологов в детстве боялись все, не так ли?

Впрочем, я их и сейчас панически боюсь, но уже по другой причине. Каждый визит к дантисту откусывает стальными зубам нехилый кусок моей зарплаты. Зубы – это дорого...

Но в детстве, пришедшемся на кошмарные 90-е, я боялся стоматологов, как и всякий ребенок. Потому что это БОЛЬНО! Мое знакомство с суровой и беспощадной, тогда еще советской стоматологией, состоялось в 3 года. Начиналось все стандартно: заболел зуб. Мама отвела меня к стоматоло-

гу, и злая тетя с бормашиной принялась сверлить. Она сверлила, я – орал.

– Держите ребенка крепче! – скомандовала тетя, – Надо депульпировать!

Сам я этого не помню, видимо сознание стерло воспоминания об адской боли при рассверливании зуба до самого нерва, как излишне травмирующие. Анестезия? Да зачем обезболить молочные зубы? И так сойдет!

Зато я отчетливо помню день в садике ПОСЛЕ этой процедуры. Стоматолог засверлилась мне в зуб, заложила туда мышьяк, чтобы уничтожить нерв, и поставила сверху временную пломбу. Помню, как болел зуб... Гораздо сильнее, чем до визита в поликлинику. Бесконечно ныл и дергал, будто пытался вырваться из десны. Помню, как я пытался найти положение, в котором зуб будет болеть меньше. Держался за щеку, ложился на холодный стул этой щекой... Ничего не помогало! Зуб болел!

Время шло, совершенствовались технологии лечения зубов, но до муниципальных поликлиник они еще не добрались. Помню, как лет в 14, я пришел к стоматологу, и та, усадив меня в кресло, принялась сверлить зуб старой, советской бормашиной. Помните такие, с ременной передачей крутящего момента? По-моему нынешние перфораторы работают тише... Да какое там, по-моему мой шуруповерт способен менее болезненно рассверлить зуб, да и рот открывать придется не так широко. Мне, порою, казалось, что стоматолог-

ша хочет мне не инструмент в рот засунуть, а залезть туда сама. Целиком.

Естественно, стоматологов я избегал старательнее, чем стай гопников после школы. Честное слово, гопники – это не так больно, как стоматологи тех времен.

И вот однажды, видя, как я мучаюсь с очередным зубом, но к врачу не иду, мама предложила мне: "А приходи к нам на завод, в стоматологическую поликлинику! У нас отличный стоматолог! Я договорюсь, все будет бесплатно!"

Краткая историческая справка: моя мама полжизни проработала на Новосибирском Приборостроительном Заводе. Как всякое режимное предприятие, завод имел все необходимое для функционирования даже в случае блокады. Свои производственные цеха, от литейного до сборочного, свою котельную, и, конечно же, свою поликлинику. Чтобы рабочие завода могли полечиться тут же, без отрыва от производства. Терапевт, хирург, окулист, стоматолог, рентгенолог, физиотерапевт т.д. Полный цикл! Наверное, даже проктолог был, на случай, если какой-нибудь прораб исполнит-таки обещание, и засунет рабочему стальную болванку в задницу!

Моя мама была замом главного врача, имела доступ к телу директора завода и всех больших начальников, а потому ее боялись все, от дежурных на проходной, до самой заведующей поликлиникой.

Надо ли говорить, что мамино "У нас отличный стоматолог!" следовало трактовать как "Я у нее лечусь 20 лет, и дру-

гих стоматологов просто не знаю!"?

Отсутствие конкуренции порождает чудовищ, пострашнее тех, что творит сон разума...

Сейчас я это понимаю прекрасно, а вот в 16 лет – еще не понимал.

Мне выписали пропуск на завод. Да, на режимное предприятие. Просто взяли и выписали. Человек, отвечавший за пропускной режим завода просто побоялся, что если он сейчас откажет Татьяне Васильевне, то в следующий визит к ней она ему манжету тонометра не на руку, на шею наложит. К другому-то врачу он пойти не может. Отсутствие конкуренции порождает еще и тоталитаризм... Или тоталитаризм порождает отсутствие конкуренции? Не уверен...

Я пришел к назначенному времени. Ранним утром, самым первым...

В тот день я подумал, что у стоматолога и ее медсестры просто день не задался. Пока я пролечил все больные зубы, я узнал, что так начинался ЛЮБОЙ их день. С яростной перебранки со взаимными угрозами и оскорблениями. Они ненавидели друг друга, но вынуждены были работать вместе.

Почему вынуждены? Осколки советской психологии. Нельзя часто менять работу. Лучше работу не менять вообще, а не то на тебя косо посмотрят. Да и вообще, если уволишься – попробуй куда-то устроиться в 90-е... Особенно когда ты – полный ноль в своем деле, и на новом месте тебе придется учиться, подстраиваться, и работать на результат,

а не с 9 до 18...

– Кирилл, здравствуй. Проходи, садись. Людмила Петровна, ты буры простерилизовала?

– А когда бы я это делала? Вы вчера Олега Павловича до 18-05 лечили, а у меня рабочий день до шести. Я ушла.

– Людмила Петровна, твою ж мать, ты медсестра, или где?

– А я с хера ли буду задерживаться на работе? Мне за это не платят! Вовремя надо заканчивать, Мария Ивановна!

– И что я, по-твоему, должна была начальника сборочного цеха с дыркой в зубе домой отправить? Ты головой своей думаешь вообще?

– А нехрен было вчера два часа на обеде где-то шарахаться, успела бы все вовремя!

– Не твое дело, где я была!

– Ну так сама буры и стерилизуй!

– Я сейчас сына Кудряшовой чем лечить буду? Ты когда простудишься, к ней ведь пойдешь. Тебе давно мимо вены 11 раз промахивались? Кудряшова может, я то знаю... Она тебе 62 клизмы в день назначит, а вазелина не даст!

– А, так это сын Кудряшовой? Ща, найду, где-то одна упаковка буров оставалась. А вот она, вроде нормальная! Кажется, ее никто не открывал.

– Кажется???

– Не нравится – иди сама стерилизуй!

И так каждое утро! Каждое! Обе они плевались друг в друга ядом, грозились написать докладные "наверх", стара-

тельно устраивали друг другу подлянки, но... Продолжали работать вместе. Изощренная форма мазохизма! Или идиотизма?

– Люда, я не поняла, почему у меня рабочее место не готово?

– Я забыла, Мария Ивановна! Щас в туалет схожу и подготавливаю.

– Людмила Петровна, хлористый калий тебе в задницу, я как работать должна, по-твоему? У меня крошка зубов по всему креслу!

– А мне что, обоссаться тут прикажете? Прямо на кресло? И так каждое утро! Каждое!

Честно, мне откровенно страшно было у них лечиться. Стерилизованы ли буры? Вымыта ли плевательница после предыдущего пациента? Что мне занесут в зуб вместо кариеса? Триппер? Сифилис? Бубонную чуму? Экскременты Людмилы Петровны? Но тамошняя бормашина хотя бы застала Черненко и Андропова, а не Сталина. Это хотя бы был не дрын на ременной передаче, а что-то более-менее современное и компактное.

– Садись, рот открывай... Так, приступим!

– Ай! Ой! Больно!

– Ну а как ты хотел?

– Как я хотел? С обезболиванием я хотел! Можно?

– Нет, конечно! Я как тебя буду лечить с обезболиванием?

Во-первых, анестезия у нас так себе. От нее побочка бывает

интересная. Вплоть до потери сознания... Были, знаешь ли, прецеденты. Челюсть разбарабанить может. Нагноение бывает...

В последнем я не сомневался. Об изобретении тонких одноразовых игл в заводской поликлинике, вероятно, еще не знали, и иглы стерилизовала Людмила Петровна. Ну, иногда стерилизовала, если это не противоречило ее принципам, или она не хотела в туалет.

– Ну и вообще, без обезболивания – лучше контролируется процесс. Вдруг я тебе уже нерв на сверло наматываю? Ты мне об этом скажешь...

– А вы, простите, не видите, что сверлите?

– Да как я там что-то увижу? Кстати! Люда! Ты электрика вызвала? Я уже две недели прошу лампочку заменить!

– Вызвала, Мария Ивановна! Он не пришел. Его уже две недели на заводе никто не видел. Бухает, наверное!

– А он у нас что, один что ли?

– Ну да, сменщика его, Петю, помните?

– А, этот, у которого я никак флюс вылечить не могу... Да, он на больничном. А Коля пьет, значит?

– Пьет... Может умер уже. Кто его знает? У него же цирроз печени был, помните, он в больнице лежал? И два инфаркта... Может уже третий стукнул?

Апогеем лечения зуба всегда был его финал с отвержением пломбы.

Господи, спасибо тебе за изобретателя пломб, застываю-

щим под воздействием ультрафиолета! Посветил несколько секунд на слой материала – он затвердел. Нанес следующий, посветил, подшлифовал, отпустил клиента.

В 99-м, когда я лечился в заводской поликлинике, в частных клиниках эта технология уже была. Но не здесь! Не в мире перманентного экзистенциального конфликта Марии Ивановны и Людмилы Петровны! Здесь пломбы были из цемента. Суровые и brutальные, как челябинские сталевары! Спасибо, что хоть не из чугуна!

– Все, закончила. Сядь вон туда, на стульчик, только рот не закрывай.

– Олго?

– Минут пятнадцать!

– Инут янадцать???

И вот я сижу на стульчике, в углу кабинета, наклонив голову в сторону, противоположную той, на которой лечили зуб, подставив под подбородок носовой платочек, чтобы в него стекала струйка слюны изо рта, как у дебила!

Хотите почувствовать себя идиотом? Добро пожаловать в стоматологическую поликлинику НПЗ! Интересно, изменилось ли там что-то за прошедшие двадцать лет? Подозреваю, что нет. Мне кажется даже, что там до сих пор работают Мария Ивановна и Людмила Петровна, которым уже далеко за 70, и которые каждое утро начинают с ругани:

– Людмила Петровна! Почему у меня плевательница грязная?

– А это я туда харкнула, Мария Ивановна! Потому что плевать я хотела на тебя, и на эту проклятую работу, на которой я торчу уже пятый десяток лет! И даже когда я умру, я выберусь из могилы, чтобы прийти сюда, и лязгать у тебя под ухом гнилыми зубами, которые всегда боялась у тебя лечить!

P.S. Я пролечил там шесть или семь зубов. Все их пришлось перелечивать в ближайшие несколько лет. Но делал я это уже в чудесной частной клинике на Первомайке. В клинике, где доктор улыбалась мне, делая анестезию тонкой, почти невесомой одноразовой иглой. После чего я откидывался на спинку кресла, закрывал глаза, и ждал, пока мне скажут:

– Можете вставать!

А вот встав, я начинал орать. Потому что мне показывали счет.

Я и до сих пор так делаю...

42. Муравьи и береза

По молодости лет мы с братом взяли шефство над муравейником. Представьте себе двух ебалаев, одному из которых – 14, а второму – 22, которые по часу просиживают на корточках возле крупного муравьиного мегаполиса, обмениваясь восторженными репликами:

– Ооо, смотри, эти трое веточку тащат!

– Вау, а вон тот уже три круга по куполу муравейника де-

дает! Интересно, нафига?

Мы приносили мурашам покушать сахарку, подбрасывали им гусениц, бабочек, паучков и прочий сифилис. С восторгом наблюдали, что если накидать на муравейник листы и земли, то уже через неделю трудолюбивые насекомые все это упорядочат и возведут над своим городом еще пару-тройку этажей.

Меня, 14-летнего, еще можно понять, пусть и с трудом. Нормальных пацанов в этом возрасте интересуют девочки и пацанские разборки. Но Женьку, который в 22 года любил выдохнуть сигаретный дым на муравейник и наблюдать, как суетятся наши подопечные, думая, что начался пожар, понять уже сложновато.

Собственно, как мы с муравейником познакомились... Лет так в 14 я повадился ездить за молоком автостопом.

Еще раз. Ездить за молоком. Автостопом. Почему?

Факторов много.

Первый – я был весьма странным подростком. Друзей у меня почти не было, я был сложным и замкнутым. Моя душа просила разнообразия и впечатлений, а взять их в 90-е, когда твоя мама едва сводит концы с концами, работая врачом в заводской поликлинике, было проблематично. Поэтому в поисках впечатлений я катался по городу, завозя письма своим друзьям по переписке, и колесил по окрестностям города автостопом, просто так, осматривая мир и постепенно расширяя его границы для себя.

Если мама просила сходить за хлебом – я за ним ехал. В Пашино. Автостопом. Это было довольно легко. Жил я на окраине города, достаточно было выйти на дорогу, поднять руку в понятном всем жесте, и вот ты уже сидишь в каком-то автомобиле, а дорога уносится под капот.

Километрах так в пяти от моего дома, возле знаменитой Пьяной дороги, стоял на отшибе дом. Одинокий дом, непонятно как туда попавший. До ближайшего поселка – еще километра полтора. Дорога, поля, котельная, и ХОП, дом!

В одну из своих поездок я увидел на его воротах табличку: "МОЛОКО"! Зашел, узнал цену, и отныне покупал молоко только там. Это было дешевле, чем в магазине, да и молоко было домашним! Жирным и невероятно вкусным.

Со временем я приноровился приезжать с трехлитровой банкой в авоське к вечерней дойке, и поездка за молоком стала ритуалом. Раз в три дня, вечером, ближе к закату, я ехал за молоком... Иногда, если с машинами не везло – шел пешком. 5 километров – не расстояние для 14-летнего подростка. Чуть меньше часа быстрой ходьбы, и я на месте.

Была и короткая дорога, через лес и поля, но ею ходить было опасно. В лесу часто бухали гопники и тусили наркоманы... Шприцов и бутылок там было больше, чем валежника. Окраина гетто, 90-е годы... Думаю, всем и так все понятно. Иногда ко мне прибивался мой двоюродный брат, и мы ехали вместе.

И вот, однажды, возвращаясь теплым летним вечером до-

мой, мы свернули с дороги в лес, то ли душу облегчить, то ли покурить, и обнаружили муравейник... Совсем недалеко, метров 500 от нашего "молочного" дома. И с той поры не было ни одного похода за молоком, в рамках которого мы бы не заглянули к нашим подопечным.

Сидели возле муравейника на корточках, лузгали семечки, если они были, Женька – курил, я – созерцал. Может это и способствовало тому, что в свои 40 лет мой брат повадился ездить смотреть на стройку? Ну, вы помните: "Кран вертится, на... Рабочие суетятся, на... Интересно, на..."

Вы видели когда-нибудь эпическое сражение сотни мурашей с огромной гусеницей? Финальное сражение Мстителей с армией Таноса курит в сторонке! Громадная гусеница сворачивается в клубок, атакованная безжалостными убийцами, а затем распрямляется, разбрасывая противников в сторону, но тут же снова исчезает под горой черных тел, лязгающих жвалами!

Однажды неподалеку от нашего муравейника больших черных муравьев, мы нашли муравейник маленьких рыжих. Рыжие облюбовали трухлявую деревяшку, которую мы, охочие до гладиаторских боев, подняли и водрузили на верхушку нашего муравейника!

Высадка на планету жуков в "Звездном десанте" отдыхает! Рыжие сражались храбро, но черные превосходили их и силой и количеством, поэтому тридцать минут спустя более мелкие муравьи были повержены и пущены на корм, а чер-

ные – проникли в их опустевшее жилище и перетащили в свои подземные галереи яйца. Будущее потомство рыжих.

Вы знали, что в случае подобных сражений, победившие муравьи захватывают яйца не для того, чтобы съесть, а для того, чтобы вырастить? Муравьи другого вида превращаются в личинок, а затем и в полноценных особей, становясь рабочими в победившем муравейнике! Так что уже через месяц наш муравейник стал интернациональным. Среди черных мурашей суетились и маленькие рыжие, точно также таская травинки и листочки, копая ходы и запасая пищу.

Но история эта – в общем-то не о мурашах, а о березе.

Возле нашего муравейника стояла береза. Абсолютно сухая, мертвая береза без единого листочка. От чего она умерла – не знаю, может выросла на неудачном месте, а может какая болезнь ее поразила... Но факт остается фактом: береза была. Метра 4 в высоту, сантиметров так в 30 у основания, и постепенно истончавшаяся к макушке. Голый ствол.

Ветки мы давно обломали на костры, которые периодически разводили в посиделках у муравейника, а вот ствол – остался.

Некому березу заломати? Ага, щас! Некому было, пока к муравейнику не повадился ходить один ебалай!

Естественно, помимо брата со мной иногда катались за молоком мои друзья. Мишка и Олег, знакомые моим постоянным читателям по ранним заметкам этой серии. Иногда – за молоком, иногда – возвращаясь из других мест, то с под-

жогов, то с поездок автостопом на Северное кладбище за грибами... Естественно, им я тоже показал муравейник. Такого интереса, как мы с Женькой, ребята к мурашам не испытывали, но тоже любили какое-то время позависать у муравейника после дальней дороги.

Вот с Олегом-то мы и оказались возле муравейника в тот роковой день. Разожгли небольшой костерок из сухих веточек, и подумали:

– О! БЕРЕЗА!

Береза – это хорошо. Еще березу заломати, то дров хватит надолго...

– Приступим?

– Приступим!

Помните анекдот про макаку и генерала?

В помещении, в котором стоит пальма с бананом на вершухе, запускают макаку.

– Джонни, что надо сделать, чтобы достать банан?

С ревом "УУУУУУУУ!" примат начинает трясти дерево.

Банан не падает.

– Джонни, а если подумать?

Макака оглядывается по сторонам, находит стоящую у стены лесенку, приставляет ее к пальме, залезает, достает банан.

Опустим нелогичность анекдота и не будем задаваться вопросом, почему макака просто не полезла по стволу. Пусть так...

В помещение запускают генерала.

– Товарищ генерал, что надо сделать, чтобы достать ба-
нан?

– УУУУУУУУУУУ!

– Товарищ генерал, а если подумать?

– А чо думать? Надо трясти!

Подобно этому самому генералу, я принялся трясти бере-
зу. Березагнулась, но не падала.

Поочередно мы с Олегом, представив себя Брюсом Ли, Джеки Чаном и Жаном Клодом Ван-Даммом, принялись от-
рабатывать на березе удары ногами. Береза тряслась, но не
падала.

Имея технический склад ума, сочетающийся со склонно-
стью прогуливать математику и физику в школе, я принялся
раскачивать березу, постепенно увеличивая амплитуду кача-
ния. Стволгнулся все сильнее, но не ломался! То ли в дере-
вяшке оставались еще какие-то жизненные соки, то ли она
все-таки умерла, но еще не успела достаточно высохнуть, но
не смотря на то, что ее верхушка практически касалась зем-
ли – ломаться ствол никак не желал.

– Кирилл, что нужно сделать, чтобы сломать березу?

Ну, я же не анекдотный генерал, верно? Я умею критиче-
ски мыслить

Не переставая раскачивать неподдающуюся березу, я по-
дал Олегу мысль:

– Значится, смотри, когда береза наклонится в твою сто-

рону – ХВАТАЙ И ВИСНИ НА НЕЙ! Должна сломаться!

Как я люблю это "должна"...

– Да пойдем вон тем темным переулком, – говорил я другу незадолго до того, как мы лишились всех денег, – нормально все должно быть!

– Давай сойдем с теплохода на берег, – говорил я жене, – пофигу, что теплоход уйдет, должны же здесь автобусы ходить!

– Да поджигай, – говорил я двоюродному брату, склонившемуся над ямой, в которой был налит бензин, – не должно сильно полыхнуть!

В общем, береза понятия не имела о том, что должна сломаться. Поэтому, когда она в очередной раз накренилась до самой земли, и Олег вцепился в нее обеими руками – ничего не произошло. Ну, то есть с березой – ничего.

Помните мем про князя, усаживающего менестреля в корзину требушета со словами "Извини, я обещал ей песню на стену кинуть!"? Так вот, береза была требушетом, а Олег – менестрелем. Он даже запел... Точнее – заорал. Что-то глубокое, пронзительное, изысканное... Кажется это было вечное русское "БЛЯЯЯЯЯЯ!"

Благо, он додумался все-таки разжать руки, и сделал это не в наивысшей точке своей траектории, а где-то на середине, успев оторваться от земли метра на два. Правда, по всем законам гравитации, он полетел не вертикально вниз, а по дуге... И вторично ему повезло в том, что приземляясь, он

разминулся с березой, которая, опять же, следуя всем законам физики, полетела обратно...

Я как раз успел подумать: "Должны встретиться!" Видимо это Олега и спасло. Не подумал бы это вечное "должны" – убился бы Олег прямо там.

– Живой? – спросил я его, помогая подняться.

– Не-а...

– А цел?

– Вроде да...

– Тогда вставай и помогай раскачивать березу! Должна сломаться!

– Знаешь что, Кирилл... Иди как ты на... На березу, придурок!

Вот странно: березу попытался поймать он, а придурок – я? Несправедливо...

Когда я пару дней спустя рассказывал эту историю брату, тот глубокомысленно изрек: "Вот я всегда говорил: нефиг тебя, дурака, слушаться! Боком выйдет!"

Это было за несколько лет до того, как Женька бросил спичку в ту злополучную яму, после моего "Не должно же сильно полыхнуть!"